

Е.Е. НУЗЬМИНА
**В СТРАНЕ
КАВАТА
И АФРАСИАБА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Из истории мировой культуры»

Е. Е. КУЗЬМИНА

**В СТРАНЕ
КАВАТА
И АФРАСИАБА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1977

В книге рассказывается о развитии культуры и изобразительного творчества праноязычных народов евразийских степей и Средней Азии с III тыс. до н. э. и до эпохи Александра Македонского. Сопоставляя данные археологии и памятников мифологии и фольклора праноязычных народов, автор раскрывает идейное содержание произведений сако-скифского и бактрийского искусства.

Е. Е. Кузьмина — кандидат исторических наук, занимается исследованием культуры праноязычных народов II—I тыс. до н. э., автор ста научных и научно-популярных работ, опубликованных как в СССР, так и за рубежом, в том числе двух монографий, посвященных культуре населения евразийских степей, Средней Азии и Ирана.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

К. Ф. СМЕРНОВ

На первой странице обложки —

серебряный диск со сценой охоты из «Амударьинского клада»

К 10601—010 45—76НП
054(02)—77

© Издательство «Наука», 1977 г.

Уже около 250 лет известны памятники культуры древних народов, населявших 2500 лет назад евразийские степи и Среднюю Азию. И почти два века ученые ведут споры о происхождении этих народов, их языков, материальной и духовной культуры, наконец, своеобразного «звериного стиля», характерного для их изобразительного творчества.

Именно этим сложным проблемам, и сегодня остающимся актуальными, посвятила свою книгу Е. Е. Кузьмина.

С первых же страниц автор вводит читателя в атмосферу научных поисков, рассказывая о том, как ведется борьба идей и выдвигаются новые гипотезы. Нарисовав картину расселения индоиранских племен с их предполагаемой южнорусской степной прародины, Е. Е. Кузьмина сосредоточивает внимание на анализе культуры древней Бактрии — легендарной страны на берегах Амударьи. Опровергая защищавшийся некоторыми буржуазными учеными тезис о том, что достижения цивилизации были привнесены в Среднюю Азию иранскими завоевателями Ахеменидами, автор, привлекая новейшие открытия советских археологов, убедительно доказывает, что уже во II тыс. до н. э. здесь процветали земледелие, ремесла, градостроительство, изобразительное искусство и что это предопределило формирование материальной и духовной культуры страны в ахеменидскую эпоху и сложение самостоятельной художественной школы, расцвет которой демонстрируют предметы всемирно известного «Амударьинского клада».

Широкое привлечение сравнительного материала при анализе вещей клада позволяет автору выявить культурные связи Бактрии не только с Ираном, но и с греческими областями Средиземноморья и сделать важный вывод

о том, что влияние греческих художников на Востоке еще в ахеменидскую эпоху явилось предпосылкой расцвета эллинистической культуры впоследствии.

Большое внимание уделено в книге и культуре сакских племен, населявших степи Средней Азии и Казахстана.

Последние археологические открытия в Иране и в степях, по мнению автора, позволяют по-новому поставить вопрос о сложении «звериного стиля». Е. Е. Кузьмина полагает, что, хотя его возникновению способствовало существование традиций изобразительного творчества в азиатских степях II — начала I тыс. до н. э., окончательное формирование стиля произошло под влиянием переднеазиатского искусства, из которого были заимствованы некоторые стилистические приемы, образы и композиции, переосмысленные иранцами. При этом если скифское искусство в Причерноморье сложилось в результате походов скифов в Переднюю Азию и длительного контакта с мидийцами и прочими народами этой территории, то на востоке степи решающее значение имели культурные связи кочевников с земледельцами южносреднеазиатских областей, прежде всего Бактрии. Эта область и в дальнейшем играла важную роль в культуре степей, являясь поставщиком высокохудожественных предметов роскоши для кочевой знати.

Подробно рассказывая об археологических открытиях, Е. Е. Кузьмина старается не только описать произведения искусства, но и объяснить их. Автор рассматривает сако-скифский «звериный стиль» как особую знаковую систему, выражающую идеологические представления общества, как закономерное отражение в изобразительном творчестве космогонии и мифологии. «Звериный стиль» в искусстве она считает проявлением присущего ираноязычным народам символизма образного мышления и отражением представлений о перевоплощениях мифологических персонажей в животных и фантастические существа.

Многолетнее изучение авестийского языка и древнеиранской литературы, участие в этнографических поездках, широкое привлечение работ советских и зарубежных ученых по лингвистике, фольклору, этнографии, истории, религии позволяет автору предложить собственную трактовку некоторых персонажей и раскрыть идейное содержание

жание образов коня, птицы, льва, дерева и популярных сюжетов изобразительного искусства ираноязычных народов: единоборства двух животных, терзания быка львом, охоты героя на льва, битвы с фантастическим чудовищем и т. д.

Несомненно, далеко не все интерпретации бесспорны, что признает и автор: ведь работа по изучению семантики древнего искусства едва начата! Однако само направление исследования духовной культуры древних ираноязычных народов весьма перспективно.

Обращение Е. Е. Кузьминой к этой сложной, но важной теме делает ее книгу интересной не только для самого широкого круга читателей, но и полезной для специалистов-археологов, востоковедов, историков искусства.

К. Ф. Смирнов

ОТ АВТОРА

Тяжелый рабочий день экспедиции, полный волнений и увлекательных открытий, позади. Жара наконец спала, и мы уходим с раскаленного солнцем раскопа. Вечером весь отряд собирается в большом саду у арыка. Здесь, в Кобадiane, на самом юге Таджикистана, нет нужды ни в традиционных палатках, ни в традиционном экспедиционном костре...

Ночь, как смола, эбеново-черна.
Сатурн угас во мраке, и Луна,
Сверкнув мечом, отправилась в дозор ¹.

Молодые таджикские ребята, работающие вместе с нами, начинают неторопливо рассказывать свои «сказки», путая русские и таджикские слова. Перед нами встают образы легендарных героев древности — правителя иранцев Кавата и царя туранцев Афрасиаба, мудрого Кави Виштаспы, мужественного Рустама и нежного Сиявуша, пылких возлюбленных Вис и Рамин. В этих «сказках» удивительным образом сплетаются сюжеты таджикского фольклора и знаменитой поэмы Фирдоуси «Шах-наме», написанной тысячу лет назад, и слышатся отголоски еще более древних легенд, запечатленных в гимнах Авесты и через 20 веков вдохновивших Фирдоуси.

Все в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца ².

Сквозь три тысячелетия прошли исторические предания, и здесь, на земле древней Бактрии, слушать их особенно интересно. Ведь Кобадian и Кей-Кобад-шах — го-

родища, раскопки которых мы ведем, названы по имени Кай-Кубада (Кавата) — царя из династии Каянидов, прославленных в Авесте и в стихах Фирдоуси.

Рассказывают нам местные жители и о необыкновенных находках древних вещей. Тут фигурируют и кувшины с золотом, сами ушедшие под землю, и золотые подолы, и золотой дракон столь ужасного вида, что нашедший сразу же закопал его обратно. В этих преданиях есть зерно истины: в Кобадрианском оазисе действительно множество древних памятников, и на одном из них сто лет назад было найдено всемирно известное сокровище — «Амударьинский клад».

Журчит вода в арыке, на небе зажигаются звезды, и в памяти всплывают бунинские строчки:

Их было много, нежных и любивших,
И девушек, и юпошей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон³.

Те же звезды светили людям, историю которых мы стараемся воссоздать. Эти люди пахали землю, строили города, защищали их от врагов, слагали стихи и создавали памятники искусства... Кто они? О чем думали, во что верили, на каком языке говорили?

Мы ищем ответы на эти вопросы на занятиях «Кобадрианской академии», как окрестили вечерние беседы с начальником экспедиции Михаилом Михайловичем Дьяконовым. Подобно древним грекам, ведшим диспуты в афинском саду, называвшемся «Академия», мы тоже спорим, неспровергаем авторитеты и главным другом признаем только истину. Мы сопоставляем сведения о народах Средней Азии, которые сохранились в сочинениях древнегреческих писателей. Мы пытаемся реконструировать историю на основании Авесты — книги, в которой отражены предания и религиозные верования иранцев. Мы с благодарностью вспоминаем имена и заслуги ученых, первыми обратившихся к изучению культуры ираноязычных народов.

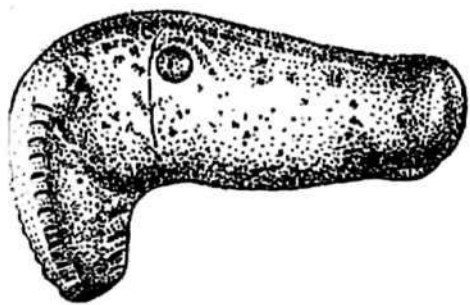
Отряд наш невелик, но все мы молоды и увлечены. В разные годы в Кобадриане работали В. М. Массон, Л. С. Бретаницкий, Н. Негматов, С. С. Черников, А. М. Мандельштам, Е. А. Мончадская, С. Б. Певзнер,

М. Д. Хлобыстина, С. Атаев, Р. Эфендиев и многие другие востоковеды, археологи, художники, архитекторы.

В каждом из нас «Кобадиянская академия» оставила большой след, предопределив дальнейшее направление научных поисков. Все мы с благодарностью вспоминаем Михаила Михайловича Дьяконова.

Задачей кобадианского отряда было изучение культуры Бактрии — области, расположенной вдоль по течению Амударьи, на территории современного Афганистана, южных районов Узбекистана и Таджикистана, воссоздание древнейших этапов истории ираноязычных народов этой страны.

Со времени работ Кобадиянского отряда прошло более 20 лет. Какие же вопросы, поставленные М. М. Дьяконовым, теперь нашли свое разрешение? Какие еще ждут ответа?

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ КОЛЕСНИЦ

Древнейшая история народов, говорящих на индоевропейских языках, все еще служит предметом ожесточенных споров. По одной из гипотез, позволяющей наиболее надежно согласовать археологические и лингвистические материалы¹, предки греков, хеттов, итальянцев, испанцев, французов, румын, немцев, англичан, скандинавов, латышей, литовцев, славян, армян, индийцев, иранцев, таджиков, осетин и др. в IV—III тыс. до н. э. жили в Юго-Восточной Европе. Объединенные общностью происхождения, они поддерживали между собой постоянные связи, в их хозяйстве и культуре было много сходного, поэтому до сих пор так похожи некоторые слова в их языках, мотивы в их изобразительном искусстве, их мифы и сказки.

В III тыс. до н. э. индоиранцы, видимо, уже составляли особую группу среди индоевропейских народов. Они жили в южнорусских степях от Дуная до Урала и называли себя «арии»², т. е. «люди, принадлежащие к данному роду» (позднее слово «арья» стало означать «благородный», «знатный», «здоровый») ³. В поселках по берегам рек арии занимались земледелием, скотоводством и изготовлением каменных и медных орудий. Навыки земледелия, скотоводства и металлургии они заимствовали у более развитых народов Передней Азии. Но если в Месопотамии, по словам греческого историка V в. до н. э. Геродота (История, I, 193), при использовании искусственного орошения удавалось собрать с одного поля урожай пшеницы сам-двести и даже сам-триста в год, то в южнорусских степях в условиях сурового климата, при неразвитой агротехнике и крайне примитивных орудиях обработки неорошенных полей урожайность оказывалась в десятки раз ниже. Зато бескрайние степи, «широкий арийский простор» открывали прекрасные перспективы для развития скотоводства.

Большую роль в становлении пастушеского хозяйства сыграли использование телеги, запряженной волами, и приручение лошадей. Арии первыми в Старом Свете стали пасти огромные табуны коней (сначала их разводили ради мяса и молока кобылиц), позднее они научились запрягать лошадей в повозки и первыми в мире выработали приемы их тренировки. Постепенно выделились пастушеские племена, произошло первое общественное разделение труда.

Оседлые скотоводы днем выгоняли скот на пастбище, вечером пригоняли его обратно. Однако даже при небольшом поголовье стада, едва обеспечивавшем прожиточный минимум для населения, за 20—25 лет все луга вокруг поселка оказывались истощенными и вытоптан-ными: приходилось переезжать на еще не тронутый участок степи и строить новые дома. К тому же такая система придомного скотоводства могла существовать только в тех областях, где количество годовых осадков превышает 250 мм в год, а ведь значительная часть евразийских степей — особенно Прикаспий — относится к более засушливой зоне. Там местами торчат лишь кустики полыни да качается на ветру типчак.

Увеличение численности населения, рост поголовья скота привели к тому, что некоторые группы пастухов стали переходить к подвижным формам хозяйства, складывались предпосылки кочевого скотоводства.

...Шумит ковыльная степь, плывет над ней знойное марево, и, куда ни глянь, виднеются на горизонте курганы — могилы древнейших скотоводов.

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт... ⁴

Иной раз вокруг земляной насыпи возводили кольцо из огромных каменных плит — кромлех, на вершине ставили каменную бабу, а внутри кургана сооружали каменный ящик. Нередко археологи обнаруживают в могиле следы золы и угля — остатки поминального костра. Так хоронили умерших все древнейшие индоиранцы. Чтобы не осквернять священную землю, покойника клали на камышовую подстилку. При нем оставляли посуду, украшения, орудия труда. Особенно грандиозными были кур-

ганы вождей. В них иногда помещали даже повозки с парой запряженных животных.

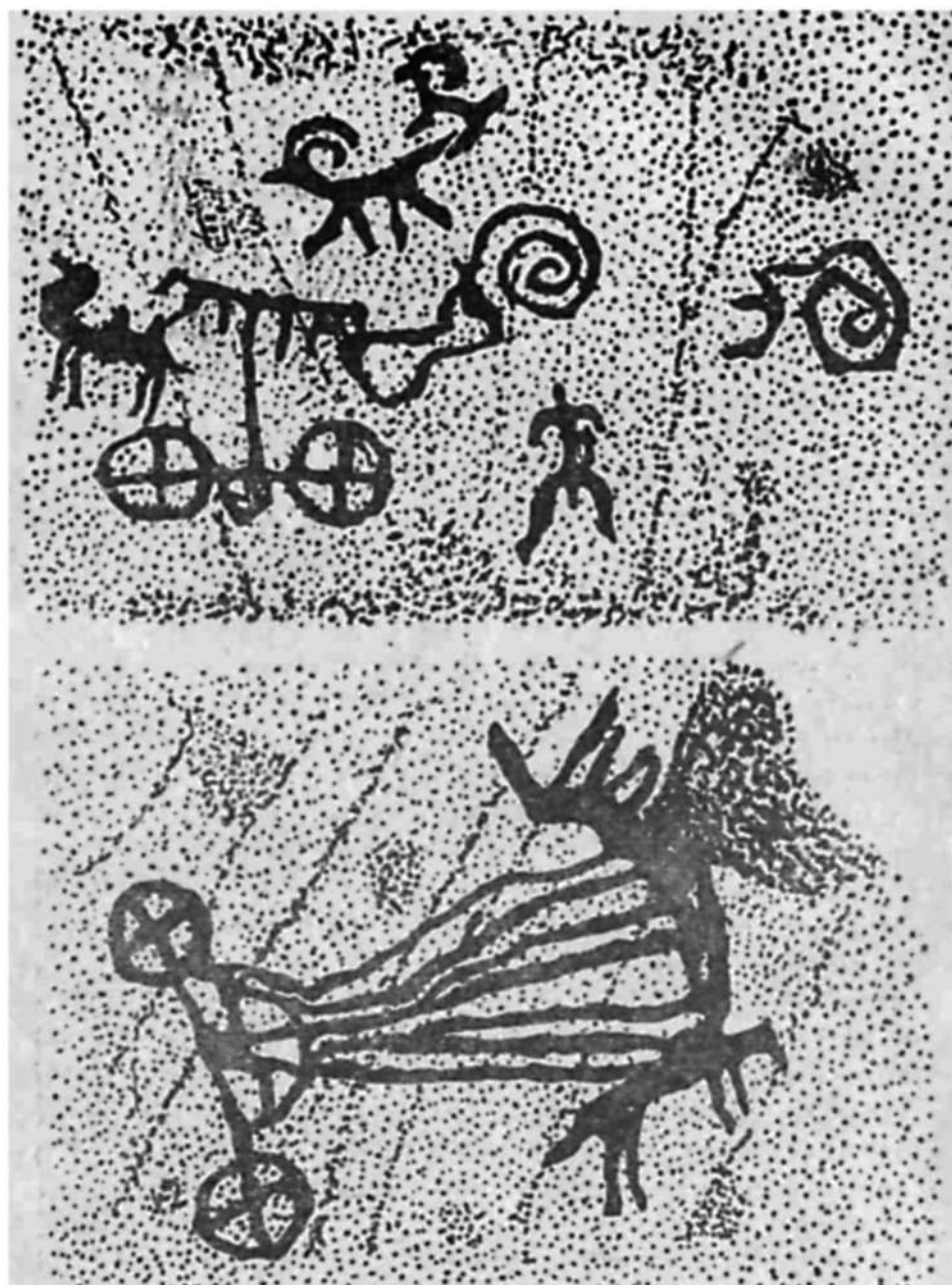
Вместе с вождем погребали знак его власти — скипетр с головкой коня (эти древние скульптуры выполнены с большим мастерством). На стенах некоторых каменных ящичков выбивали и раскрашивали изображения символа плодородия земли — «древа жизни» — и геометрические узоры. Подобные орнаменты и изображения оленей, коней и повозок есть и на скалах, в местах древних языческих святилищ, например в Каменной Могиле на Украине. Интересны и произведения мелкой пластики того времени: каменные или костяные фигурки кабанов, птиц, лошадок.

Круг образов, впервые появившихся в искусстве жителей южнорусских степей в III тыс. до н. э., сохранялся здесь в течение нескольких последующих тысячелетий, отражая преемственность религиозных и мифологических представлений обитавших в этих местах народов. «Древо жизни», конь, олень, птица, кабан — наиболее популярные изображения в искусстве скифов, саков и сарматов — потомков древнейших скотоводов-индоиранцев.

Вероятно, уже в конце III тыс. до н. э. часть индоиранцев переселилась в Казахстан и на север Средней Азии.

В середине II тыс. до н. э. на огромных пространствах евразийских степей были достигнуты большие успехи в развитии культуры. Здесь научились изготавливать искусственный сплав меди и олова — бронзу, из которой отливали весьма совершенные украшения, орудия труда и оружие: кинжалы, топоры, копья, дротики, стрелы. Увеличилось поголовье скота. Были выведены новые породы лошадей. Огромных тяжеловозов более двухметрового роста запрягали в громоздкие телеги, а легких тонконогих лошадей — в колесницы.

Интенсификация скотоводства и увеличение прибавочного продукта, освоение медных рудников привели к тому, что создались предпосылки для роста экономического неравенства. В руках у одних коллективов скапливалось больше скота и металла, чем у других. В результате участились грабежи и набеги. Развитие военного дела стало особенно важным из-за необходимости охранять медные рудники и выросшие стада скота и табуны лошадей — главное богатство скотоводов.

1. Наскальные изображения колесниц. Группа Койбагар III, хребет Каратау, Южный Казахстан

В этих условиях огромное значение приобрели легкие колесницы. Скотоводы евразийских степей научились использовать их в военном деле. Столь важное нововведение обеспечило перевес за ариями, овладевшими передовой тактикой боя, а воины-колесники стали играть большую роль в жизни общества, они выделились в особое сословие и заняли господствующее положение.

Курганы знатных воинов, разбросанные по всей евразийской степи, отличаются грандиозными размерами насыпи и самой усыпальницы. Вместе с умершим обычно клали его оружие: топор, бронзовый кинжал и копье, каменные наконечники стрел, иногда коней боевой колесницы с костяными псалями у рта — древнейшими в мире приспособлениями для запряжки. Такие захоронения коней и колесниц в могилах воинов открыты, например, на Южном Урале.

В середине II тыс. до н. э. блестящие успехи были достигнуты в гончарном производстве. Женщины лепили из глины горшки и украшали их замечательным узором, так что многие сосуды — это неповторимые поэмы в глине. Мастерницы прекрасно разбирались в законах симметрии и использовали почти все известные нам сегодня варианты и комбинации геометрических фигур. Узор выполняли по сетке. Венчик сосуда покрывали равнобедренными или косыми треугольниками, тулово — ромбами, треугольниками, меандрами⁵, свастикой. Сочетания всех этих элементов бесконечно разнообразны.

Развивалось и пластическое искусство. Известно несколько глиняных фигурок той эпохи — лошадей, двугорбого верблюда. Особо же интересны литые фигурки, украшающие бронзовые ножи. На одном из них представлены два горных барана с закрученными рогами, на другом — лыжник и конь, на остальных — лошади⁶.

Как видим, в середине II тыс. до н. э. мастера евразийских степей не только в совершенстве овладели искусством орнаментального геометрического стиля, но были знакомы и с реалистической манерой передачи образов человека и животных.

Последнее подтверждают и многочисленные наскальные изображения. На каменистых увалах Казахстана и в горах Средней Азии открыты выбитые на скалах рисунки: колесницы, сцены охоты или фигуры козлов, горных баранов, двугорбых верблюдов. Животные представлены

в профиль, в статичной позе, детали не проработаны, обычно очерчен только контур и поверхность внутри него выступает. Рисунки колесниц очень условны. Художник представляет, например, двухколесную колесницу как бы распластанной: с двумя колесами в плане, ярмом посредине и двумя противолежащими фигурами коней. Возможно, такого рода стилизация обусловлена тем, что в погребении колесницу иногда клали в разобранном виде, плащмя. Нередко над колесницей помещены круг или знак свастики — два солярных символа. Вероятно, колесницы символизировали солнце. Ведь именно так воспринимали их изображения все индоиранские народы.

Еще и сегодня в Индии на религиозных торжествах десятки людей выкатывают под музыку на площадь священную колесницу Джаганатха. Размеры ее огромны. Она украшена цветами, изображениями коней и птиц. Выезд ее символизирует восход солнца. Еще и сегодня бредут индийские паломники в храм, посвященный солнечному богу Сурье, в Конараке, в штате Орисса. Это величественное здание построено в XIII в. в форме колесницы бога солнца с двенадцатью колесами с каждой стороны и семью конями спереди; стены его покрыты древними солярными символами. Культ колесницы бога солнца индийцы принесли со своей прародины.

Перемены в хозяйстве, введение новой тактики боя, выделение в обществе привилегированных воинов-колесничих, а также, возможно, климатические изменения (наступившее похолодание) в середине II тыс. до н. э. привели к серьезным сдвигам в жизни евразийских степных племен. Индоиранская общность окончательно распалась — отделились индийцы. Одна их группа ушла из степей в Переднюю Азию. Там они обучили переднеазиатские народы приемам тренировки лошадей и тактике колесничного боя, а затем были ассимилированы ими и исчезли с исторической арены.

Другие индийцы из северных областей Средней Азии через Таджикистан стали отдельными группами переходить по горным перевалам на северо-запад Индостана, в Гомал, Сват и Гандхару. Их трудный путь отмечен могильниками¹, захоронениями коней и изображениями колесниц, которые они выбивали на скалах.

Но и на юге, в Индии, эти племена сохранили воспоминания о своей далекой европейской прародине. В гим-

нах они воспевали обетованную землю предков, над которой восходит полярная звезда Дхрува, где зимой с неба падает белый снег и «остановившиеся воды принимают образы красивых украшений», а деревья лишаются листьев, где течет величественная священная река Рангха (Волга), где вздымаются Рипейские горы (Урал) — обитель древних индоиранских богов. Утратив по дороге свою материальную культуру, изменив свой быт и привычки под влиянием местных условий и аборигенных народов, индийцы сохранили верность религии предков и свою древнюю духовную культуру.

Перемещались во второй половине II тыс. до н. э. и иранские племена. В Авесте нашли отражение воспоминания о нескольких последовательных волнах продвижения иранцев с прародины на юг. В одной из частей Авесты — Видевдате — рассказывается о том, как легендарный первый человек и первый царь иранцев Йима расширил владения бога неба Ахура Мазды. Триста зим правил Йима, и потом в его земле оказалось столько растений, птиц, скота, животных и людей, что им не хватило места, и земле стало тяжело носить их. Тогда Йима повел всех на юг дорогой солища и там правил ими 600 лет. Затем вновь из-за перенаселенности Йима повел людей на юг через 900 лет, и достигли они обетованной земли — Арианам Ваэджо — «первой обители благословения», и зажили там прекрасно. Но «тогда пришел Анхра Майнью смертоносный, приготовил в реке, наполнявшей эту область, великую змею — Зиму. И стало здесь десять месяцев зимы и два — лета (прежде было семь зимних и пять летних). Зима разливает холод на воду, на землю и на деревья. Очень жестока она посреди Арианам Ваэджо» (Видевдат, II, 3) ^а.

Арианам Ваэджо, по мнению некоторых ученых, — Хорезм, область в устье священной реки Амударьи — Ардвиз.

Авестийская хронология в мифе о Йиме, конечно, легендарна, но намек о движении на юг иранских племен и воспоминания об изменении климата, вероятно, историчны. Они подтверждаются археологическими материалами Средней Азии.

С глубокой древности эта область делилась на две культурно-хозяйственные зоны: на крайнем юге обитали земледельцы, родственные неиндоевропейским народам

Передней Азии (в особенности, вероятно, Элама), а на большей части территории жили скотоводы — индоиранцы. Некоторые из них под влиянием южных соседей стали осваивать земледелие, переходили к оседлости, смешивались с земледельцами, передавая им свой язык, другие продолжали вести скотоводческое хозяйство.

Все эти процессы сопровождались передвижением племен, усилением межплеменных контактов, что приводило к значительному этническому смешению⁹. К VIII в. до н. э. почти на всей территории Средней Азии распространилась иранская речь: и население земледельческих оазисов юга — Бактрии, Согда, Маргшаны, — и кочевники степных и горных областей — саки, родственные скифам Причерноморья, — говорили на иранских языках.

В начале I тыс. до н. э. пастушеские племена в евразийских степях достигли еще более значительных успехов в использовании лошадей в военном деле: первыми в мире они научились стрелять из лука, сидя верхом на коне, на полном скаку. Это важное открытие сделало их сильными и могущественными.

Отряды молодых всадников, одержимые страстью к приключениям и наживе, двинулись на юг. За ними следовали обозы с детьми и женщинами. Через Кавказ вдоль берега Каспийского моря и из Средней Азии они устремлялись к Иранскому нагорью, где жили неиндоиранские племена маннейцев, хурритов, лулубеев, эламитов и др. Некоторые военные отряды оставались на территории Ирана, нанимаясь в войска местных правителей. Постепенно в начале I тыс. до н. э. количество ираноязычного населения в областях Ирана увеличилось и иранскими именами записаны ассирийские документы. Часть иранцев осела на землю, начала заниматься земледелием, освоила местную культуру и смешалась с местным населением, передав ему свой язык. К VII в. до н. э. иранцы уже жили на значительной территории Ирана: в районе озера Урмия (Резайи) и в Прикаспии, в Луристане, где находился центр металлургического производства, на земле древнего Эламского царства и к востоку от Элама — в области Парсуа, от которой произошло название Персия. В VII в. до н. э. иранцы, обитавшие на северо-западе, усилились и образовали Мидийское царство.

Большое влияние на Мидию оказала передовая в военном, политическом и культурном отношении держава —

Ассирия. Мидийцы заимствовали в Ассирии (отчасти в Урарту, Эламе) некоторые политические институты, принципы организации армии, оружие, экономические достижения и многие духовные ценности. При этом Мидия вела постоянную борьбу с Ассирийской державой.

Союзниками мидийцев в этой борьбе выступали скифы — пришедшие из евразийских степей иранцы, продолжавшие и на юге вести привычный кочевой образ жизни. Скифы во главе со своим вождем Ишпакой скоро стали важной силой в Передней Азии. Подвижные, воинственные, в совершенстве владевшие искусством конного боя, они совершали стремительные набеги, разоряя города, угоняя скот, грабя дворцы и храмы.

Ассирийский царь Асархаддон (680—669 гг. до н. э.), обеспокоенный военными успехами скифов, стал искать союза с ними. И вот этот правитель, перед которым трепетали владыки и вожди всей Азии, вынужден был отдать свою дочь в жены скифскому варвару — царю Партатуа. Несколько лет скифы действовали то в союзе с Ассирией, то на свой страх и риск. Цокот копыт их коней раздавался то в Урарту, то в Палестине. Их конница устремлялась к Египту, и фараон Псамметих откупался от них богатыми дарами. Скифские стрелы летели в селения филистимлян. И библейский пророк Иеремия в ужасе восклицал: «Вот идет народ из северной страны... держит лук и короткое копье, жесток он, они не сжалятся! Голос их ревет, как море, скачут на конях, выстроились, как один человек... Лишь услышим весть о них, как опустятся у нас руки, туга и горе схватывают нас... вражеский меч наводит ужас со всех сторон». По словам Геродота (История, I, 106), 28 лет скифы «своими излишествами и буйством» опустошали и приводили в трепет народы Азии, 28 лет длилось их господство, пока наконец в 625 г. до н. э. мидийский царь Киаксар не устроил кровавого пира. Он пригласил в гости скифских военачальников, напоил их вином и пьяных и беспомощных перебил.

После этого часть скифов, видимо, растворилась в Азии, остальные вернулись в Причерноморье, унеся с собой драгоценные вещи переднеазиатской работы, награбленные в походах, а главное — знакомство с мидийской культурой.

После ухода скифов Киаксар вел борьбу с Ассирией. Мидийцы, по словам Геродота (История, I, 96), «доказали

свою доблесть, свергнувши с себя иго рабства и добывши свободу». Но в 550 г. до н. э. Мидийская держава пала и к власти в Иране пришли цари области Парсуа из рода Ахеменидов. Они создали могучую рабовладельческую империю, границы которой вскоре простерлись за пределы Ирана — от Египта до областей Средней Азии, захваченных персами. Говоря словами надписи персидского царя Дария, «далеко проникло копьё персидского мужа...» «Ахура Мазда даровал царство великое, изобилующее добрыми мужами и добрыми конями». Без ложной скромности царь перечислил свои титулы и заслуги: «Я Дарий, царь великий, царь царей, царь многоплеменных стран, царь этой земли великой (раскинувшейся) далеко, сын Виштаспы, Ахеменид, перс, сын перса, ариец, из арийского племени. Говорит Дарий-царь: „По воле Ахура Мазды вот те страны, которыми я овладел, помимо Персии. Я ими управлял. Они приносили мне дань. То, что я им повелевал, они исполняли. Моего закона они держались“» (пер. В. И. Абоева). И дальше идет длинное перечисление: Мидия, Элам, Парфия, Бактрия, Согдиана, Хорезм, саки хаумаварга, саки с островерхими шапками, саки по ту сторону моря и т. д.

Итак, в VII в. до н. э. расселение иранских племен в Евразии завершилось. Одни из них перешли к оседлости, другие продолжали кочевать.

Воспоминания об общности происхождения ираноязычных народов — земледельцев-иранцев и кочевников — сарматов и саков (тура) — древний миф о герое-родоначальнике Траэтаоне, который делит мир между своими сыновьями: Тура (прародителем туранцев), Сайрима (прародителем сарматов) и Арья (прародителем ариев), нашли отражение в религиозной книге зороастрийцев — Авесте. Что это за книга? Когда она стала известна ученым и кому принадлежит честь ее открытия и прочтения?

Глава I

ТАЙНА СВЯЩЕННОЙ КНИГИ

Путешествие в глубь тысячелетий

Лилловые сумерки сгущались над Парижем весенним вечером 1754 г. В университетской церкви Сая-Северен ударил колокол. В Королевской библиотеке послышался перезвон часов. Абрахам Гнацинт Анкетиль Дюперрон, отложив книгу, сидел в задумчивости. Его, 23-летнего юношу из знатного рода, получившего превосходное образование в Сорбонне, ожидало блестящее будущее: высокий сан священнослужителя, кафедра в университете, карьера дипломата. Но все это мало привлекало молодого человека. Иная страсть владела им: он увлекался изучением восточных языков. Анкетиле Дюперрону предстояло сделать выбор. Случай помог ему.

Как-то ученый аббат Салье привел Анкетилья к Леру-Дешотерей — знаменитому китаисту Франции. Юноша с восхищением рассматривал толстые фоллианты с китайскими иероглифами и вдруг увидел на столе в стопке книг несколько листков с загадочными письменами. Это была копия манускрипта, присланного из Индии в Бодлеанскую библиотеку Оксфорда. В Англии его не смогли прочитать, а факсимиле разослали всем крупнейшим востоковедам Европы. Но никто не сумел разобрать эту таинственную грамоту. Сердце Анкетилья застучало. Если рукопись прибыла из Индии, значит, и разгадку надо искать там, в стране, которая ревниво хранит свои тайны от европейцев.

Друзья и покровители Анкетилья — епископ Кию и аббат Бартелеми — добились от Французской Академии решения возложить на молодого энтузиаста миссию изучения древней письменности. Но, увы! Чиновники не торопились субсидировать исследователя. Оставалось ждать. А разве может ждать тот, кто стоит на пороге великого открытия?

7 ноября 1754 г. Анкетиль, охваченный страстным желанием поскорее попасть в заветную страну, нанимается простым солдатом в полк, который Ост-Индская компания отправляет в Индию. Напрасно братья со слезами на глазах уговаривают его остаться, напрасно офицер, вербующий рекрутов, отказывается записать знатного дворянина Анкетилия Дюперрона вместе с амнистированными преступниками, которым долгое умирание на каторге заменили правом быстро умереть в джунглях. Анкетиль непреклонен. Впоследствии он вспоминал, что минута, когда тамбурмажоры ударили в барабаны и отряд тронулся в путь, была самой счастливой в его жизни. В его походном ранце пара рубашек, библия на древнееврейском языке и томик Моптеня. Какое удивительное сочетание догматической веры и скептического рационализма! Он горд своей независимостью и окрылен надеждой.

Но не успел 7 февраля 1755 г. корабль «Герцог Аквитанский» поднять паруса и отплыть из порта Лориент в Индию, как Анкетилия Дюперрона свалила морская болезнь. Несколько месяцев волны океана швыряли корабль. Только пересекли экватор, как началась эпидемия. Названия болезни никто не знал, лечить ее никто не умел. Команда подняла бунт.

Лишь осенью 1755 г. Анкетиль наконец добрался до Пондишери. Французский губернатор Индии де Лейри на страстную просьбу помочь в изучении древних языков ответил юноше, явившемуся без денег и без рекомендаций, так, как отвечали сановники во все времена и у всех народов: «Посмотрим». Однако обаяние и энтузиазм Анкетилия скоро растопили лед, и Дюперрону стали выдавать жалованье, на которое он покупал рукописи и нанимал индийских учителей, преподававших ему санскрит. Но мечта разгадать загадочную письменность, образец которой он привез из Европы, оставалась неосуществленной. Надо было идти в глубь Индии, искать тех, кто мог бы открыть тайну. Время шло, а случай все не представлялся. И тогда Анкетиль Дюперрон вновь откликнулся на зов воинской трубы: он присоединился к отряду, выступавшему во внутренние районы страны.

Добравшись до Чандорнагора, Анкетиль снова сменил шпагу на перо. Однако и здесь его ждало разочарование. В городе, где жило множество ремесленников и еще боль-

ше торговцев, не было ни одного ученого-пандита¹. Страшная индийская лихорадка сломила силы Дюперрона. Но и этого испытания оказалось мало. Соперничество Англии и Франции, стремившихся к захвату колоний, завершилось семилетней войной. Начались военные действия. Английские войска захватили Чандорнагор.

И вот ночью Анкетиль тайно бежал из города, бросив все свои вещи. Мучимый приступами лихорадки, он возвращался назад к французам, в Пондишери, чтобы продолжить научные поиски. Ему предстояло пройти 400 лье (лье равно примерно 4,5 км).

То после милостивого приема раджи его несли в роскошном паланкине, то он плыл в лодке вместе с пиратами, то ехал верхом на лошади, имея при себе лишь шпагу, то шел пешком в одежде дервиша, сменив шпагу на индийский лук и стрелы. Иногда он присоединялся к компании бродячих циркачей и танцовщиц, иногда вливался в толпу паломников, направлявшихся в храм Джагернаут, но чаще шел один. Область кишела английскими солдатами. Разъяренный слон рыскал в округе, тигр перебегал ему дорогу, змея спускалась с дерева, под которым он отдыхал, кайман выползал из ручья, который он только что перешел, но Дюперрон не сворачивал с пути, веря, что сможет вновь продолжить свои исследования. Только 10 августа 1757 г. надежда и мужество привели молодого человека в Пондишери. Здесь юношу ждал сюрприз: его брат Анкетиль де Брианкур приехал из Франции, чтобы занять пост французского консула в Сурате. Братья вместе отправились в Сурат. И тут все усилия Анкетиль Дюперрона были вознаграждены: он познакомился с парсами, которые умели читать на загадочном языке.

Парсы — это персы, исповедовавшие религию пророка Заратуштры (Зороастра). В VII в. п. э. они бежали со своей родины, когда Иран завоевали арабы, которые начали насаждать мусульманство. Парсы унесли с собой священную книгу зороастрийцев — Авесту.

Община парсов жила замкнуто, и не только европейцев, но и индийцев не допускали жрецы-дастуры на свои богослужения. Религия парсов сильно отличалась от верований других народов. Парсы возносили молитвы солнцу, поклонялись земле, воде и огню и, чтобы не осквернять священных стихий, относили умерших на крыши высоких

башен, и там вороны и грифы разрывали тела. Мрачные легенды ходили об этих дахмах — «башнях молчания». Ни один европеец никогда не проникал за ограду парсийских храмов.

Много усилий и мужества, терпения и дипломатичности потребовалось ученому, чтобы завоевать доверие парсов.

Часами беседовал Анкетиль с парсийскими жрецами-дастурами — Дарабом, Кавием и Манерджи; ночами переписывал он или выучивал наизусть текст Авесты; отказывая себе в самом необходимом, покупал рукописи.

И вот наконец в 1761 г. Анкетиль Дюперрон сел на корабль и отплыл в Европу. Свою задачу он выполнил. По его словам, он увозил из Индии «манускрипты самые древние, которые когда-либо видели», разгаданную тайну Заратуштры, знание древних обычаев и богатейший жизненный опыт. Он прошел сотни верст пешком, встречался с людьми разных национальностей и самого разного социального положения — от раджей до неприкасаемых, не раз бурный темперамент ввергал его в неприятности. Но неизменно он стремился прежде всего узнать быт и нравы чужой страны и лучше понять ее культуру. Анкетиль Дюперрон одним из первых ученых Европы провозгласил равенство людей всех цветов кожи. Секрет успеха его миссии заключался в умении с уважением и доверием относиться к людям другой нации.

14 марта 1762 г. Дюперрон прибыл наконец в Париж, привезя в Королевскую библиотеку 180 манускриптов на персидском, пехлевийском, авестийском и санскритском языках². В 1763 г. его избрали членом Французской Академии.

Семь лет потребовалось Анкетиллю на то, чтобы подготовить издание перевода и комментария текста Авесты. В 1771 г. работа увидела свет. Авеста была так непохожа на все известные европейцам книги, что сразу же вызвала страстные споры. Вильям Джонс³ — впоследствии видный санскритолог, а в 1771 г. выпускник Оксфорда — опубликовал по-французски памфлет, направленный против Анкетилия и его труда: «Или Зороастр не писал того, что ему приписывают, или у него не было здравого смысла. Если у него не было здравого смысла, его следует предать забвению, а если он не писал этой книги, бесстыдно публиковать ее под его именем».

Невзирая на недоверие и нападки своих коллег, Анкетиль продолжал напряженно работать. В 1786 г. выходят его исторические и географические исследования Индии, где он описывает природу, климат, нравы и обычаи страны. В поле его зрения — важнейшие проблемы эпохи: он занимается вопросами экономики и права, теологии и морали.

Анкетиль ведет жизнь аскета, целиком посвятив себя работе. В предисловии к последнему труду своей жизни — изданию древнеиндийского сочинения «Упанишад» (1804) — он пишет: «Моя пища состояла из хлеба, молока, сыра и воды... огонь зимой, матрац и одеяло на постели мне неведомы. Без доходов, без должности, без жалованья, обессиленный возрастом и прошедшими трудами... без жены, без детей, без близких, лишенный всех радостей и привязанностей мира, одинокий, хотя и любящий все человечество и особенно людей Добра, — в этом состоянии я веду суровую борьбу за торжество Разума».

17 января 1805 г. Анкетиль Дюперрон умер в нищете и безвестности. Его жизнь — пример самоотверженного служения науке. Много было им сделано, но главная его заслуга — открытие Авесты. Каково же содержание Авесты, ради изучения которой Анкетиль совершил столь дальнейшее путешествие и изведal столько опасностей?

Древние гимны и проповедь пророка

Авеста, т. е. «основа», «основной текст», — собрание обрядовых предписаний, религиозных формул, гимнов и молитв, которые пели во время жертвоприношений, на праздниках, свадьбах и похоронах⁴. Жрецы выучивали гимны наизусть и передавали их из уст в уста, так как записей не существовало, вероятно, вплоть до IV в. до н. э., а может быть, и гораздо дольше. Авеста заключала в себе попытку философского обобщения опыта и всей суммы знаний о природе и обществе, которые накопили иранцы. Здесь собраны сведения по медицине и астрономии, приведены этические нормы и законы обычного права, отражены исторические предания и мифы. За 200 лет, прошедших после публикации Авесты, учеными сделано многое для расшифровки сложнейших авестийских текстов и реконструкции по ним хозяйства, быта, социаль-

ных отношений и религиозных верований ираноязычных народов на протяжении длительного периода их истории.

Наиболее древняя часть Авесты по языку — это Гаты — проповеди, приписываемые пророку Заратустре. Позднее были созданы Яшты — гимны, обращенные к древнеиранским богам. Однако Яшты основаны на мифах и легендах, сложенных иранскими народами задолго до Заратустры, и отражают представления более примитивные и архаичные, чем религия самого пророка. Именно Яшты составляют основное содержание Авесты.

Современные исследователи выделяют в Авесте несколько исторических пластов. Древнейший из них отражает картину мира, сложившуюся еще в период индоиранской общности.

В древнеиндийских религиозных гимнах Ведах⁵ (от слова «ведать» — «знать») действуют те же боги и герои, что и в Авесте: бог солнца Митра, бог ветра Вайю, божественные близнецы Насатья, первый человек Йима (индийский Яма), герои Траэтона (индийский Трита) и Кересаспа. В Веде и Авесте общими терминами названы основное понятие индоиранской религии: «арта» («аша») — правда, священное растение и напиток «хаома» («сома»), солома для жертвоприношений — барсом («бахриш»), жрец «заотар» («хотар»). Но многие понятия выступают в противоположных значениях. Например, и в Авесте, и в Ригведе есть дэвы и ахуры, но дэвы Ригведы, как русские дивы и римские «deus» (от «div» — «светить»), — это светлые боги, а дэвы Авесты — дьявольские существа. Один из главных ведийских богов, Индра Вртраган (Победоносный), в Авесте фигурирует в роли второстепенного злого демона, зато в Авесте мечет с неба стрелы могучий бог грома и победы Веретрагна (персонифицированный эпитет индоиранского Индры).

Сравнение текстов Ригведы и Авесты показывает, что они отражают сходную систему космогонических и мифологических представлений, оформившихся в ту эпоху, когда индийцы и иранцы еще контактировали друг с другом, но уже находились во враждебных отношениях.

Мировоззрение индоиранцев было дуалистическим. Наблюдая за природой, они заметили, что в мире существуют противоположные явления — рождение и смерть, тепло и холод, свет и мрак. Натуралистический дуализм лег в основу космогонической концепции о борьбе в бесконеч-

ном пространстве и бесконечном времени противоположных сил как источнике цикличности явлений природы и гармонии частей мироздания. Время в восприятии индоиранцев также было цикличным: одни и те же явления природы регулярно повторялись, а подвиги богов и героев воспроизводились последующими поколениями. Установление космического порядка представлялось победой солнца над тьмой, торжеством плодородного весеннего тепла над бесплодием зимнего холода.

Древние иранцы поклонялись явлениям природы. В Ясне (XXI, 9) провозглашается почитание «всех вод... растений в побегах и корнях... всей земли и всего неба... всех звезд, луны и солнца... всего беспредельного света (сияния)» (пер. И. С. Брагинского).

Яшты Авесты отражают период становления мифологической системы, когда стихии и явления природы постепенно начинали персонифицироваться в образах богов: небо — это Ахура Мазда, вода — Апо, Ардви, огонь — Атар, гром — Веретрагна, солнце — Митра, ветер — Вайю, луна — Мах, звезда Сириус — Тиштрия. Человек еще не отделил себя окончательно от природы. Рядом с богами и героями в Авесте действуют кони. Они помогают героям и даже совершают те же самые подвиги, например сражаются с драконами. Душа скота, подобно человеку, возносит к богам свои молитвы.

Объектом почитания выступают и некоторые неодушевленные предметы вроде опьяняющего экстатического напитка хаома, жертвенной соломы барсом. Это, собственно, не столько религиозное, сколько магическое мировоззрение. В нем сильны отголоски примитивного мышления, когда люди наделяли сверхъестественными силами стихии, животных и предметы и при помощи магических обрядов и жертвоприношений стремились воздействовать на них.

Пантеон богов еще четко не оформился. Функции еще строго не разграничивались, часто взаимозаменялись и пересекались. Так, богом огня был Атар (Агни). Но солнечный бог Митра являлся небесным огнем. Огонь был и в душе у каждого человека — эта божья искра связывала людей с богами. Главным богом солнца почитался Митра, но в этой же роли выступал Йима; солнечной силой обладали также бог огня и верховный бог неба Ахура Мазда: недаром к его имени восходит название солнца в современных памирских языках.

Боги иранцев мыслились абстрактно, но очень часто они наделялись способностью к сверхъестественным сказочным перевоплощениям — инкарнациям. Так, бог грома и победы Веретрагна воплощался в ветер, быка, коня, верблюда, кабана, сокола, барана, козла и воина (Варх-ран-Яшт, XIV, 8); божество славы и удачи Фарн — в барана, хищную птицу, рыбу, коня, верблюда, воина (Зам-Яшт, XIX, 34—38); бог солнца Митра — в белого коня (Михр-Яшт, X); белый конь был и воплощением Тиштрии (Тиштр-Яшт, VIII, 9). Такой синкретизм и полисемантизм, многозначность образов — существенная черта мировоззрения иранцев.

Мышление создателей Яштов было образным, интуитивным, а не логическим. Гимны богам — это не рационалистически построенное повествование, а ряд красочных, быстро сменяющихся картин.

Изложение мифологического сюжета часто сводится к описанию кульминационной сцены, а иногда одно сравнение или эпитет уже выражают сущность мифа. За эпитетом «драконоубийца» встает весь миф о борьбе героя Кересасы с драконом ради возвращения природе плодородия. Эпитет по ассоциации вызывает в воображении сцену битвы, и она служит символом всего мифа.

Поэтический язык Авесты полон метафор и сложных ассоциаций. Так, название священного растения — «хаома» — то означает само растение, то выжатый из него сок, то напиток богов, то бессмертие (так как напиток дает бессмертие богам). Очень часто поэтическое сравнение служит символом. Например, в одном случае Веретрагна сравнивается с могучим яростным верблюдом, в другом верблюд — это уже символ Веретрагны; в одном месте солнце, движущееся по небосводу, сравнивается с конем, в другом месте конь уже фигурирует в роли солнца; движение солнца по небу сопоставляется с бегом колесницы, затем колесница служит символом солнца, и, наконец, солнце ассоциируется с колесом. Эта ассоциативность и символичность — одна из самых главных особенностей образного мышления иранцев — отразились не только в их поэтическом, но и в изобразительном творчестве и определили специфические черты их искусства.

Иногда в роли сравнения выступает не целый предмет, а лишь его главная часть. Идея о том, что часть заменяет целое, — это отражение очень архаических пред-

ставлений парциальной магии. В соответствии с ней часто в жертву богам приносили не целое животное, а только его голову или ногу. В поэтическом языке эта идея отражена в уподоблениях типа солнце — колесница — колесо.

Таким образом, в Авесте воплотились синкретизм и символичность образного мышления, пережитки магических верований и натуралистический дуализм.

Этот древнейший пласт религиозных представлений иранцев оформлялся в ту пору, когда основу хозяйства составляло скотоводство. «От вска существуют установления о пастушеской жизни», — говорится в Авесте. Главная просьба в обращенных к богам молитвах — просьба о ниспослании скота, «прекрасноконного богатства». Эпитет богов — «дарующий богатство скотом». Ахура Мазда — «тот, кто создал для нас скот, — источник благоденствия. Для скота... пастбища, для нужд в пище человека — молоко» (Ясна, 47, 3). В гимне богине Ардвисуре Анахите ее просят: «Чтоб я обширные царства завоевал, где фыркают кони, звенят колеса» (Ардвисур-Яшт, V). Иранский бог Митра наделен эпитетом «владеющий обширными пастбищами». Своим глазом-солнцем он следит с неба за тем, чтобы люди на земле честно соблюдали договор о распределении пастбищ, о границах кочевий, о мирном пользовании колодцами. Митра охраняет общественный порядок, поддерживает мир между племенами, передвигающимися со своими стадами по бескрайним просторам евразийских степей.

В древнейшую эпоху иранские скотоводы жили в условиях родового строя. В первобытном обществе, где человек не мог вести борьбу за существование в одиночку, принадлежность к роду была определяющей в судьбе каждого индивида⁶. С момента рождения он становился наследником материальной культуры, обычаев, представлений, мифов, созданных до него людьми его рода. Это сохранение древних родовых традиций, осознание живой связи поколений приводило к культу предков-родоначальников. И позднее, когда в обществе наметилась социальная и имущественная дифференциация, принадлежность к правящему роду или богатой семье обеспечивала от рождения члену этого коллектива высокое положение в обществе. Недаром в иранских языках слово «знатный» буквально означает «сын хорошей семьи, рожденный в

потомстве». Потому и на этом этапе развития общества сохранялся культ предков-родоначальников. С развитием общественных отношений культ предков приобрел новое значение: к древним героям возводили свою родословную вожди племен, ища в исторической традиции обоснование своих династических притязаний.

У всех индоиранцев первый человек — иранский Йима, индийский Яма — становился первым царем, а после смерти делался царем загробного мира, властелином лугов и пастбищ на небе.

Рассказы о героизированных предках находятся на грани между эпосом и мифом. Авеста отражает процесс перехода от первобытного культа предков к религии, героизированные предки здесь выступают уже в роли богов.

По-видимому, сходные представления в той или иной мере были присущи всем ираноязычным пастушеским племенам.

Но в начале I тыс. до н. э. между иранскими племенами, которые перешли к оседлому образу жизни и хлебопашеству, и продолжавшими кочевать скотоводами, совершавшими набеги на мирные поселения и угонявшими скот, возник антагонизм. Вот как об этом говорится в Авесте (Видевдат, I): «В качестве второй, лучшей из областей и стран я, Ахура Мазда, создал Гаву, обитель согдийцев. Во вред ей Анхра Майнью смертоносный произвел несущих гибель скифов. В качестве третьей лучшей из областей и стран я, Ахура Мазда, создал Маргиану, сильную, преданную Арте. Во вред ей Анхра Майнью смертоносный произвел народ мардов(?)», и дальше в том же духе противопоставляются «Бактрия, прекрасная, с высоко поднятыми знаменами», и народ варваров; «Арея с разбросанными поселениями» и народ дербигов.

Для укрепления экономики земледельческих общин была необходима организация защиты сильным правителем мирных деревень от набегов кочевников, охрана их стад. Эти идеи и нашли отражения в гимнах — Гатах, созданных, согласно традиции, Заратуштрой. Чтобы вести не только политическую, но идеологическую борьбу с продолжавшими кочевать племенами, пророк объявил войну древним общепранским обычаям и богам, которым поклонялись и скотоводы, и земледельцы. В Гатах звучал призыв почитать вместо многих древних богов единого

великого бога Ахура Мазду («Праведного Мудрого»), «укреплять мир и справедливость», чтобы «вместе с сильной властью наступила обильная пастбой прекрасная жизнь».

В учении Заратуштры натуралистический дуализм индоиранцев получил социально-этическую окраску и превратился в последовательно проводимую доктрину, по которой основой миропорядка, причиной движения в природе и обществе является борьба добра, олицетворяемого Ахура Маздой, со злом, воплощенным Анхра Майнью. «Оба изначальных духа явились, как пара близнецов, — добрый и дурной, — в мысли, в слове, в деле, они установили, с одной стороны, жизнь, с другой — разрушение жизни» (Ясна, 30). Зороастрийцы должны были выступить на стороне добра и вести активную борьбу с силами зла. Вот символ их веры (Ясна, 12): «Я выбираю для себя святую, добрую Араматю... Отрекаюсь от хищения и захвата, от причинения ущерба и разорения маздаянистским селениям»; «славословить Ахура Мазду и давать корм скоту — это мы считаем самым лучшим»; «корень веры почитания Мазды... — хлебопашество; кто возделывает хлеб — тот возделывает правду». Особая роль отводилась царю, призванному укреплять на земле добропорядок. Таким образом, зороастризм отличался яркой социальной направленностью.

Долгое время ученые спорили о том, когда и где жил пророк. Многие факты его биографии и сейчас еще остаются неясными. Западноиранские жрецы-маги утверждали, что Заратуштра происходил из города Раги⁷ — религиозного центра Мидии. Однако более древняя традиция связывает его деятельность с восточноиранскими областями. Покровителем Заратуштры называют бактрийского царя Кави Виштаспу. В Авесте не упоминается ни одного имени царей Ирана из рода Ахеменидов. В ахеменидских надписях нет имени Заратуштры. Вероятно, пророк жил в период до установления ахеменидского господства в южных областях Средней Азии и Восточного Ирана, когда там интенсивно шел процесс перехода ираноязычного населения к оседлому земледельческому быту и складывались предпосылки образования государств Большого Хорезма и Великой Бактрии.

Ахемениды, познакомившись с зороастризмом, восприняли идею единого верховного бога Ахура Мазды, по-

сколько она более всего соответствовала их идеологической политике, направленной на объединение государства и возвеличение единого царя. Государственная ахеменидская религия представляла собой сплав зороастризма, религии мидийских жрецов-магов и верований царского рода Ахеменидов. Этот западноиранский государственный зороастризм существенно отличался как от учения, прокламировавшегося пророком, так и от древних языческих верований восточноиранских племен, составляющих содержание Яштов.

Суровая новая аскетическая религия Заратуштры со сложными богословскими абстракциями, отказ от языческих обрядов были малопонятны простому народу и не пользовались популярностью. Население продолжало поклоняться древним богам и приносить им жертвы. Поэтому постепенно произошел возврат к прежним верованиям, и Яшты были включены в Авесту.

Авеста сложилась не в Западном Иране, не в Мидии, а в восточноиранских областях (по мнению некоторых исследователей, — в Сенстане). Географический фон Авесты — среднеазнатский и восточноиранский.

В Микр-Яште (X, 14—16) описывается, как Митра, усевшись на горных вершинах, смотрит «на всю арийскую землю, где высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера с вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки к Ишкату и Паруту, Герату и Мерву, Согдийской Гаве и Хорезму». В Видевдате (I) перечисляются Хорезм, Гава — обитель согдийцев, Маргиана, Бактрия и Арея.

В авестийских мифах отражены предания и эпические сказания восточных иранцев. Герои Авесты — это правители восточноиранских областей из рода Каянидов: основатель династии Кават (Кай-Кубад «Шах-наме»), Кави Хусрава и Кави Виштаспа, по преданию, властвовавший в Бактрии.

Что же это за легендарная страна Бактрия и какую картину являла она во времена Заратуштры?

Глава II В ЛЕГЕНДАРНОЙ СТРАНЕ

Поход Семирамиды и бактрийский мираж

О существовании Бактрии в Передней Азии знали с глубокой древности. В горной области этой страны — Бадахшане — добывался камень лазурит, необычайно ценящийся на Переднем Востоке. Лазуриновые бусы и печати изготовляли еще в III тыс. до н. э. Их находят в Месопотамии и Индии, на берегах Персидского залива и в пустынях Средней Азии. В гробнице Тутанхамона — египетского фараона, правившего в XIV в. до н. э., — обнаружены замечательные лазуриновые украшения.

Чтобы приобрести этот камень, купцы снаряжали караваны в далекую Бактрию. Иногда приходилось добывать лазурит силой. Об этом рассказывается в письме, отправленном ассирийскому царю: «Царь, господин мой, не знает, что я поднялся в горную местность за лазуритом, но когда я унес лазурит, страна восстала против меня. Если изволит царь, господин мой, пусть придут большие воинские силы и заберут лазурит»¹. Из Бактрии приводили в Ассирию также двугорбых верблюдов, которые и сейчас называются бактрианами.

О величии и богатстве этой страны были слышаны и греки.

Древнегреческий писатель Геродот, которого Цицерон назвал «отцом истории», описывая завоевания ахеменидского царя Кира, говорил, что на пути этого победоносного правителя «лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне», и таким образом, ставил Бактрию в один ряд с величайшими странами древности — Египтом и Вавилоном (История, I, 153).

Когда в I в. н. э. римский полководец Германик осматривал в Египте развалины древних Фив, жрец поведал ему о том, что фараон Рамзес воевал с бактрийцами и овладел их землями (Тацит. Анналы, II, 60). Рамзес никогда не воевал с Бактрией, но важно, что жрец, желая

поразить воображение римлянина и подчеркнуть былое величие фараонов, упомянул именно эту страну.

Древнегреческий писатель Аполлодор называет Бактрию «украшением всей Арианы».

Больше всех рассказал о Бактрии грек из малоазийского города Книда Ктесий. Сам он никогда не бывал в этой стране, но с 414 по 398 г. до н. э. жил в Персии при дворе ахеменидского царя Артаксеркса II в качестве врача. Там-то он и мог услышать от царицы Парисатиды и придворных легенды о Бактрии. Вот одна из них².

Некогда прославилась в Азии замечательная женщина по имени Семирамида. Она была дочерью спирйца и богини-рыбы, обитавшей в священном озере. Когда царь Ассирии Нин — правитель города Ниневии — пошел войной на Бактрийское царство, Семирамида, переодевшись в мужской костюм, присоединилась к войску. Нин уже владел всей Азией, но первый поход его на Бактрию окончился поражением. Зная, что Бактрия труднодоступна, заселена воинственными людьми и имеет множество неприступных укреплений, Нин для второго похода собрал неслыханно огромное войско, состоявшее из многих тысяч пехотинцев, всадников и колесничих. Однако в первом сражении ассирийские войска вновь потерпели поражение. Бактрийский царь Оксиарт заманил часть войска Нина в ущелье, и у выходов на равнину бактрийцы разбили неприятеля. Правда, благодаря численному превосходству ассирийцам позже удалось рассеять армию Оксиарта и захватить ряд городов. И все-таки столица царства Бактры, «среди большого количества крупных городов в Бактриане замечательный и превосходивший всех величиной и неприступностью цитадели», продолжала успешно сопротивляться. Не раз ассирийцы штурмовали ее, но крепость не сдавалась и защитники не теряли мужества.

Вот тут-то и появилась в ассирийском стане прекрасная Семирамида. Она заметила, что атакующие все время штурмуют степы города и ни разу не попытались захватить акрополь, стоящий на обрывистом холме. Видя, что противник считает цитадель неприступной, защитники бросили все силы на оборону более слабого звена фортификации — городских стен. Семирамида же собрала небольшую группу воинов, умеющих лазить по скалам, и неожиданно напала на акрополь. Как только осажденные узнали, что цитадель взята неприятелем, смятение и

ужас охватили их и они прекратили сопротивление. Бактры пали. Царь Оксиарт погиб, и несметные сокровища Бактрийского царства — множество изделий из золота и серебра — достались Нину. Пораженный мужеством и красотой Семирамиды, Нин женился на ней и для нее соорудил в Вавилоне знаменитые висячие сады.

Впоследствии Семирамида предприняла еще ряд военных походов в дальние страны. Она говорила о себе: «Природа создала меня женщиной, но я сравняла себя подвигами с храбрейшими из мужчин» (Поллэк. Военные хитрости, VIII, 26).

Что подлинно, что вымышленно в этой красочной истории, рассказанной Ктесием?

К сожалению, Ктесий имеет у исследователей сомнительную репутацию фантазера, который выдумывал мало правдоподобные события, стремясь превзойти своего современника — вдумчивого и правдивого историка Геродота. Долгое время ученые скептически относились к сведениям Ктесия о Бактрийском царстве³.

Однако исследования последних лет позволяют выявить историческое ядро этой легенды. Семирамида не сказочное, а реальное лицо — ассирийская царица Шаммурамат, которая с 809 г. до н. э., после смерти Шамши-Адата V, была регентшей при малолетнем сыне Адад-нерари III и прославила свое правление дальними походами на Восток. Именно в ее царствование францы — мидийцы и персы (в ту пору еще полудикие кочевники) — впервые столкнулись с высокой культурой Ассирийской державы. Поэтому с Шаммурамат они связали представление о достижениях древневосточной цивилизации, и образ ее приобрел легендарные черты. Эти легенды и слышал Ктесий при персидском дворе.

Но где кончается поэтическая легенда и начинается историческая действительность? Как далеко на восток пропикали ассирийские войска и что за картину являла собой Бактрия в VIII в. до н. э.?

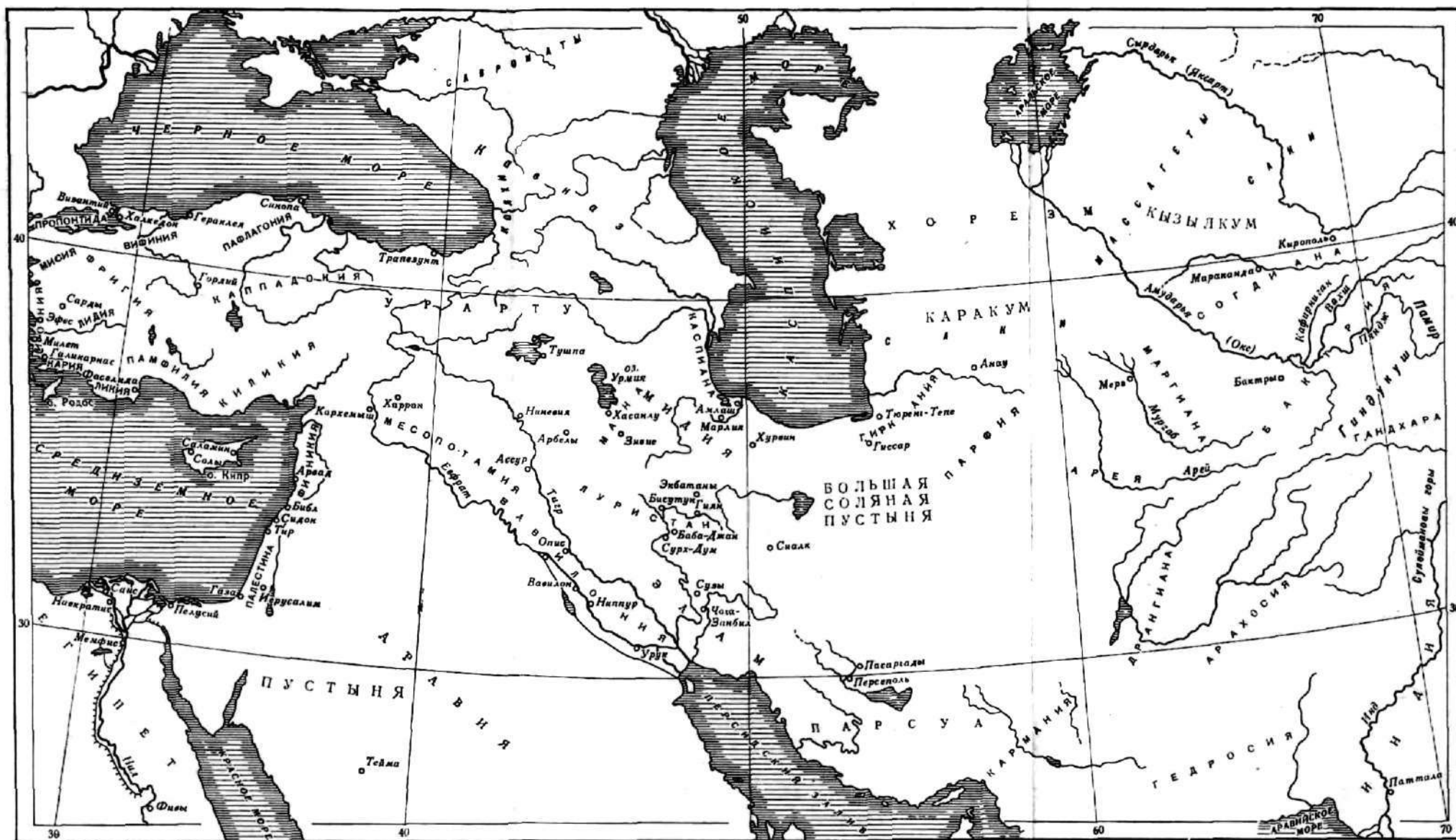
Долгие годы мучила историков бактрийская загадка. Одни верили в историчность легенд, другие говорили, что древняя Бактрия — это мираж⁴. Последние утверждали, что до подчинения ахеменидскими царями областей Средней Азии и Восточного Ирана здесь не существовало земледельческой культуры и с достижениями цивилизации местное население познакомили персидские завоеватели.

Установить истину позволили замечательные открытия советских археологов. Наши ученые обнаружили многие памятники культуры Северной Бактрии доахеменидской эпохи в Термезском оазисе: Л. И. Альбаум исследовал поселение Кучук-тепе и начал раскопки Сапаллитепа, которые успешно продолжил А. А. Аскарров. Г. А. Пугаченкова изучила поселение Муллоли-тепе и могильник в совхозе Миршаде; одновременно советско-афганская экспедиция под руководством И. Т. Кругликовой провела исследование городищ Южной Бактрии.

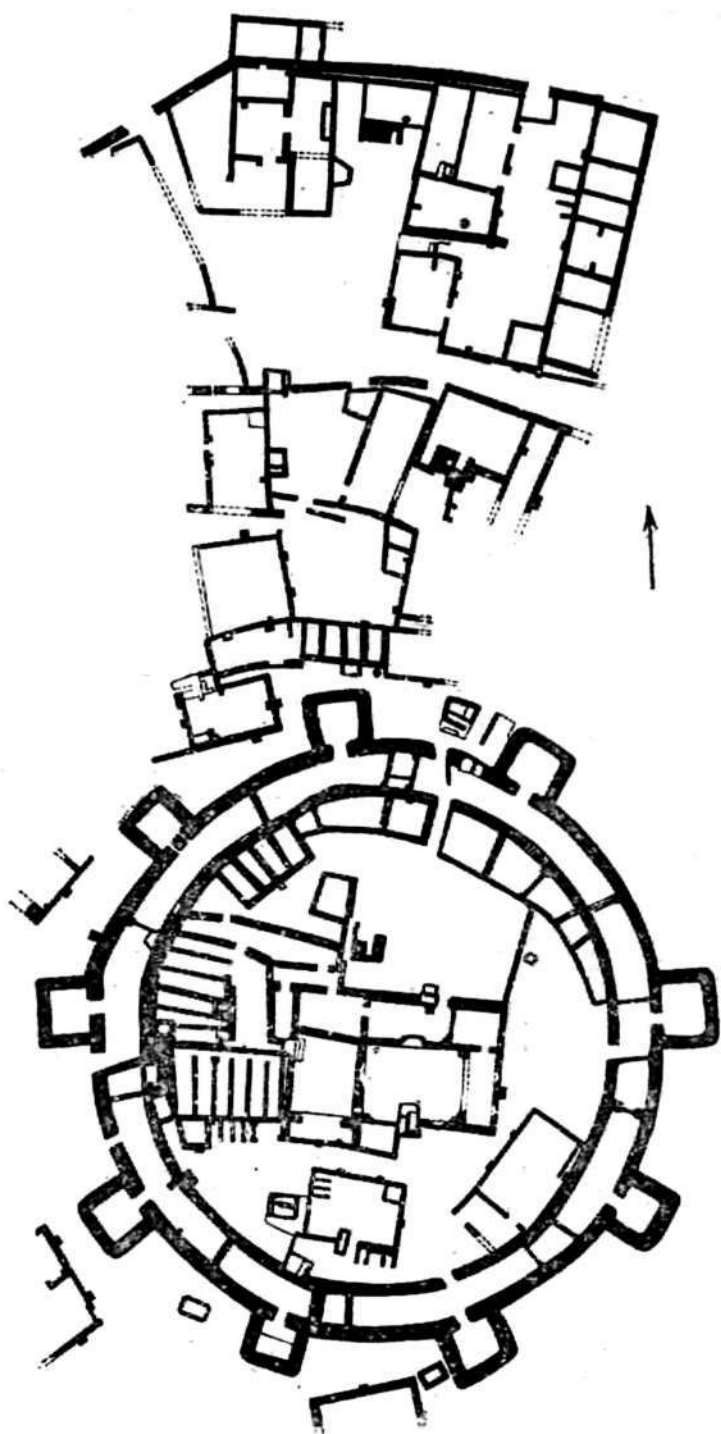
В результате этих работ перед нами впервые предстала древнебактрийская культура второй половины II — начала I тыс. до н. э. Здесь более чем за полтысячелетия до образования Ахеменидской державы в процветающих оазисах уже кипела бурная жизнь. В арыках журчала вода, орошавшая поля, на которых возделывались ячмень, просо и пшеница. На пастбищах паслись стада коров и баранов. На холмах высились крепости, отвечавшие последним требованиям фортификационного искусства эпохи. Стены их высотой 6—7 и толщиной 3—4 м были фланкированы круглыми башнями. К цитаделям примыкали обводные стены ремесленных кварталов города. А в полях то там, то тут виднелись небольшие поселки и усадьбы.

Площадь одного такого поселка Сапаллитепа достигает 3 га. На холме стоит крепость, обнесенная тремя стенами, образующими два обходных коридора. Жилые кварталы, в которых теснятся дома, разделяются улицами шириной 1,5—2 м. В каждом из домов несколько узких прямоугольных жилых и хозяйственных помещений. Постройки возведены из больших необожженных сырцовых кирпичей. Жилые комнаты отапливались очагами и искусно сооруженными каминами с внутренним дымоходом. В стенах устроены нишки-шкафчики, в которых стоит то красивая ваза, то статуэтка. Вдоль стен идут кирпичные нары-суфы. Внутри комнаты обмазаны белой штукатуркой.

В Южной Бактрии — экономически наиболее развитой области страны — кроме домов рядовых общинников воздвигались и богатые большие дома знати. Архитекторы достигли немалых успехов в градостроительном искусстве. Они сооружали дворцы правителей с парадной колоннадой и культовые постройки. Один такой храмовый

Средняя Азия, Иран и Передняя Азия

2. План центральной части храма на поселении Дашлы-3 в Афганистане

комплекс открыт на поселении Дашлы-3 в Акчинском оазисе. Это круглое в плане сооружение с тремя концентрическими стенами, образующими обходной коридор в форме кольца. Внутри ведут девять симметрично расположенных входов, оформленных выступающими башенками. В центре возвышается прямоугольное здание с несколькими помещениями, украшенными трехступенчатыми плечами¹. В залах на кирпичных платформах — очаги, где жрецы возжигали священный огонь.

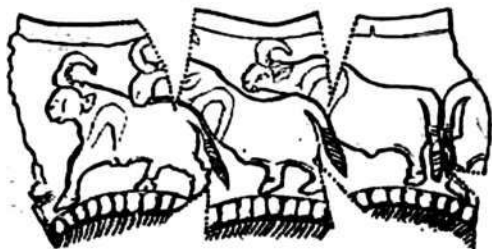
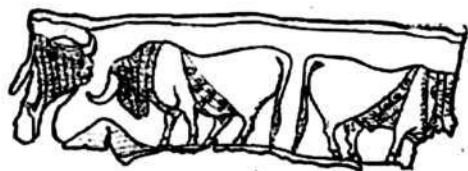
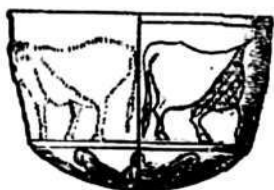
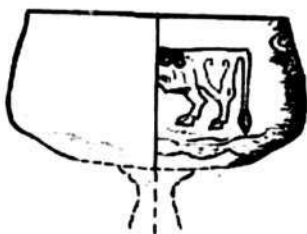
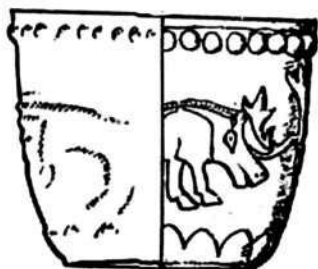
Сложная планировка храмового комплекса отражает космогонические представления его создателей. Это один из наиболее ранних образцов воплощения их в культовой архитектуре. Круглое помещение или купол символизируют в храме небесную сферу, а четыре страны света — соответственно ориентированный прямоугольник.

В то время как жрецы в бактрийских храмах совершали жертвоприношения и возжигали священный огонь, трудовой люд в поселках занимался своими повседневными делами. В мастерских медники ковали бронзовые серпы, ножи, топоры. Гончары на гончарном круге изготавливали посуду, удовлетворявшую все потребности хозяйства: огромные хумы — горшки для хранения зерна и продуктов, чайники, цилиндрико-конические сосуды для приготовления пищи (с ребром на тулове и скошенным поддоном), изящные вазы на тонких ножках для фруктов, тарелки, миски, кубки для напитков. Посуду обжигали в больших горнах и покрывали белой обмазкой — ангобом, часть же — наиболее парадную — лакировали до блеска и окрашивали в черный, серый или ярко-красный цвет.

Ювелиры вытачивали печати и бусы из разноцветного агата, сердолика и лазурита. Некоторые предметы украшали лазуритовыми вставками. Чеканщики делали зеркала и булавки, браслеты и кольца, чтобы порадовать модниц.

В стране добывали серебро и золото, особенно много вымывали его из золотосодержащего песка на реке Вахш. Уже в древнейшую эпоху Бактрия славилась обработкой драгоценных металлов. О том, каких успехов достигли бактрийские златоделы, дают представления вещи из Фуллола.

В 1966 г. в местечке Фуллол на северо-востоке Афганистана крестьяне нашли клад, состоявший примерно из двух десятков золотых и серебряных сосудов (возможно, это даже и не клад, а вещи, положенные при

3. Золотые и серебряные сосуды с изображениями быков и кабанов из клада, найденного в Фуллоле (Афганистан)

захоронении вождя в его могилу). Большая часть сосудов богато украшена. Мастера использовали несколько приемов обработки металла: здесь и выбивка контура изображения на деревянной основе, и применение штампа, и проработка мелких деталей гравировкой и насечками. На трех сосудах геометрический орнамент имеет вид ступенчатых пирамид, вписанных в треугольники или соединенных основаниями. Подобный мотив декора встречается на юге Средней Азии начиная с III тыс. до н. э., отсюда распространяется во II тыс. до н. э. в Афганистан и Северо-Западную Индию и сохраняется во всем этом ареале вплоть до I тыс. до н. э.

Еще более интересны сосуды с изображениями животных. На одном представлен кабан перед схематически изображенным «древом жизни», на другом — кабан, тело которого покрыто насечками, имитирующими щетину. Образ кабана, мало популярного в искусстве Месопотамии и других областей Передней Азии, в Иране и Средней Азии, напротив, в последующие эпохи пользовался особой любовью, потому что это животное считалось воплощением бога грозы и победы Веретрагны.

На трех сосудах мы видим процессии быков. Фигурки проработаны очень тщательно, подчеркнуты мускулы, показаны завитки волос. Культ быка — одного из первых одомашненных человеком животных — был широко распространен на всем Древнем Востоке. В Передней Азии бык являлся ипостасью верховного бога Эля. Изображения быков помещали в росписях храмов, на культовой утвари, на штандартах, которые жрецы носили во время торжественных церемоний. Быка почитали и древние иранцы.

Не менее выразителен, чем сосуды с быками, и сосуд с извивающимися змеями. Их треугольные головки подняты вверх, а тела изогнуты в виде волнистых лент с точками. Образ змеи был очень популярен у всех земледельческих народов древности. Змея, живущая в земле, считалась атрибутом богини земли, от которой зависело плодородие нив. Каждую весну змея сбрасывает кожу и возрождается, и земледельцы ассоциировали это с весенним возрождением природы. Культ змеи существовал и у иранских народов. Скифская богиня земли и воды Апи, прародительница скифов, изображалась в образе жещины с ногами в виде змей.

Клад из Фуллола — пока образец самой ранней торевтики⁶ Бактрии. Он демонстрирует очень высокий уровень профессионального мастерства ремесленников. По манере стилистической трактовки вещи клада близки изделиям переднеазиатских мастеров, однако избранные художниками сюжеты заставляют думать о местном происхождении некоторых предметов.

В бактрийской скульптуре начала I тыс. до н. э. также выявляются черты сходства с переднеазиатскими и североиндийскими образцами, о чем позволяет судить мужская голова из красноватого камня, найденная на юге Узбекистана. У мужчины круглое безбородое лицо, большой рот, миндалевидные глаза, подчеркнутые выпуклым ободком. Волосы разделены пробором и изображены параллельными линиями.

Для изучения искусства Бактрии второй половины II тыс. до н. э. очень интересны и печати. Несколько выразительных экземпляров было найдено на территории Маргнаны — области по течению реки Мургаб, то входившей в состав Бактрии, то поддерживавшей с ней самые тесные культурные связи, основанные на этническом родстве населения.

Вот каменный подвесной амулет с фигурой человека, держащего быков, вызывающий в памяти образ героя Месопотамии Гильгамеша, часто изображаемого в глиптике⁷. Только в мургабской версии герой окружен змеями, столь популярными, как мы уже говорили, в мифологии древнейших обитателей территории Бактрии. На обороте этой печати фантастические хищники с открытыми пастьми и когтистыми лапами атакуют быка. И снова в памяти встает сюжет шумерского искусства: сцена терзания быка львом или грифоном. Однако и в этой композиции, так хорошо знакомой по месопотамским печатям, вновь фигурируют излюбленные бактрийские змеи.

На каменном крестовидном амулете представлены четыре звериные головы, свившиеся в виде сегнерова колеса — символа вечного движения. На обратной стороне помещен орел с распростертыми крыльями. Знал бы мастер, делавший эту печать, какое бесчисленное количество раз будут впоследствии воспроизведены в искусстве Бактрии и евразийских степей созданные им под переднеазиатским воздействием образы и как будет меняться их символическое значение на протяжении веков!

4. Бронзовая печать из Бактрии с изображением двух птиц на дереве и двугорбного верблюда

5. Каменная печать из Маргяны с изображением четырех голов животных и птицы

6. Каменная печать из Маргяны с изображением человека с быками и змеями и быка с хищниками и змеями

Не менее долговечным и важным оказался и сюжет, представленный на металлической крестовидной печати, найденной на территории Южной Бактрии, в Дашлинском оазисе: «древо жизни» с двумя птицами на ветвях — символ вечного возрождения природы — и двугорбый верблюд-бактриан — образ специфически бактрийский.

На другой печати с поселения Дашлы-1 мы видим крылатого льва с открытой пастью. Подобные образы фантастических синкретических существ появились в искусстве Передней Азии под влиянием изобразительного творчества хеттов и других индоевропейских народов Малой Азии. В их религии, как и в верованиях индоиранцев, существовало представление о сказочных перевоплощениях богов, поэтому мастер создавал образ, наделенный характерными чертами различных животных, в которые последовательно воплощалось это божество. Фантастические синкретические существа были так новы и так эффектны, что сразу потрясли воображение соседних народов и быстро завоевали популярность в других странах Передней Азии. С XII—XI вв. до н. э. начинается прямо нашествие этих монстров.

Особенных успехов в изображении фантастических существ добились мастера Ассирии. Они создали образы, сочетавшие в самых разнообразных хитросплетениях элементы тела человека и льва, птицы и скорпиона. Монстры равно господствуют и в монументальном и в прикладном искусстве Ассирии: в огромных залах дворцов и на миниатюрных печатях. Под влиянием Ассирии, задававшей тон не только в политике, но и в искусстве, сказочные существа продолжают победное шествие на восток, и скоро их начинают гравировать на камне и в Эламе, и в Южной Туркмении. В Южной Туркмении, на поселении Анау, была найдена печать, изображающая человека, льва и фантастического грифона. Не менее интересна цилиндрическая печать из Мерва, на которой представлен всадник, сражающийся с чудовищем.

Памятники изобразительного творчества Бактрии и Маргианы второй половины II — начала I тыс. до н. э. позволяют сделать принципиально важный вывод: уже в это время здесь возник самостоятельный художественный центр, мастера которого освоили новейшие культурные достижения Передней Азии. Именно поэтому в первой половине I тыс. до н. э. искусство Бактрии смогло пойти

своим путем, опираясь на традиции местной художественной школы, зародившейся задолго до того, как в Иране сформировалось не только ахеменидское, но и мидийское искусство.

Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что в начале I тыс. до н. э. Бактрия была одним из важных центров в Азии, имевшим широкие международные связи⁸, страной с высокоразвитым ремесленным производством и самобытной культурой.

Исследование Бактрии продолжается, и нас ждет еще немало сенсационных открытий. Как же развивалась бактрийская культура в ахеменидскую эпоху?

Украшение всей Арианы

Из древних источников известно, что Бактрия была включена в Ахеменидскую империю при Кире II. В 522 г. до н. э. в южных областях Средней Азии вспыхнуло мощное антиперсидское народное восстание, и только после его разгрома Дарием I среднеазиатские земледельческие районы прочно вошли в Ахеменидское государство.

В составе державы Ахеменидов Бактрия оставалась важнейшей в культурном и политическом отношении провинцией. Правителем (сатрапом) Бактрии Ахемениды назначали ближайшего родственника царя. Бактрийская знать занимала видные должности при дворе, а бактрийские воины составляли отборные отряды в персидской армии. Слава их была так велика, что Еврипид в трагедии «Персы» упоминает нескольких бактрийских военачальников, подчеркивая значение бактрийцев в ахеменидском войске. Бактрийцы участвовали и в грандиозном строительстве, развернутом персидскими царями. В надписи о сооружении Дарием I дворца в городе Сузы говорится, что из Бактрии привезли золото, а из Согда — лазурит.

Огромная дань ежегодно поступала в царскую казну из Бактрийской сатрапии: 360 талантов серебра⁹. Кроме того, ежегодно бактрийцы, как и все другие подданные Ахеменидской державы, подносили подарки царю на Новый год.

...В столице Ахеменидов Персеполе¹⁰ царит оживление. Сегодня, в день весеннего равноденствия, состоятся торжества в честь Ноуруза — Нового года иранского соляр-

ного календаря, дня победы божественного героя над чудовищными силами разрушения, мрака и холода, дня возрождения света и тепла, весеннего плодородия природы.

Дворец царя, построенный по приказу Дария Великого, возвышается на высокой каменной платформе. У лестницы, двумя маршами ведущей на платформу, посланцы спешиваются с коней: только царь и высшая знать имеют право въезжать во дворец верхом.

Процессия идет мимо двух гигантских статуй охранителей врат, и сердца прибывших замирают от страха, затем она попадает в соседние помещения дворца: со стен скалят пасти фантастические чудовища с львиными мордами, со скорпионьими хвостами, но вот на рельефе герой поднимает кипжал — и монстр сражен. Однако что это? Герой представлен в облике ахеменидского царя, в его короне и парадном облачении. Он одерживает победу в битве с темными силами мрака и холода и возвращает своим подданным в день Ноуруза весеннее тепло и свет! Наконец процессия достигает святая святых дворца, где за занавесом скрывается царь. По знаку астролога занавес отдергивается. Первый луч восходящего солнца пробивается через маленькое окно в стене, отражается в воде священного колодца, падает точно на царский троп и в рассветных сумерках зажигает золотую корону царя.

В честь солнца в день Ноуруза в Персеполе проводятся конные ристалища, подобные греческим олимпийским играм, тоже посвященным солнцу и отмечавшимся в день весеннего равноденствия, приносятся богатые жертвы, устраивается пиршество, вручаются подарки царю.

...В торжественном молчании следуют прибывшие в открытый двор, где происходит церемония подношения даров. Во главе каждой группы — правитель области.

Здесь эфиопы и индийцы, малоазийские греки и арабы. А вот рядом шествуют посланцы из среднеазиатских областей — бактрийцы, согдийцы и саки. На них длинные подпоясанные кафтаны, брюки и мягкие сапожки, на головах у согдийцев и саков шапки-башлыки, на боку висят мечи. Бактрийцы привезли царю с берегов Амударьи драгоценные сосуды и привели двугорбых верблюдов-бактрианов. Их северные соседи, согдийцы, подносят боевой топор-клевец, меч и драгоценные браслеты. Такие же браслеты и одежду несут и среднеазиатские степные ко-

чевники — саки. И саки, и согдийцы ведут под уздцы взнузданных коней с тщательно расчесанными гривами. Так и представлены они на рельефах персепольского дворца...

Культура этих народов и в ахеменидскую эпоху продолжала оставаться самобытной, о чем свидетельствуют исследования советских ученых, опровергающих доводы противников Великой Бактрии, которые утверждают, что до прихода ахеменидских завоевателей ее вовсе не существовало.

Еще в начале 50-х годов наша экспедиция, возглавляемая М. М. Дьяконовым, раскопала древнее городище¹¹, скрытое крепостью XIX — XX вв. Калаи-мир. Здесь, рядом с башнями, темницей и гаремом цитадели последнего кобadianского бека, мы открыли слои древнейшего поселения бактрийцев и расчистили восемь вытянутых коридорообразных комнат жилого дома. Помещения отапливались очагами. Жители поселка занимались земледелием (в раскопе были найдены каменные зернотерки) и ремеслом. Огромных успехов они достигли в металлургическом производстве: на смену бронзе пришел более дешевый металл — железо. Из него делали орудия труда, а из бронзы — оружие, в том числе стрелы.

Мы нашли большое количество посуды, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения и снаружи покрытой ангобом: хумы, сосуды цилиндрической формы на поддоне, миски, тарелки. Сопоставление этой керамики с посудой ахеменидского Ирана показывает их полное различие, а сопоставление с местными изделиями эпохи бронзы позволяет сделать бесспорный вывод о преемственности в развитии культуры Бактрии начиная со II тыс. до н. э.

За последние годы советскими учеными был открыт целый ряд новых памятников Бактрии ахеменидского времени: Болдай-тепе, Кучук-тепе, Кызыл-тепе, Джандавлат-тепе и др.

Это сельские усадьбы или поселения с укрепленной цитаделью, в планировке которых развиты градостроительные принципы, сложившиеся в Бактрии во II тыс. до н. э. В архитектуре домов с узкими прямоугольными комнатами, в приемах строительства зданий из битой глины — пахсы и крупноформатного сырцового кирпича, в типах металлических изделий и оружия, в особенности

бронзовых стрел, а главное в гончарном производстве — во всех основных сферах материальной культуры полностью сохраняются древние местные традиции.

О бактрйском изобразительном творчестве дают представление многочисленные произведения искусства: фигурка монстра и ручка от серебряного сосуда, изображающая фантастическое животное; костяная фигурка обнаженной женщины и топор со сценой терзания (кабан кусает тигра, а тот нападает на горного козла); печать из окрестностей Термеза со сценой сражения царя с чудовищем и печать с фигурой воина, и прежде всего знаменитый «Амударьинский клад».

История его находки окутана романтическими легендами.

Весна 1880 г. Караван, вышедший из Самарканда, уже не один день в пути. Купцы Вази эд-Дин, Гулам-Мухаммад и Шукер-Али отправились в далекую Индию, чтобы купить там чай и пряности, спрос на которые так велик на базарах Бухары и Хивы. Звенят колокольчики мулов, покрикивают усталые погонщики. И вдруг издали доносится удивительный запах: смешанный запах воды, травы, кизяка, предвещающий близость реки и человеческого жилья. И вскоре уже виднеется четкий силуэт калы — укрепленного дворца бека, — высоко вздымающейся над зеленью садов Кобадiana. Здесь усталый караван сможет отдохнуть, ведь это — последний город Бухарского ханства; за Амударьей начнутся владения афганского эмира Абдеррахмана. Но в Кобадiane купцов ждет печальная новость: афганский эмир конфискует на границе все деньги у проезжающих. Как быть?

И тут случай приходит на помощь удрученным торговцам. Они узнают, что несколько лет назад местные жители около Кобадiana нашли клад драгоценных вещей, и решают его купить...

Народ Кобадiana бедствовал, и тогда один старик стал молить Аллаха помочь людям. И вот ночью, во сне, ему явился святой и показал, где спрятано богатство. Когда наутро старик пришел на указанное место, к разрушенному древнему городу, он нашел на песке, на берегу реки, у самых стен крепости, подмытых водой, несколько удивительных золотых предметов. Вскоре его односельчане тоже стали собирать там золотые вещи невиданной красоты. Жители Кобадiana согласны продать эти сокро-

вища купцам, но только тайно, чтобы не узнал бек и не отнял у них деньги. Купцы торопятся совершить выгодную сделку; они знают, что английский наместник в Индии лорд Литтон — страстный любитель древностей и не поскупится ради того, чтобы пополнить свою коллекцию. Драгоценные вещи наспех рассовывают в большие кожаные выюки, и вот караван уже продолжает свой путь...

Караван достиг горных районов. Сгущаются вечерние сумерки. Еле-еле тянутся по дороге усталые мулы, нагруженные кожаными выюками с драгоценными вещами. Но вдруг — стоп! Путь каравану преграждают разбойники. Они хватают купцов, разоружают эскорт, и связанных людей волокут в пещеру.

Лишь одному слуге удастся бежать под покровом темноты. Ночью он приходит к английскому резиденту капитану Бертону и будит его. Не колеблясь храбрый капитан берет пистолет, зовет двух дежурных солдат и отправляется к пещере. А в пещере при свете факелов грабители делят добычу; чтобы каждому досталась равная доля, бесценные вещи ломают на части. Но тут возникает спор, и вот в ход уже пущены ножи и течет кровь. В эту минуту в пещеру входит Бертон с пистолетом в руках. Разбойники бросаются наутек, оставив часть добычи, но это лишь ничтожная доля награбленного.

Освободив купцов и вернувшись в деревню Сех-Баба, капитан объявляет, что назавтра будет судить воров. Тогда они сами приходят к нему и складывают украденные вещи.

Купцы благодарят Бертон — ведь ему удалось вернуть им около трех четвертей драгоценностей. Они дарят капитану на память замечательный золотой браслет и вновь отправляются в путь. Злоключения торговцев на этом кончаются, но, к сожалению, не кончаются злоключения клада.

В Равальпинди вещи клада попадают в руки перекупщиков, и те делают с них золотые копии, чтобы получить побольше денег, но подделка тут же обнаруживается, и тогда перекупщики продают подлинники генералу А. Кеннингему. Правда, при этом, возможно, прибавляют еще какие-то предметы, в том числе большую коллекцию монет. Затем вещи оказываются у владельца ценной коллекции восточных древностей У. Френка. От него «Аму-

дарьинский клад» переходит в Британский музей в Лондоне. Теперь он составляет одно из его украшений.

В составе клада в том виде, в каком он дошел до нас, около 180 драгоценных предметов, большей частью золотых, и около 1500 монет V—II в. до н. э. А. Непнингем, основатель и директор археологической службы в Индии, опубликовавший сообщение о находке клада¹², со слов торговцев писал, что клад был найден в 1877 г. на берегу реки Амударьи у переправы Тахт-и-Кават. Однако во втором его отчете Тахт-и-Кават уже отождествляется с Кобадрианом, хотя Кобадриан расположен не на Амударье, а на берегу Кафирнигана.

Мы так никогда и не узнали бы точного местонахождения клада, если бы в составе русской экспедиции, исследовавшей в конце XIX в. бассейн Амударьи, не принял участия генерал-майор Н. А. Маев. Человек большой энергии и необычайной широты интересов, он был членом нескольких географических экспедиций, создателем и редактором первой в Средней Азии газеты «Туркестанские ведомости», автором сочинения по истории Средней Азии и страстным коллекционером. И в военных походах, и в научных экспедициях он записывал местные легенды, вел археологические раскопки, собирал древности.

В 1879 г. Н. А. Маев работал в Кобадрианском оазисе, и вот что он сообщил: «На самом слиянии Вахша с Пянджем¹³ находятся развалины очень древнего города Тахты-Куват. Сопровождавшие нас туземцы рассказывали, что в этих развалинах прежде находили разные древние вещи, даже нашли однажды в груде мусора вылитого из золота тигра и разные золотые вещи. Все эти вещи были проданы в Бадахшан индийцам за дорогую цену»¹⁴.

Таким образом, вероятное место находки клада — городище Тахт-и-Кават¹⁵.

«Амударьинский клад» — одна из самых замечательных и самых таинственных находок в истории. Исследователи уже почти сто лет теряются в догадках: что именно в него входило, кому принадлежали вещи и, наконец, как датируются? На каждый из этих вопросов существует несколько взаимоисключающих ответов. И все же: какие решения кажутся, на наш взгляд, наиболее достоверными?

Среди золотых и серебряных предметов клада есть мо-

дели колесниц и животные (тут и кони, и рыбы, и олень, и баран), бляшки с изображением орлов, львов, фантастических крылатых существ и пластины с изображением людей, особенно же много украшений: браслеты, кольца, гривны, части диадем и т. п. Кому же принадлежали эти вещи?

На нескольких золотых пластинах представлены люди в характерной одежде бактрийцев и согдийцев: в подпоясанном расшитом кафтане, длинных брюках, мягких сапогах и в колпаке с откинутым назад концом. У мужчин длинные волосы, борода и свисающие вниз усы. К поясу кое у кого подвязан меч в ножнах. Они идут торжественно, движения их сдержанны, лица суровы. В одной руке некоторые несут цветок или сосуд, в другой — священные прутья (или солому) для гадания и жертвоприношения — барсом. Ведические жрецы в Индии клали на них жертвенные дары богам. Скифские жрецы подбрасывали эти прутья и по их расположению предсказывали будущее. У иранских зороастрийцев пучки барсома носили жрецы-маги и использовали их при совершении обрядов. На рельефах Малой Азии возле жертвенника, покрытого подстилкой из соломы, на которой лежат головы быка и барана, стоят два жреца с пучками барсома в руках. На жрецах — колпаки и персидский кандиз — длинное одеяние с узкими рукавами, которое носили, накинув на плечи (в такой же одежде и один персонаж на амударьинской пластинке).

Значит, на пластинках клада изображена сцена жертвоприношения, совершаемого зороастрийскими жрецами! А следовательно, решили некоторые ученые, все вещи клада — это храмовое сокровище.

В пользу такого предположения говорит многое. Во все времена и у всех народов верующие совершали подношения храмам. В основе этого обычая лежат представления симпатической магии о том, что подобное вызывает подобное: достаточно слепить глиняную фигурку желаемого предмета и поместить ее с молитвой в храм, как возжеланная вещь в натуральную величину окажется твоей собственностью. Верили также в магические предметы, которые помогают отвести зло или приворожить любовь, верили в возможность дарами умиротворить богов.

Да и сейчас еще люди из центральноиндийского племени тодов, мечтающие о покупке коровы, приносят в

храм глиняную фигурку коровы, надеясь, что это поможет им стать счастливыми обладателями животного. Недалеко ушли от них и те католики, которые несут модели своих кораблей в Нотр Дам де ля Гар — церковь покровительницы моряков Марселя. Теперь там скопились не только целые флотилии судов и подводных лодок от крохотных до весьма внушительных размеров, но и модели самолетов самых разнообразных марок.

Древние греки, не особенно полагаясь на память богов, сопровождали свои дары подписями. В знаменитом храме бога-врачевателя Асклепия в Пергаме мне довелось видеть золотые модельки больных органов с надписью: «Не забудь исцелить такого-то» или еще категоричнее: «Скорее лечи глаз такого-то».

Иногда донаторы приносили в храмы богатейшие дары. Так, лидийский царь Крез преподнес дельфийскому оракулу тысячи голов животных, драгоценные ложа, золотые чаши, пурпурные плащи и хитоны, слитки золота, золотое изображение львов, ожерелья жены и ее пояса (Геродот. История, I, 50—51).

Замечательные вещи хранились в спартанском святилище Артемиды Ортии в Греции: золотые фигурки танцовщиц и воинов, оленей и лошадок, львов и птиц, многочисленные бляшки с фантастическими существами. Не по стилю (святилище Артемиды древнее «Амударьинского клада»), но по репертуару, по разнообразию образов предметы из святилища сопоставимы с предметами клада.

Храмовые сокровища накапливались не только благодаря дарам донаторов. Сохранился кадастр (перечень вещей) греческих храмов афинского Акрополя, где подробно перечислено все, что поступало в них как доля военной добычи. Так, после победы греков над персами в битве при Платеях в Парфенон была отдана большая часть богатств, захваченных в лагере Ксеркса.

И все же вывод о том, что «Амударьинский клад» — это сокровища древнебактрийского храма, вызывает сомнение.

На наш взгляд, более вероятно другое предположение: клад — собственность правящего рода. Ведь большинство вещей в нем — это личные украшения какого-то знатного лица, знаки его отличия, предметы с изображениями, подчеркивающими божественное происхождение его власти. Да и в самих жрецах с барсомом можно видеть

бактрийских владык: у некоторых на боку висит меч, следовательно, изображенный являлся не только жрецом, но и военным¹⁶. Именно таково было положение древнебактрийских правителей из рода Каянидов: предводителей на войне и главных жрецов, титул которых «кави» первоначально означал «певец» (т. е. запевающий при совершении жертвоприношений). Этот титул носил легендарный царь Кават — герой Авесты и поэмы Фирдоуси «Шах-наме» (там он назван Кай-Кубадом). А ведь с именем этого царя связано название городища, на котором найден «Амударьинский клад», — Тахт-и-Кават, или Тахты-Куват, что означает «трон Кавата», т. е. столица Кавата.

Есть в кладе и серебряная статуэтка царя в персидском платье — юбке с поперечными складками и куртке, расшитой треугольниками, с зубчатой царской лентой на голове, с барсомом в руках, и плоская фигурка царя с лотосом в руке, в зубчатой короне, в куртке с расшитыми широкими рукавами и длинной юбке в поперечных складках, с серьгой в ухе. Кто это — ахеменидский царь или бактрийский правитель? Цветок лотоса держат в руках и персы в Персеполе. Зубчатая корона венчает голову Дария на Бехистунском рельефе¹⁷. В подобной одежде в искусстве ахеменидского Ирана предстают и знать, и царь. Но вот изображения ахеменидских царей с барсомом не известны, как нет и изображений с серьгой в ухе. Видно, это обычай был бактрийским: на персепольских рельефах именно так представлены бактрийцы.

Есть в кладе и замечательная золотая колесница, запряженная четверкой коней. Возница стоит и держит в руках вожжи, а рядом сидит другой человек — важная персона, поскольку мастер изобразил его в более крупном масштабе. Как мы уже знаем, еще в эпоху бронзы, во II тыс. до н. э., индоиранцы научились запрягать лошадей в колесницы и использовать колесницы на войне. Значение колесниц в их жизни стало так велико, что появилось особое сословие (каста) — воинов-колесничих, к которой принадлежал и царь. Мчащимися на колеснице представляли индоиранцы многих своих богов. В Авесте, в Михр-Яште (X), — гимне, посвященном богу договора и солнца Митре, солнечный бог предстает в одежде, осыпанной звездами, выезжающим на небо на колеснице, запряженной четверкой коней с позолоченными копытами.

Мы возносим молитвы Митре,
Владыке обширных пастбищ,
Спаряжепному серебряным копьем,
Спаряжепному золотыми доспехами,
Обладающему плетью, могучему, деятельному,
Господину рода, стоящему на колеснице,
Владыке обширных пастбищ.

Пер. И. М. Оранского

Так же описывали бога солища ведические арии. Летят по небу кони солища, словно птицы. Развевающиеся гривы копей — солнечные лучи, золотое колесо колесницы — солнце. Днем оно поворачивается светлой, а ночью — темной стороной.

Эти представления сохранялись у ираноязычных народов и спустя много веков. Вот что пишет Геродот (История, VII, 40) о парадном выезде ахеменидского царя: впереди шли десять священных нисейских копей в роскошной сбруе. За ними двигалась священная колесница, запряженная восемью белыми лошадьми, посвященная Зевсу (т. е. Ахура Мазде), дальше ехал сам Ксеркс на колеснице, запряженной нисейскими лошадьми.

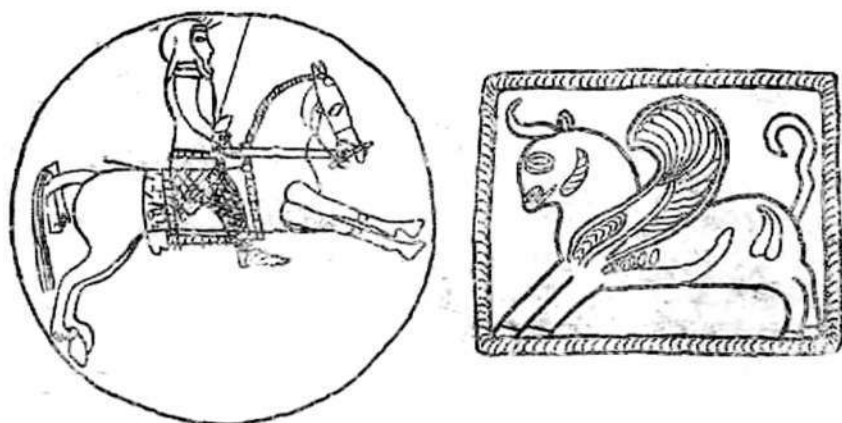
Золотые модели колесниц «Амударьинского клада» — это колесницы небесного бога или царя. Именно так трактуется изображение колесницы (очень похожей на амударьинскую) на персидской печати, где над воином помещен диск верховного бога Ахура Мазды, благославляющего царя.

В эпоху, когда создавались вещи «Амударьинского клада», колесницы, оставаясь парадным атрибутом знати, уже перестали играть особую роль в военном деле: в евразийских степях распространилась более прогрессивная тактика верхового конного боя. Поэтому на предметах чаще изображали воинов, сражающихся или охотящихся верхом. Участие легких, стремительных кавалерийских отрядов нередко определяло успех сражения. Поэтому породистых лошадей высоко ценили, а богатство исчислялось их количеством.

Бактрия издревле славилась породистыми жеребцами. Упоминавшиеся нисейские кони — потомки древних быстроаллюрных лошадей Казахстана и предки современных ахалтекинцев, прославленных на весь мир.

7. Золотые перстни с изображениями пирамид и льва из «Амударьинского клада»

8. Золотые диск и пластина с изображением всадника и крылатого быка из «Амударьинского клада»

По преданию, эти кони родились от кобылиц из царского табуна и необыкновенного крылатого небесного коня, обитавшего в пещере или в озере высоко в горах. Жеребцы были наделены сверхъестественными качествами. Они не скакали, а летали, как птицы, словно имели крылья.

Огромные табуны лошадей принадлежали бактрийскому царю. Кони составляли его славу, поэтому столица Бактрии называлась Зарнаспа — златоконная, а слово «конь» — «асп» — входило в имена бактрийских владык Виштаспы и Аурватаспы.

Бактрийские кони были действительно на диво хороши: с маленькой головой, широкой грудью, тонкими длинными ногами.

Вот на золотой пластине клада вольно мчтся такой невзнузданный конь, грива его распущена, хвост развевается. А вот лошадка с тщательно расчесанной гривой, голова ее украшена плюмажем, а хвост подвязан, как было принято в ахеменидскую эпоху.

Древние иранцы поклонялись коням. По их верованиям, в коней превращались боги и божественные герои: бог ветра Вайю, божественная слава — Фарн и герой Тиштрия (воплощение звезды Сириус). В гимне грозному богу грома и победы Веретрагне (Вархгран-Яшт, XIV) этот бог предстает то в образе коня, то в образе всадника.

Мечет с пеба грозный Веретрагна стрелы молний, уничтожает врагов и дарует победу царю, вручает ему Фарн — царскую славу. Царь у иранцев считался земным воплощением бога, одерживающего победу в сражении.

Не его ли изображает всадник на диске клада в бактрийском костюме: куртке, клетчатых брюках, мягких сапогах, в бактрийском башлыке и с копьем в руках? Конь его покрыт попоной с узорной каймой, грива коня коротко подстрижена, хвост подвязан бантом, рот открыт, передние ноги вытянуты вперед — в так называемом «ассирийском галопе» (первыми так стали представлять своих коней художники Ассирии).

Может быть, — это царь, выступающий в роли бога? Ведь именно так воспринимались древними иранцами сцены борьбы на рельефах в Персеполе: там показано сражение небесного бога с силами зла — только в космической дуэли, заканчивающейся победой бога и возвра-

щением в мир весеннего света и тепла, темные силы воплощены в образе фантастического чудовища, а бог представлен в костюме и короне ахеменидского царя.

Иначе трактован сюжет борьбы на золотой обкладке ножен парадного меча «Амударьинского клада». Здесь герой скачет на коне в «ассирийском галопе» и пускает стрелу из лука в льва.

И стан свой могучий к луке наклона,
Веселый и бурный, он гонит коня,
И палицей, луком, стрелою, арканом
Он дичь постигает в стремлени рьяном ¹⁸.

Хищник вздыбился, поднял передние лапы и обернулся в сторону всадника. А рядом два всадника поражают другого льва копьями. Почти такая же сцена есть во дворце ассирийского царя Ашшурбанипала в Куянджике. Львиная охота в ассирийском искусстве — это отнюдь не жанровая картинка, иллюстрирующая светские забавы ассирийских владык, она имеет гораздо более серьезное содержание.

В Ассирии лев был царской эмблемой, а сцена, где царь побеждает льва, трактовалась как утверждение высшего могущества царя. В этом значении ее восприняли и праноязычные народы, и у них она стала очень популярной, особенно на печатях.

Искусство той эпохи вообще не знало развлекательных, чисто изобразительных сюжетов. За каждым персонажем стоял какой-то легендарный герой или царь, каждая сцена передавала какое-то древнее предание.

Что за миф, например, вдохновил мастера, изготовившего серебряный диск клада, на котором изображены три конных охотника в одинаковых колпаках, кафтанах и мягких сапожках? У их коней подстриженная грива, подвязанный бантом хвост и расшитая узорная попона. Кони скачут в «ассирийском галопе», преследуя животных. Один всадник мчится за двумя горными баранами, другой — за двумя оленями. Фигуры этих охотников идентичны: слева приторочен лук, а в правой, занесенной назад, руке — копье, которым охотник целится в убегающую жертву. Вся композиция очень динамична. Чтобы показать напряжение мускулов баранов и оленей, художник выделил их рельефом и подчеркнул выпуклыми кружка-

ми и полукругами (искусствоведы называют этот прием запятой и точкой). Животные устремляются в горы — чтобы сказать нам об этом, художник поместил на заднем плане два треугольника.

Третья группа отличается от двух описанных. Конь точно такой же, но всадник натянул лук и метит стрелу в зайца. Это, видимо, центр всей композиции, и, привлекая внимание к ней, художник развернул сцену в противоположном направлении.

Какая охота изображена на диске и кто эти охотники? Прежде всего, изображены три героя или три момента из жизни одного персонажа? Последнее, как ни парадоксально, более вероятно. В древнем искусстве, которое называется нарративным, т. е. передающим содержание целого рассказа, художники часто использовали прием сжатого действия, сжатого времени: в одной композиции они объединяли несколько сцен, которые в действительности разделял большой промежуток времени.

Так, царю Дарию потребовалось выиграть 19 кровопролитных битв, чтобы наконец заставить повиноваться области своей державы. На рельефе же Бехистунской скалы рассказ о его победах, его апофеоз изображен как единая кульминационная сцена, где к Дарию подводят сразу всех побежденных связанных царей.

Подобный прием представлять одновременными последовательную череду событий был наиболее распространенным. Но еще в нарративном искусстве хеттов и ассирийцев появилась другая манера передачи рассказа: последовательное изображение нескольких сцен из жизни героя, в которых он фигурирует в одном и том же костюме и с одними и теми же аксессуарами. Этим достигалось впечатление единства образа. Но ведь именно так трактован герой на амударьинском диске! Значит, перед нами рассказ о том, как герой отправился в горы на охоту, как он преследовал сначала оленей, потом баранов и вдруг встретил зайца, выхватил лук, прицелился и ... На этом рассказ на диске обрывается — ведь древний зритель прекрасно знал его продолжение. А мы так бы и остались в неведении, если бы в эпосе одного из иранских народов — осетин — не сохранилась вся древняя легенда¹⁹.

А в ней повествуется о том, что знаменитый герой нартов Хамыц отправился весной на охоту на своем

«прекрасном, как лебедь, белом жеребце». Долго скакал Хамыц «по широкому простору нартовских бескрайних земель» и вдруг встретил волшебного «никогда не бывалого белого зайца, которого природа щедро наградила красотой». Хамыц пытался убить зайца — «упустить его — значит потерять свою великую славу», но трижды, когда герою казалось, что заяц уже мертв, волшебный заяц вырывался из его рук. Преследуя зайца, Хамыц проезжает «всю землю, обитаемую нартами». Заяц пробегает «чуть не до края земли, до самого моря», и тут бросается в воду. Тогда выходит седовласый старец поведать Хамыцу о том, что заяц — это обернувшаяся животным дочь бога вод Дон-бетура, избравшая героя своим женихом. Дон-бетур выдает морскую царевну замуж за Хамыца, но предупреждает, что его дочь может жить на земле, только «прикрывшись днем оболочкой водяной черепахи». От этого брака родится у Хамыца сын — богатырь Батрадз. Он появляется на свет окруженный языками пламени и, закалившись в огне, становится твердым, как сталь, самым сильным из нартов.

Нартовское сказание чрезвычайно напоминает рассказ Геродота (История, IV, 5—10) о происхождении скифов. В скифской легенде герой — Таргитай, или Геракл, — тоже женится на нимфе — дочери Борисфена, т. е. Днепра (а ведь оба имени: Днепр²⁰ и Дон-бетур — содержат иранское слово — «дон» — «вода»), тело скифской царевны вод тоже покрыто чешуей — ее изображают змееногой. Змееногая богиня становится родоначальницей скифов.

Скифы очень любили воплощать в искусстве эту легенду. Особенно интересна золотая пластинка из царского кургана Куль-Оба, где конный скиф с копьем в руке охотится на зайца.

Так, значит, сцена на амударьинском диске — это изображение мифа о происхождении царского рода, и этой сценой бактрийский правитель, видимо, хотел напомнить подданным о своих божественных предках.

Немало других предметов клада тоже подчеркивают богоданность царской власти и служат инсигниями цари — отличительными знаками его достоинства. Это прежде всего печати, кольца, браслеты, диадемы, гривны. Простые смертные, рядовые общинники не имели права надевать подобные вещи; носила их только знать.

В таких украшениях мы видим вельмож на рельефах Персеполя, Суз и Малой Азии, на статуе, найденной в Египте. Такие перстни, браслеты и гривны носили и персидские цари, а их красные одежды были расшиты бляшками с изображением орлов или дерущихся соколов.

Иногда цари посылали в подарок украшения или одежду со своего плеча. Моду эту ввели мидийцы: царь Киаксар преподнес своей дочери к свадьбе браслеты и гривны. Позднее Камбис послал в дар эфиопскому царю пурпурное одеяние, золотое ожерелье, золотые браслеты, алебастровый сосуд с миррой и кувшин финикийского вина. Кир Младший отправил царю Киликии сделанные из золота гривну, браслет, меч и персидский костюм. Греческий писатель Ксенофонт (Анабасис, II) пишет, что при персидском дворе считалось великой честью быть пожалованным царским подарком: конем с золотыми удилами, золотой гривной и браслетом, золотым мечом и персидским платьем.

Но ведь большую часть клада и составляют золотые фигурки лошадей и предметы парадного конского убора, золотые гривны и браслеты, золотой меч и множество бляшек, украшавших парадное платье!

Бляшки эти нашивались по-разному и имели разную форму. У одних фигурок клада одежда расшита круглыми бляхами, у других — прямоугольными, идущими от ворота до подола и иногда по рукаву. Между прочим, так же расшит и кафтан вельможи, изображенного на ритоне из Армении.

Большие бляхи помещали и на конской сбруе: если присмотреться, их видно на лошадях в сценах охоты.

Почти все предметы клада украшены изображениями зверей, птиц или фантастических существ. Это не просто декоративный элемент: каждый образ имеет свою символику.

На формирование своеобразного зооморфного стиля ираноязычных народов большое влияние оказала Ассирия, однако мастера черпали в переднеазиатском искусстве лишь отдельные стилистические черты, трактуя заимствованные детали в соответствии с собственными религиозно-космогоническими концепциями. Воспринятые в Ассирии образы переосмыслились на иранский лад.

Создавая образы синкретических существ, художник отбирал каждый элемент, подчиняя его общей идее ком-

позиции, представлявшей отдельного героя или целый сюжет иранской мифологии.

Из-за присущего иранскому мышлению полисемантизма — многозначности часто трудно бывает сказать, какое содержание вкладывали древние в свои изображения.

Вот, например, круглая пластина «Амударьинского клада» с крыльями и хвостом орла и бюстом царя в эламской короне. Подобные эмблемы часто помещались над многими сценами; есть она и над изображением царя, поражающего врага на халцедоновой цилиндрической печати клада. Эта эмблема была создана Дарием после покорения Вавилона, и в ней объединены символы верховного бога Ассирии Ашшура и вавилонских богов Мардука и Сина. Обычно ее считают символом Ахура Мазды, благославляющего царя. Но обратитесь к современным индийским парсам, исповедующим зороастризм, и они откажутся признать в нем своего верховного бога.

А что означает фигура крылатого быка с человеческой головой в царской короне на перстне клада? Образ его навеян ассирийскими «шеду». Но он напоминает иранского легендарного пастуха — царя Гопатшаха: «до половины тела он — бык и от середины тела вверх — человек. Он всегда сидит на берегу вод и совершает возлияния богам»²¹. Культ быка-царя Гопатшаха сливался у иранцев с культом воды. Поэтому, может быть, не случайно над изображением на перстне помещена арамейская надпись: «Охшо» (Вахшу) (ведь в устье Вахша стоит городище Тахт-и-Кават)²².

Пластина с крылатым быком вызывает в памяти авестийскую легенду о первородном быке Гаямарде. Из его костей произошла земля, из крови — вода, из волос — растения, из души — огонь.

А что обозначают львы? Крылатые львы украшают чашу и бляшку, головы львов помещены на бляшке, на ручке кувшина, на гривне и браслетах.

В Ассирии лев, как мы помним, — царская эмблема, но в зороастрийском искусстве сасанидского времени лев — символ бога солнца Митры. Какое же значение предпочесть?

А как трактовались древними изображения орлов с распростертыми крыльями, несколько раз представленные в кладах?

В искусстве Месопотамии еще в III тыс. до н. э. орел

стал династической эмблемой и в этом значении через посредство Ассирии попал к ираноязычным народам. Орлы помещались на штандарте, на колеснице, на одежде ахеменидских царей (да и сегодня, пережив пять тысячелетий, орлы продолжают украшать гербы некоторых стран).

Но в идоиранской религии орел играл совершенно особую роль. Орел принес с гор священное растение хаому (сому), сок которого дает бессмертие богам. Орел — это одно из воплощений иранского бога победы Веретрагны и божественной славы — Фарна. Наконец, орел — это символ солнца.

В гимнах движение по небу солнечной колесницы сравнивается с полетом орла, есть формула конь — птица — солнце.

Представление это дожило у иранских народов до средневековья:

Чудесная птица — светило дневное,
Прекрасное солнце, в чьих ярких лучах
Для смертного зреют надежда и страх ²³.

Так что же, орлы «Амударьинского клада» — это изображение Победы, династическая эмблема или солярный символ? В пользу последнего толкования говорит то, что на двух бляхах клада над орлами помещены солярные диски (диск с распростертыми крыльями был символом солнца еще в Древнем Египте). На третьей бляшке орла обрамляют лотосы — тоже солярный символ. Значит, на бляшках, по-видимому, представлен солнечный бог Митра ²⁴.

Но ведь согласно верованиям иранцев царь являлся земным воплощением солнца, светом, упавшим с неба, и подданные даже закрывали лицо при его приближении, чтобы не ослепнуть. Следовательно, в образах орла и льва сплеталась солярная и династическая символика. Помещая их на личных вещах, правитель, должно быть, преследовал цель лишней раз подчеркнуть божественную сущность своей власти ²⁵.

С той же целью использованы и многие другие изображения, украшающие вещи клада. Вот фигурка барана, служившая ручкой сосуда, а вот головки баранов на концах браслета — может быть, символы бога победы Вере-

трагны, посылающего царю славу — Фарн, или самого Фарна, поскольку в Авесте баран (как мы помним) — это воплощение и Веретрагны, и Фарна. Вот ручка кувшина в виде фигурки горного козла и протомы²⁶ козлов на браслетах — другое воплощение Веретрагны. А вот очень большая полая внутри фигурка рыбы — еще одно воплощение Фарна.

Два великолепно исполненных браслета украшены головками фантастических крылатых и рогатых орлино-головых грифонов. В кладе есть еще фигура грифона и изображение грифона на перстне. Этот сложный полиморфный образ появился в древневосточном искусстве под влиянием хеттов и получил большое распространение в изобразительном творчестве Ассирии. В Средней Азии и Бактрии грифоны были известны с конца II тыс. до н. э. В греческой мифологии грифон, родиной которого считалась Азия, являлся символом Аполлона. В Переднеазиатском искусстве грифон — это синоним орла и льва.

А как трактовался грифон индоиранскими народами? В их языках он называется тем же словом, что и орел, — «саена». Грифон — это великая огненная птица, воплощение света. В искусстве ираноязычных народов грифоны и орлы фигурируют в одних и тех же сценах, что свидетельствует о семантическом тождестве двух этих образов, соотносимых с небом и солнцем.

В мифологии иранцев была и еще одна почитавшаяся птица — Каршипта — гусь или утка, которая жила и в небе, и на земле, и в воде и потому, по их представлениям, объединяла все три сферы мироздания. Она служила вестником воли небесных богов на земле. В Авесте именно Каршипта передала Заратустре божественный закон Ахура Мазды.

Вместе с тем у индоиранцев водоплавающая птица была атрибутом богини-матери²⁷, которая в их религии объединяла функции главного божества не только земли, но и воды. В Индии водоплавающая птица ассоциировалась с богиней (и рекой) Сарасвати, культ которой индийцы принесли с индоиранской прародины. У иранских народов водоплавающая птица являлась символом Ардвисуры Анахиты — богини земли и воды вообще, реки Амударьи в особенности (Ардви — это Амударья).

Образ водоплавающей птицы тоже представлен в

«Амударьинском кладе». Здесь есть фигурка утки с тщательно изображенным оперением; головки двух уток венчают браслет клада; наконец, на зубчатой пластинке — видимо, обломке диадемы царицы — представлены две пары противостоящих уток по сторонам пальметты²⁸. Пальметта — древний символ «древа жизни». Значит, композиция изображает птиц у «древа жизни». Этот сюжет знаком искусству всех народов Старого Света. В древних гимнах индоиранцев говорится, что «мировое древо» — опора солнца — служит воплощением женщины — богини-матери; описываются и пары птиц возле него. Таким образом, птицы у пальметты на диадеме — это символ богини-матери, плодородия и вечности жизни.

Как не вспомнить, глядя на амударьинских уток, древнеиндийского поэта Вальмики? Однажды он увидел на опушке леса нежную пару уток — краунча. Но пришел охотник и убил самца, а одинокая утка стала рыдать, оплакивая разлуку с любимым. Сострадание к горю птички вылилось у Вальмики в строки, с которых он начал свою поэму «Рамаяна» — историю героя Рамы и его возлюбленной Ситы, историю их разлуки и самоотверженной любви Ситы — олицетворения женской нежности и верности.

Пара уток была символом супружеской любви и в Древней Греции. Да ведь и на Руси пары птичек помещали на свадебном уборе невесты. А ласковые обращения к женщинам в старинных русских песнях — «утушка», «лебедушка»? Они из той же седой индоевропейской древности.

Если одни изображения «Амударьинского клада», основываясь на данных индоиранской мифологии, удается объяснить довольно определенно, то относительно других высказаться труднее, и, к сожалению, вероятно, не все предложенные интерпретации бесспорны.

Еще сложнее вопрос об антропоморфных изображениях клада. Геродот прямо пишет, что персы «не представляют своих богов человекоподобными, как это делают эллины» (История, I, 131). Но вопреки такому утверждению есть свидетельство о том, что Артаксеркс II (405—359 гг. до н. э.) установил в Персеполе, Сузах, Экбатане, Вавилоне, Дамаске, Сардах, а также в Бактрах статуи богини Анахиты. Значит, со времени Артаксеркса по крайней мере некоторых богов иранцы пред-

ставляли антропоморфно, вероятно заимствуя образы греческих божеств. Судя по надписям из развалин храма в Персеполе, Анахита отождествлялась с Артемидой и Афиной, Митра отождествлялся с Аполлоном и Гелиосом, Ахура Мазда — с Зевсом. В посвяtitельных надписях на статуях богов, установленных в I в. до н. э. Антионом I Коммагеном, Ахура Мазда вновь сопоставлен с Зевсом, Митра — с Аполлоном, Гелиосом и Гермесом, а Веретрагна — с Гераклом и Аресом.

К сожалению, ни одной статуи богов ахеменидского времени в Иране не найдено. О том, были ли антропоморфные божества в Бактрии, нет никаких свидетельств. Привлечение данных Авесты тоже не облегчает задачи: в Авесте нет детального описания ни одного божества, за исключением Анахиты, да и оно не соответствует ни одному более позднему изображению богини. Атрибуты богов, упоминаемые в Авесте, немногочисленны, и к тому же один и тот же предмет часто ассоциируется с несколькими персонажами. Остается только гадать, кого представляют многие персонажи на предметах клада.

В бородатом человеке со стрелой в руках соблазнительно видеть легендарного первого царя Йиму, которому Ахура Мазда вручил золотую стрелу, тем более что у греков стрела была символом бога солнца Аполлона, а в иранской мифологии Йима — сын солнца и воплощение солнца. А может быть, и два других персонажа, идущие опираясь на длинные посохи, на пластинках тоже изображают Йиму? Ведь Ахура Мазда вручил Йиме пастушеский посох с золотым наконечником!

А кто эти дамы на пластинах и золотых кольцах? На них длинные платья из ткани, спадающей складками, у некоторых длинные косы, какие носили женщины во всей Ахеменидской империи. При взгляде на них вспоминаются строчки из «Шах-наме»:

Сияющим ликом с лупой она схожа,
Слоновую кость посрамит ее кожа,
Как стан — кипарис и как мрамор — чело,
Ресницы темны, как воронье крыло,
Сверкали, как звезды, на ней ожерелья,
Браслеты и серьги, венец вокруг чела,
И вся она садом цветущим была ²⁹.

Две дамы, изображенные на золотых перстнях, сидят на изящных резных стульях, одна склонила головку и нюхает цветок, держа его в правой руке, в левой руке у нее венок. У другой тоже цветок в правой руке, а на вытянутой левой ее руке сидит птица. На головах обеих дам короны. Так, значит, это царицы? Но ведь цветок и птица — символы богини Анахиты! В более позднее, сасанидское, время эту богиню изображали в костюме и короне сасанидской царицы с цветком и птицей в руках, а иногда с венком, подобным тому, что на амударьинском перстне.

Это серьезное основание признать, что на амударьинских перстнях представлена именно богиня, тем более что на печатях и предметах подобного стиля, найденных в Ахеменидском царстве, есть сцены, где женщина с такими атрибутами и в таком костюме протягивает сосуд для причащения стоящему перед ней мужчине с луком — символом власти у иранцев. Описанные сцены можно трактовать как акт инвеституры — вручения богиней власти царю.

А цветок и венок в руках у амударьинских цариц? Глядя на них, я вспоминаю недавнюю поездку по Ирану. В Ширазе, городе, прославленном поэтами, среди достопримечательностей нам показывали не только могилы Хафиза и Саади, к которым до сих пор совершаются народные паломничества, но и знаменитые сады. На раскаленной зноем равнине (в тени — 47° по Цельсию) купа деревьев манит прохладой. Среди стройных кипарисов и раскидистых чинар звенят, переливаясь, фонтаны, и вода из них стекает по ступенчатым каналам. Куда ни кинь взгляд — всюду розы. Садов в Ширазе множество, но особенно хороши Бах-э-Эрам — Райский сад, летняя резиденция шахины, и сад Халили. В нем среди зелени и цветов то там, то здесь красуются дощечки с каллиграфически написанными стихами знаменитых поэтов, воспевающих цветы. Вот слова раннего персидского лирика Кисаи:

О, продавец роз,
Зачем ты продаешь розу за серебро?
За серебро, вырученное за розу,
Что сможешь ты купить лучше розы? ³⁰

В памяти всплывает описание иранского праздника «красной розы». Его отмечали в один из апрельских дней вскоре после Ноуруза. Толпы юношей с букетами роз в руках высыпали на улицу и под звуки музыки начинали танцы. Красные цветы они бросали в корзины прохожим, а вечером устраивали торжественное факельное шествие.

Отголоски этого древнего праздника возрождения природы можно обнаружить сегодня в двух крайних уголках индоевропейского ареала: в Ницце, где в апреле проводят знаменитый «фестиваль цветов», и на юге Средней Азии, где не забыт день «красной розы». В Таджикистане до сих пор отмечают и «день тюльпана», когда мужчины подносят цветы своим любимым. А некогда тюльпаны дарили в конце праздника Ноуруза. Вся община отправлялась на луга, покрытые свежими цветами. Там девушки плели венки и, мечтая в новом году выйти замуж, пели песню-заклинание: «В тринадцатый день следующего года — дом мужа, младенец на руках». Тем временем замужние женщины входили в реку с песней: «О, текущая вода! Со мной пусть будет ласков мой муж!»

Так вот почему так много цветов на памятниках ахеменидского искусства и на вещах «Амударьинского клада»! Вот почему в руках Анахиты цветов и венков!

Изображение Анахиты на царском перстне отнюдь не случайно. Золотое кольцо — символ власти — даровал первому царю иранцев Йиме Ахура Мазда, и его милостью получали иранские правители свои царства.

Но и Анахита была покровительницей царей. Вслед за Йимой претенденты на царство в ее честь приносили в жертву животных и просили: «И вот добрая, могучая Ардвисура Анахита, такую милость прошу я от тебя, чтобы я, будучи любимым, обширные царства обрел, где много варят пищи, получают большие куски, где фыркают копы, звенят колеса» (Ардвисур-Яшт, V, 130. Пер. Е. Э. Бертельса).

Значит, кольцо с изображением Анахиты — это знак двойной милости Ахура Мазды и Анахиты, даровавших власть бактрийскому правителю.

Очень интересна еще одна вещь «Амударьинского клада» — серебряная статуэтка обнаженного безбородого юноши в высоком головном уборе и с отверстиями для серег в ушах. Аналогичные фигурки из мрамора, золота

и серебра изготовляли в VII — начале V в. до н. э. по всему Средиземноморью. Это греческие курорсы. Их подносили в храмы и иногда сопровождали надписью: «Такой-то меня посвятил», чтобы обратить внимание божества.

Курорсы — это идеализированный образ греческого юноши Аполлона. Уже говорилось, что в ахеменидскую эпоху греческих богов отождествили с иранскими и Аполлон был соотнесен с Митрой. Культ Митры пользовался необычайной популярностью в восточноиранских областях, в особенности в Бактрии. Митра — щедрый солнечный бог, которого в посвященном ему гимне называют «дружественным к людям», «дающим сыновей», «заставляющим растения расти».

В честь этого бога ежегодно устраивался радостный праздник Михраган. Его отмечали в ноябре, в день осеннего равноденствия. Это был щедрый праздник осеннего плодородия природы, жатвы. Снопы уже обмолочены, хлеб ссыпан в амбары, бочки наполнены молодым вином, и тут огромная толпа собирается, чтобы возблагодарить солнечного бога за его дары. Жрецы, увенчанные венками из цветов и трав, читают молитвы. Танцовщицы с чашами в руках кружатся в священном танце. Из драгоценных сосудов, украшенных символами Митры и ожерельями, совершают возлияния. Фигурируют посвященные празднику птица Мург-и-Михраган (куропатка) и символы плодородия — плоды граната и цветы. Это описание праздника Михраган отделено несколькими веками от времени создания вещей «Амударьинского клада». Но сколь многое в кладе перекликается с ним! Тут и кувшины, и чаши с символами Митры — солжарными розетками и львами, и обнаженный юноша, который держит птицу, может быть куропатку, и жрецы, несущие в руках сосуды для возлияний и цветы, и знатные дамы с теми же цветами в руках, и танцовщица в развевающихся одеждах.

Последний образ напоминает греческих менад — участниц Дионисий — греческого праздника осеннего плодородия в честь бога Диониса.

Между прочим, греки рассказывали легенды о воспитании Диониса нимфами в Нисе — в глубинной Азии — и о путешествии бога на Восток. В пьесе Еврипида «Вакханки» (13) Дионис говорит, что он посетил:

Пашии Лидии златой
И Фригии, и Персии поля,
Соженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и мидян...

Култ Диониса был очень популярен на Востоке. Когда Александр Македонский достиг границ Бактрии и Индии, он увидел в городе Нисе статую Диониса в облике индийского юноши и совершил жертвоприношения богу (Арриан, Анабасис, V, 1—2; Квинт Курций Руф. История Александра, VIII, X, 7, 13).

Многие мистерии дионисийского культа сходны с церемониями, сопровождавшими Михраган, поэтому в иранском искусстве некоторые дионисийские черты и стали присущи культу Митры.

Таким образом, значительная часть предметов «Амударьинского клада» связана с культом Митры. Исключает ли это предположение, что вещи принадлежали бактрийскому правителю? Нет, несколько. Царь у иранцев являлся избранником бога. Бог сыпал с неба огненные стрелы при его рождении и оповещал о своей воле народ при помощи божественных вестников: коня или птицы.

Геродот (История, III, 84—88) рассказывает, что после свержения магов шесть знатных персов, осуществивших переворот, решили избрать на царство по жребью того, чей конь первым заржет при восходе солнца. Дарий сплутовал, и его конь первым бросился вперед и заржал. В честь этого события царь установил свою конную статую с надписью: «Дарий, сын Гистаспа, обрел себе персидское царство доблестью своего коня».

Подобные обряды существовали и в Средней Азии, и воспоминания о них сохранились в обычаях устраивать конные скачки в день весеннего равноденствия и в легенде, где царем избирался тот, на чью голову сядет вещая птица. Поскольку конь был вестником бога солнца, коронация всегда совершалась в день весеннего равноденствия, а царя в сценах инвеституры часто представляли верхом на коне.

С момента избрания царь считался священной особой, что символизировалось зажжением священного царского огня. Обычай этот знали не только персы, но и другие иранцы: у скифов самой нерушимой считалась клятва ог-

нем царского очага. Царь, подобно солнечному богу, владел колесницей и белым конем, его одежду и личные вещи украшали солярные эмблемы, а сам он изображался в том же облике и с теми же атрибутами, что и бог. Значит, греческий курос в Бактрии воспринимался, вероятно, не как Аполлон, а как солнечный бог Митра или царь в роли этого бога.

Итак, можно полагать, что «Амударьинский клад» — это собрание вещей, на которых правитель представлен в роли небесного бога, вещей, употреблявшихся на церемониях, когда сам царь (он же главный жрец) совершал ритуал в честь солнечного бога Митры, а также вещей, на которых изображены символы других богов: Анахиты, Веретрагны, Фарна и Ахура Мазды, наконец, вещей, передающих образы легендарных царей-родоначальников Гопатшаха и Йимы и отражающих легенду о божественном происхождении правящего рода. И принадлежал «Амударьинский клад», по-видимому, бактрийским правителям.

Однако, когда же были накоплены сокровища, где и кем были созданы эти шедевры прикладного искусства?

Безымянные мастера

Ученые не сошлись во мнениях по этому вопросу. Одни считают, что раз все предметы клада принадлежали бактрийцам, то и сделаны они ими самими. Другие думают, что раз вещи похожи на продукцию мастеров ахеменидского двора, то они персидского производства. Третьи, вслед за О. М. Дальтоном, пытаются выделить произведения разных художественных школ, работавших в разное время³¹. Последняя точка зрения, на наш взгляд, представляется наиболее правильной.

Золотая обкладка ножен меча, самая древняя вещь клада, датируется началом VI в. до н. э. Сходные по стилю предметы этого времени найдены в скифских курганах, а костяные модели мечей — в Египте и Анатолии у Кархемыша.

Изображения на ножнах всадников, летящих в «ассирийском галопе», охотящихся на вздыбившихся львов, больше всего напоминают рельефы ассирийских дворцов. Однако сделаны ножны все же не в Ассирии, а в Ми-

дии — ведь костюм персонажей не ассирийский, а мидийский.

VI веком до н. э. могут датироваться и некоторые другие предметы: бляшка от конского убора, похожая на те, которыми украшали коней в евразийских степях не только в VI, но и в VII в. до н. э., и замечательная чаша. Мода пить из таких фиал распространилась в Ассирии в VIII в. до н. э., а оттуда позже была заимствована и другими странами. С фиалами представлены на рельефах ассирийские цари. А в Кармир-Блуре — крепости страны Урарту — на фиалах помещена надпись: «собственность царя Сардури».

Группа древних вещей клада невелика³². Большинство относится к другой эпохе.

Мы уже отмечали, что фигурки царей, изображения людей на пластинах своим костюмом, статичностью поз очень напоминают ахеменидские рельефы. Причем в Пасаргадах — древнейшем дворце, воздвигнутом Киром Великим в 546—530 гг. до н. э., — еще нет почти ничего общего с изделиями «Амударьинского клада». Зато рельефы Персеполя и других памятников, сооруженных при Дарии Великом (522—486 гг. до н. э.), Ксерксе (486—465 гг. до н. э.) и их преемниках, уже очень многое роднит с произведениями прикладного искусства, представленными в кладе. Это позволяет датировать значительную часть амударьинских вещей 80—60-годами V в. до н. э. и позже — временем активного строительства в Персеполе — и отнести предметы этой группы к произведениям того стиля, который сложился при дворе Ахеменидов.

Задача ахеменидских мастеров заключалась в прославлении власти могущественных владык, которые подобны богам и которым чужды эмоции и переживания простых смертных. Это искусство называют репрезентативным, парадным. Оно призвано было своей помпезностью потрясти воображение зрителя и заставить поверить в незыблемость власти царя и его установлений. В этом искусстве, преследовавшем политические цели утверждения правящей династии, не оставалось места для полета фантазии художника. Все строго подчинялось требованиям, выработанным самими правителями. Мастерам оставалось только неукоснительно следовать канону. Из всего многообразия образов раннеиранского искусства Ахемениды отобрали лишь те, которые символизировали идею величия цар-

ской власти, концепцию «несть власти, аще не от бога».

Эта прокламативность обусловила специфические особенности стиля: царь предстал в роли бога, наделялся царскими регалиями, причем поза его отличалась торжественностью, а выражение лица было застывшим; он изображался в более крупном масштабе, чем остальные персонажи. Подобный прием знали уже древние египтяне: фигура фараона всегда выделяется размерами.

Вещи «Амударьинского клада», перечисленные выше, достаточно близки персидским и подчиняются канонам ахеменидского искусства. Правитель крупнее остальных, при нем его инсигнии. Все фигуры профильны, статичны, одна нога выставлена вперед, руки опущены или согнуты в локтях, если в них несут цветок, сосуды или другие предметы, все точно так же, как в Персеполе.

Находят многочисленные аналогии в искусстве ахеменидского Ирана и золотые перстни с двумя протомами быков, браслеты и гривны с головками и протомами других животных, цилиндрическая печать, перстни с оленями и грифонами, сосуды, ручка кувшина в виде горного козла, фигурки оленя, барана, лошади.

Две протомы быков на перстне точно воспроизводят капитель колонны дворца Ахеменидов. Разнообразные сосуды, в том числе и с ручками в виде головы или фигуры вздыбившегося животного, браслеты с головками и протомами зверей изображены на рельефах Персеполя и в изобилии найдены на территории Ахеменидского царства.

Браслеты с грифонами очень похожи не только по форме, но и по сложной технике изготовления золотых ячеек для инкрустации лазуритом на браслеты, обнаруженные в богатом погребении в Сузах, которое датируется по найденным в нем печатям IV в. до н. э. В могильнике Дев Эйюк у Кархемыша, где захоронены воины персидского гарнизона, среди которых были и представители восточных сатрапий, найдены мечи, такие же, как изображенные на вещах «Амударьинского клада»; бронзовые сосуды, печати и украшения тоже напоминают амударьинские. Время сооружения этого некрополя — V в. до н. э., поскольку именно так определяется возраст греческих ваз, лежавших в могилах.

Очень интересен клад вещей середины V — середины IV в. до н. э., недавно найденный в Пасаргадах. Вероятно, в момент, когда войска Александра Македонского вор-

вались в ахеменидскую столицу Персеполь и над ним запылало пламя, в Пасаргадах охваченная ужасом знатная персиянка вытряхнула свои шкатулки, сорвала с себя серьги, браслеты, ожерелья, спрятала их в большой сосуд, спешно закопала его в укромном месте — в дворцовом парке возле садового павильона — и не вернулась за ним... Некоторые изделия из клада сопоставимы с амударьинскими. Это браслеты с головками баранов, подвески, колокольчики, голова утки на туалетной ложке. Правда, пасаргадские экземпляры гораздо более совершенны.

Сравнение амударьинских изделий с предметами из других комплексов ахеменидского времени — из Вани и «Ахалгорийского клада» в Грузии, из клада, найденного во дворце Вуни на Кипре, из ахеменидского слоя Сард — с предметами, попавшими из ахеменидского Ирана в евразийские степи, например с золотой гривной, обнаруженной в кургане IV в. до н. э. под Орском, подтверждает вывод о том, что большая часть амударьинских вещей относится к V—IV вв. до н. э. (вероятно, главным образом до 50-х годов).

В V—IV вв. до н. э. на огромных пространствах Ахеменидской державы работало множество художественных мастерских, где изготавливались золотые и серебряные изделия.

Ахеменидские цари не только получали из разных областей предметы художественного ремесла в готовом виде, но собирали со всех концов империи мастеров, чтобы те работали при дворе. Иранские владыки сооружали дворцы, прекрасные, «как райская обитель» (так назвал свой дворец в Сузах Артаксеркс II). Судя по надписи в Персеполе, в строительстве дворца принимали участие египетские златоделы, мидийские тореvты, каменотесы, ювелиры и плотники из Вавилона, Ионии и других областей Малой Азии. Такие же строительные надписи найдены и в других дворцах.

По сообщению Плиния Старшего (Естественная история, XXXIV, 68), при Ахеменидах в Иране работали два знаменитых греческих скульптора — Теодор с Самоса и Телефан из Фокеи.

Все лучшие мастера страны — художники и опытные ремесленники, веками вырабатывавшие традиции и профессиональные навыки, — стекались ко двору «царя ца-

рей» и использовались там для осуществления его замыслов.

Поскольку мастера выполняли правительственные заказы и их деятельность, как мы помним, строго регламентировалась и подчинялась официальному канону, в Ахеменидской империи произошла нивелировка художественных школ, появились единые официально признанные стандарты, которым должны были следовать все художники и в центре, и на периферии, бравшие за образец памятники, сделанные в столице. Так возник единый ахеменидский «имперский стиль».

Именно поэтому археологам и искусствоведам невероятно трудно определить теперь продукцию местных художественных школ и отличить изделия отдельных мастеров.

Однако, внимательно присмотревшись к вещам «Амударьинского клада», можно выделить группу предметов, хотя и относящихся к ахеменидскому времени и несущих на себе печать эпохи, но все же несколько отличных от персепольских образцов.

Образы на этих вещах клада находят больше аналогий не в монументальном искусстве Персеполя, а в глиптике ахеменидской эпохи — в изумительных композициях, созданных камнерезами на печатях греко-персидского стиля. Здесь есть почти все сюжеты клада: и четырехконная колесница, и лошадки, и всадники, и они же, охотящиеся на львов, баранов, оленей, и жрецы, и цари в коронах, и знатные дамы с цветами в руках, наконец, великое множество фантастических существ.

Большинство печатей, о которых идет речь, относится к V и началу IV в. до н. э. Это служит еще одним надежным основанием датировать тем же временем и значительную часть вещей клада. Но где были сделаны эти печати? Они найдены во всех областях, подвластных Ахеменидам. Однако крупнейшие специалисты в области античной глиптики — М. И. Максимова и Д. Боардман — полагают, что основная часть печатей сделана в областях Малой Азии³³, в частности в столице Фригии Даскилее и столице Лидии Сардах.

В этих странах до завоевания их Ахеменидами существовала высокая культура, сложившаяся в тесном взаимодействии с греческой. Страны эти славилась своим богатством, особенно Лидия, где впервые в мире стали че-

капнуть монету. Легенды о Лидии ходили по всему свету. Правил в Сардах Крез, богатства его были несметны: недаром до сих пор сохранилось выражение «богат как Крез». Завоевав малоазийские греческие города, Крез пригласил к себе греческих художников, творениями которых восхищался, и они приумножили славу Лидии.

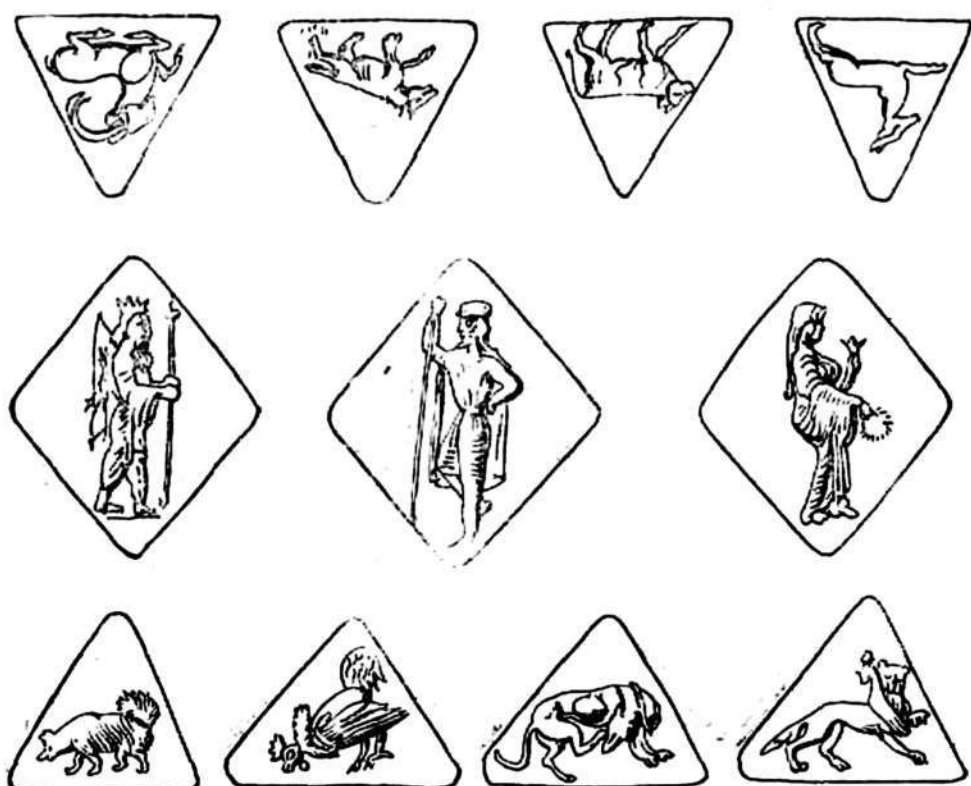
Войдя в состав Ахеменидской империи, Сарды не утратили значения в качестве крупнейшего художественного и культурного центра. Здесь сохранились лучшие традиции искусства Эллады.

Представление о творчестве архитекторов, скульпторов, ювелиров Малой Азии позволяют составить изделия прикладного искусства, рельефы дворца персидского наместника Фарнабаса, выстроенного около 400 г. до н. э. в Даскилее, рельеф гробницы из Чавышкеш со сценой охоты на кабана, бляшки из Даскилии и Сард. Они очень напоминают некоторые изделия «Амударьинского клада».

По сравнению с иранскими произведениями художников малоазийских школ отличаются не только большим профессионализмом и мастерством, но и значительно большей свободой как в выборе тем, так и в их стилистической трактовке, явно отражающей влияние греческого реалистического искусства.

Что касается предметов клада, то в одних вещах греческие черты почти поглощены ахеменидскими, а в других заметна эллинская струя. Греческими (ионийскими) образцами навеяны образы и уток с отвернутыми головками, и мотив пальметты на днадеме и ручке с козлом, и фигуры сидящих царей на перстнях, и обнаженного юноши с птичкой на пластине; орнамент, идущий по кругу бляхи с орлом, так и называется «ионик», а серебряная статуэтка обнаженного юноши — курора — и несколько печатей клада выполнены целиком в греческой манере.

Выделяя эти вещи, исследователи полагали, что они представляют изделия греческих мастеров, а рассмотренные ранее — мастеров иранских. Однако тщательное изучение малоазийских печатей греко-персидского стиля показывает, что изготовлявшие их художники в равной мере владели обоими стилями и с завидной легкостью переходили от одного к другому. Особенно интересны те печати, у которых на разных гранях помещены изображения, выполненные то в чисто греческом, то в ахеменидском при-

9. Многогранная греко-персидская печать с изображением царя, воина с копьем, дамы с цветком и венком и животных

дворном стиле. Вот гемма, в основании которой персидский всадник с копьем поражает пешего грека в шлеме и со щитом, а на боковых гранях — животные, исполненные в греческой манере, и олень в летящем «ассирийском галопе». Вот печать, где с животными, исполненными в греческой и персидской манере, соседствуют царь, на голове которого ахеменидская корона, и персидский воин с копьем и луком. Возможно, что и разностильные вещи «Амударьинского клада» также не обязательно сделаны в разных мастерских.

Как знакомились бактрийцы с произведениями малоазийского искусства? Изделия малоазийских мастеров широко распространялись по всей империи Ахеменидов. Их захватывали в качестве трофеев во время войны; их привозили, возвращаясь домой, в восточные сатрапии, воины и чиновники, служившие в Средиземноморье; их продавали торговцы — ведь при Ахеменидах были проложены ве-

ликоленные дороги, что способствовало расширению связей Запада и Востока.

Кроме того, по письменным источникам известно, что Ахемениды переселяли в глубинные области своих обширных владений целые группы греков. В VI в. до н. э. греки жили по соседству с областью Камбоджа, где-то в районе Кандагара на границе с Индией. Царь Ксеркс выселил греческую общину в Среднюю Азию, в Согдиану, и потомков этих греков застал в Согде Александр Македонский. Греческая колония имелась и в Бактрии; ионийские греки попали туда при Дарии. Должно быть, эти первые греческие переселенцы и принесли с собой на Окс с Эгейских берегов статуэтки своих курсов, печати, да и не только их.

Однако все ли предметы с греческими чертами в «Амударьинском кладе» являются изделиями греческих мастеров? Или на месте, в самой Бактрии, было организовано производство по малоазийским образцам? Ответить на этот вопрос очень трудно: слишком велико сходство изображений на амударьинских печатях греко-персидского стиля и некоторых бляхах и пластинках с малоазийскими прототипами. И все же, тщательно сопоставив детали, удается подметить некоторые различия. На пластинках и бляшках «Амударьинского клада» с меньшим искусством, чем на малоазийских предметах, переданы сложные ракурсы и движения. Не представлены фигуры в три четверти; фигура в свободной позе с согнутой ногой и с рукой, упертой в бок; всадник, развернувшийся назад; неумело показано движение руки.

Кроме этих стилистических особенностей есть и некоторые другие. Например, на амударьинском диске всадник заносит руку с копьем назад, в то время как на печатях копейщики держат его перед собой. Наконец, довольно существенно отличаются и образы женщин. Репрезентативное ахеменидское искусство придворного стиля не знало изображений женщин. Наоборот, в Малой Азии женщины представляли не только в глиптике, но и в монументальном искусстве: например, на рельефах дворца в Даскилее. Тип женщин на греко-персидских печатях стандартен: это пышнотелые матроны с могучим бюстом, с длинной косой и в платье с очень длинными и широкими рукавами. Такие же прически и костюмы у женщин на вещах в «Амударьинском кладе», но показаны

здесь и другие костюмы и прически. К тому же и одежда мужских персонажей типично бактрийская. Примечательно и оружие: характерной формы мечи и короткые луки, которые были распространены только у среднеазнатских воинов. Существенно также и то, что две золотые головки клада, хотя и подобны куросу, все-таки явно передают черты людей местного антропологического типа.

Сюжеты, представленные на некоторых вещах клада, порождены образами и легендами, популярными у среднеазиатских и восточноиранских народов.

Наконец, в то время как в Малой Азии и других частях империи распространены кольца с резными камнями, в Бактрии были популярны перстни из золота. Не позволяет ли все это предположить, что часть вещей «Амударьинского клада» местного, бактрийского изготовления²⁴?

Видимо, после того как бактрийцы ознакомились с произведениями малоазиатского искусства, на берегах Амударьи по эллинским образцам было налажено самостоятельное производство. Сначала мастера, работавшие в Бактрии, старались точно копировать греко-персидские печати, перенося на золотые пластины все детали изображений. Позднее художники из местной среды стали отходить от прототипов и передавать черты своих современников-бактрийцев, свободно вводить в свои произведения образы местной мифологии и фольклора. Так формировалась самостоятельная бактрийская художественная школа.

Древние культурные традиции, развивавшиеся в Бактрии еще со II тыс. до н. э., явились предпосылкой ее расцвета в V—IV в. до н. э.

Местные художественные школы складывались и в других областях — в Лидии, Фригии, Индии, Армении, Грузии.

На периферии Ахеменидской империи происходил синтез древней местной культуры, искусства Эллады и изобразительного творчества ахеменидского Ирана. Но художественные школы на окраинах работали в несколько иной манере, чем в ахеменидской столице. Их искусство не сковывали правительственные заказы; оно было более проникнуто эллинским духом.

Таким образом, задолго до Александра Македонского на Востоке закладывались основы эллинистического искусства, впитавшего лучшие достижения мастеров Эллы-

ды, но в переработанном в соответствии с местными вкусами и древними традициями виде. Эллинизм был подготовлен здесь всем ходом предшествующего исторического и культурного развития.

Вероятно, в Бактрии восприятие греческой культуры продвинулось дальше, чем в других глубинных областях Азии, и именно поэтому Александр Македонский задумал перенести сюда столицу своей державы. Можно полагать, что отнюдь не очарование невесты — бактрийской царевны Роксаны — побудило его принять это важное решение, а политические соображения и уверенность, что там, где почва уже подготовлена, будет легче осуществить мечту о создании единой мировой империи и культуры.

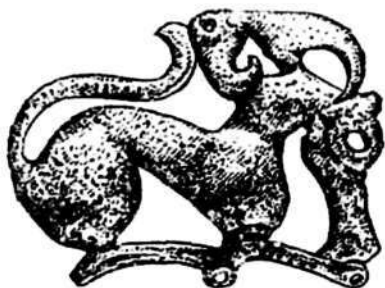
Есть в составеклада и еще одна группа вещей, стиль которых чужд как эллинизированному искусству Малой Азии, так и искусству ахеменидского Ирана. Это вещи, исполненные в так называемом «зверином стиле», распространенном в евразийских степях.

В этом стиле изготовлена нашивная бляшка в виде сильно стилизованной головы орла, схематизированной до того, что оставлены только изображение клюва и глаза. В той же условной манере трактованы два литых браслета, на которых переплелись хвостами два фантастических животных с головами львов и гравированными крыльями. Лев, изображенный на золотом перстне, тоже стилизован, представлен в движении, с мускулами, подчеркнутыми запятыми и точками. Наконец, сакскому миру принадлежит и круглая прорезная бляха для узды.

Как попали эти вещи в «Амударьинский клад»?

На этот вопрос, пожалуй, можно ответить. Вероятно, их сделали в Бактрии те же торевты, которые в совсем иной манере изготавливали другие предметы³⁵.

Но где и когда сформировался самобытный «звериный стиль», потом так пышно расцветший в культуре саков, и что это была за культура?

НА ШИРОКОМ СТЕПНОМ ПРОСТОРЕ

Туры с быстрыми конями

Рядом с бактрийцами и другими земледельческими народами в Средней Азии, как уже говорилось, обитали кочевые племена — авестийские «туры с быстрыми конями» (Яшт, XVII, 55—56). Легендарным царем туранцев был Афрасиаб, именем которого называется городище на окраине современного Самарканда — древнего города Мараканды, столицы Согда. Туры в персидских источниках именуются саками, что значит «могучие мужи»¹, а в сочинениях греческих писателей они же фигурируют под названием «скифы». По сообщению древнеримского ученого I в. н. э. Плиния Старшего (Естественная история, VI, 19, 17), «по ту сторону Яксарта (Сырдарья. — Е. К.) живут скифские племена. Персы вообще называют их саками... Количество скифских народов бесконечно... Знаменитейшие из них саки, массагеты, дан, исседоны... аримаспы».

Первым из греков побывал у этих народов Аристей из Проконнеса, живший за 240 лет до Геродота. Он написал поэму «Эпос об аримаспах», но она, к сожалению, не дошла до нас. С его слов известно лишь, что он, одержимый Фебом и охваченный страстью к путешествиям, прибыл к исседонам, за которыми обитают аримаспы, а за теми — стерегущие золото грифы. Дальше же лежат земли гибербореев» (Геродот. История, IV, 13—15).

Упомянул в своих стихах саков и греческий поэт Хэрил («Персика», фрагмент 3):

Саки, пастухи овечьи, скифского рода,
Живущие в Азии пшеницей обильной,
Потомки кочевников тех, что самые между людей
справедливые.

Вот что можно узнать о саках из сочинений древних писателей. «...Они передвигаются на повозках и питаются молоком. Они не допускают собственности и сообща вла-

деют всем» (Эфор. История, отрывок 76, 78). Кочевники-саки — великоленные наездники и стрелки из лука. Греческий писатель II в. н. э. Дионисий Периегит называет их «из всех стрелков в мире самыми искусными, не пускающими стрелы наудачу». Мидийцы посылают своих сыновей к сако-скифам обучаться стрельбе из лука. От них же заимствуют это искусство и греки, и даже слово «стрела» в греческом языке иранского происхождения.

У саков умеют стрелять не только мужчины, но и женщины. «Женщины у этого племени мужественны и делят с мужчинами опасность войны» (Диодор. Библиотека, II, 33—34). Когда сакские женщины «притворно обращались в бегство, они стреляли с коней, оборачиваясь назад, как делали это и мужчины» (Климент Александрийский. Ковры, VIII, 62). Вообще женщины у саков занимают высокое положение в обществе. «Кто из саков хочет жениться на девушке, должен вступить с ней в борьбу. Если верх в борьбе остается за девушкой, побежденный борец становится ее пленником и поступает в ее полное распоряжение; только победив девушку, может юноша взять ее в свою власть» (Клавдий Элиан. Разнообразные повествования, XII, 38).

Хотя саки вели кочевой образ жизни, у них были укрепленные родовые поселки, носившие название племен и родов и управлявшиеся родовыми старейшинами.

Самый могущественный сакский народ — массагеты, о которых Геродот (История, I, 215, 216) говорит: «Народ этот считается многочисленным и воинственным, живет на востоке по ту сторону реки Аракса (Сырдарья. — Е. К.) против исседонов», на примыкающей с востока к Каспийскому морю «равнине, на необозримом пространстве... По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие. Знают оба способа войны; сражаются луками и копьями; вооружены обыкновенно и секирами. Все предметы у них из золота и меди. Хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща... Они ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс. Они пьют молоко».

История саков была плохо известна грекам, эллины редко попадали во внутренние земли кочевников и имели представление о них лишь понаслышке. Геродот прямо пишет, что «не мог найти никого, кто бы сказал, что

знает те местности как очевидец» (История, IV, 16). Ему вторит Страбон (География, XI, 6, 2): «Ничего положительного не добыто исследователями об этих народах вследствие легкомыслия историков и их страсти к сказкам», а Плиний Старший (Естественная история, VI, 19, 17) объясняет: «Ни в одном другом вопросе (как о саксах.— *Е. К.*) не расходятся так писатели; полагаю, что это потому, что бесчисленное количество этих племен — кочевые».

Если таково было положение писателей — современников саков, то еще хуже нынешним историкам. В спорах о том, где точно обитали конкретные сакские народы, когда и почему менялись границы их кочевий, какова последовательная цепь исторических событий, исследователи выдвигают хитроумнейшие гипотезы, однако и до сих пор в проблеме расселения сакских племен нет полной ясности, а их история во многом носит легендарный характер.

Уже знакомый нам автор рассказа о Семирамиде — Ктесий Книдский — сообщил и легенду о сакской царице Зарине² (Диодор. Библиотека, II, 34, 1—4). Это была женщина замечательной красоты и сильных страстей, воинственная и «далеко превосходившая смелостью и деловыми способностями всех прочих сакских женщин». Зарина покорила соседние племена, выстроила немало городов и «значительную часть страны привела в возделанный вид».

После смерти своего первого мужа Кидрея Зарина вышла замуж за парфянского правителя Мермера. В результате этого брака парфяне, которые прежде подчинялись царю Мидии Астибару, перешли под власть саков. Мидия начала войну. Во время сражения Зарина была ранена; знатный мидиец Стриангей настиг ее, сбросил с коня, но, пораженный красотой и молодостью женщины, не решился убить. Позднее военное счастье изменило Стриангею, муж Зарины Мермер захватил его в плен и приговорил к смерти. Зарина вступилась за своего спасителя. А когда Мермер пренебрег ее просьбами, оскорбленная властная царица приказала убить самого Мермера. С Мидией был заключен мир, Парфия была возвращена Астибару. В столице сакского царства, городе Роксапаке, состоялось свидание Зарины со Стриангеем. Царица встретила его с почетом и пересела в его колесницу.

Стриангей был охвачен страстью к прекрасной женщине. Но Зарина ответила ему кротко и любовно, что войти с ним в связь было бы для нее делом предосудительным и позорным, а для него и опасным и что «следует быть крепким духом не только в бою против врага, но и против вожделений и ради минутного наслаждения не навлекать на себя долгих бед». Влюбленный Стриангей молча покинул царицу и сел писать ей письмо. Вот этот образчик любовного эпистолярного стиля трехтысячелетней давности: «От Стриангея Зарине. Я сохранил жизнь твою и тем дал тебе возможность наслаждаться настоящим твоим положением, а ты убиваешь меня, забывая, чем обязана мне. Если то, как поступаешь ты со мною, дело хорошее — доживай жизнь свою в радости и счастье, если же поступок твой не безупречен — да испытаешь ты то же, что я испытываю по твоей милости». Написав так, Стриангей потребовал припести ему меч, чтобы покончить с собой...

На этом месте рукопись обрывается, и мы так никогда и не узнаем, что случилось со страстным возлюбленным царицы. Эта любовная история много веков волновала воображение читателей. Рассказ Ктесия пересказывал не только Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), автор «Библиотеки» — сочинения более увлекательного, нежели достоверного, но и Николай из Дамаска (I в. н. э.), и византийский писатель X в. н. э. Дмитрий Фаларейский. Но какое дело современным историкам до бурных страстей, отшумевших чуть не три тысячелетия назад?

Для нас рассказ интересен тем, что отражает реальные политические события эпохи — борьбу Мидии с саками за политическое господство над Парфией, временное подчинение Парфии сакам, заключение союза между саками и мидийцами. А эти факты очень важны для правильного истолкования археологических находок.

В 1971 г. советский археолог Б. И. Вайнберг открыла в левобережном Хорезме памятники новой культуры: курганный могильник и неподалеку от него поселение Куюсай. Это был большой поселок площадью 15 га с домами-мазанками, стены которых возводились из плетня, а затем обмазывались глиной, и с землянками — традиционными жилищами евразийских кочевников. Население поселка занималось хлебопашеством и разводило скот. Кузнецы ковали железные орудия. Женщины лепили из глины сосуды, пряли шерсть и делали из нее ткани. Но

мирная жизнь, должно быть, часто прерывалась войнами: на площади поселения найдено огромное количество раннесакских стрел VII—VI в. до н. э. Их использовали, сражаясь, куюсайские воины, когда защищали свои дома и стада от соседних сакских кочевых племен, а может быть, и во время дальних походов на юг, в Парфию. Оттуда, из Парфии, к куюсаям попадали украшения (например, красивые сережки), сделанные на гончарном круге профессиональными ремесленниками прекрасные сосуды и некоторые предметы вооружения. Пока трудно сказать, были ли эти вещи просто военной добычей, захваченной во время удачного нападения на парфянские города, или среди потомков свразийских кочевников жили выходцы из южносреднеазиатских земель. Во всяком случае, материалы Куюсая демонстрируют связи населения глубинных районов степи с югом в VII—VI вв. до н. э. Нет, и тут не солгал Ктесий: есть зерно исторической истины в рассказанной им легенде о Зарине!

Следующий эпизод из истории саков тоже легендарен. Это рассказ о победе саков над ахеменидским царем Ки-ром, который подчинил своей власти все страны от Ирана до берегов Средиземного моря и считал себя почти равным богам и непобедимым. Но предоставим слово Геродоту (История, I, 205—214).

Царицей массагетов была Томирис. Желая захватить ее царство, Кир попытался посвататься к ней для виду, но царица разгадала его планы и отвергла предложение. Тогда Кир двинулся с войском к реке Араксу и открыто начал войну против массагетов. В то время как Кир занят был переправой войск через реку, Томирис послала к нему вестника со словами: «Остановись, царствуй над своим...» Но Кир не внял мудрому предостережению. Он переправил свое войско, прошел в глубь страны и там, по совету бывшего при нем пленного лидийского царя Креза, устроил ловушку для массагетов. Кир велел приготовить пиршественные столы, уставить их яствами и вином и, бросив в лагере лишь очень малую часть своего войска, сам с лучшими воинами отошел. Массагетские воины, предводительствуемые сыном Томирис Спаргаписом, напали на персидский стан, перебили персов и, ничего не подозревая, принялись на радостях пировать. Вот тут-то и обрушился на них Кир. Часть массагетов перебили, других захватил в плен, в том числе и Спаргаписа.

Томирис послала вестника к Киру: «Ненасытно жадный до крови Кир, не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода столь коварно овладел ты моим сыном, а не в сражении и не военною доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе благое: возврати мне моего сына и удайся из нашей страны... Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен».

Кир пренебрег советом царицы, а протрезвившийся Спаргапис не вынес позора и покончил жизнь самоубийством.

Томирис же собрала все военные силы и напала на Кира. В жестоком сражении массагеты победили. Большая часть персидского войска пала на месте, сам Кир был убит. Томирис погрузила голову мертвого царя в бурдюк, наполненный человеческой кровью, говоря: «Я насыщу тебя кровью, как угрожала».

О поражении Кира в войне с саками есть и другой, менее выразительный рассказ у Ктесия³. Там царица названа Сфаретрой, а захваченный в плен предводитель сакков — царем Аморгом⁴, мужем царицы, и указано, что войско сакков составляли 300 000 мужчин и 20 000 женщин. Финал этой битвы и в версии Ктесия оказался плачевным для Кира — непобедимый царь был разбит.

Воевать с саками пришлось и Дарию. Историю его похода на сакков пересказал в своих «Военных хитростях» историк Полиэн (VII, 12). Сакским объединением командовали три царя: Сакесфар, Аморг и Омир (Томирис). Когда они совещались, к ним явился табунщик Сирак и предложил погубить персов, если его потомки будут щедро вознаграждены. Цари поклялись, и тогда Сирак, чтобы не вызвать подозрений персов, отрезал себе уши и ноздри и пришел к ним под видом перебежчика, говоря, что хочет отомстить сакам. Дарий поверил Сираку, и все персидское войско двинулось за ним. Семь дней этот древний Сусанин вел за собой персов и наконец завел их в «безводную пустыню, где ни птиц не видать, ни зверя, откуда ни дальше нет хода, ни назад возврата», и тут сказал им: «Я задумал отвратить беду от соотечественников моих, сакков, и вот мне удалось извести вас, персов, жаждой и голодом». Но тут персы выхватили мечи — и голова Сирака покатила на землю. Дарий же, взойдя на холм и

положив скипетр, тиару и диадему на землю, стал молить Аполлона послать воду с небес. Дождь пролился на землю, персы набрали воды и добрались до реки Бактры (Амударья).

Между 520 и 518 гг. до н. э. Дарию все же удалось подчинить себе саков, и в надписи на его гробнице в Накш-и Рустеме приводятся такие слова царя о них: «Мой закон они исполняли...», а в надписях из Экбатаны и Персеполя сказано: «Говорит Дарий царь: эта держава, которой я владею, начиная от саков, которые за Согдом» (пер. В. В. Струве).

Саки, как говорилось, представлены и среди данников на персепольских рельефах.

Позднее многократно в письменных источниках упоминается участие сакских отрядов в персидском войске. Саки служили в самых отдаленных областях империи. Даже в Египте, в Мемфисе, найдены терракотовые статуэтки сакских всадников, а около Кархемыша открыты погребения сакских воинов из персидского гарнизона.

Во время сражений саки неизменно покрывали себя славой, а иногда приносили персам победу. Саки были в центре войска в битве при Марафоне (Геродот. История, VI, 113), они отличились доблестью в битве при Фермопилах (Диодор. Библиотека, XI, 7), а в битве при Платеях самой храброй оказалась их конница (Геродот. История, IX, 70). Бронзовые наконечники сакских стрел найдены по всей Передней Азии и в Греции.

Но какова же была культура этого мужественного народа?

Материальная культура саков сложилась в VIII—VII в. до н. э. на основе более древней местной культуры, известной под названием андроновской. Различные варианты андроновской этно-культурной общности со второй половины II тыс. до н. э. распространились от Волги до Сибири и юга Средней Азии. Именно в андроновскую эпоху были выработаны навыки пастушеского скотоводства и приемы тренировки коней, были выведены специализированные породы скота и быстроаллюрных скаковых лошадей, был совершен переход отдельных групп пастушеских племен к кочевому скотоводству.

В андроновскую эпоху сформировались и важнейшие прототипы орудий труда, конского убора и оружия, которое потом обеспечивало победы сакским воинам.

К андроновским формам восходят сакские пожи и топоры, конские псалы, бляхи и налобники, боевые клевцы и мечи, копыя и луки, а главное — все разнообразие колчанного набора: стрелы втульчатые и черешковые, двухлопастные и трехлопастные, которыми так умело пользовались сакские стрелки-конники.

В андроновскую эпоху появился и характерный сакский костюм: мягкие кожаные сапоги, длинные брюки, куртка-кафтан и войлочный островерхий колпак. Этот костюм реконструируется по остаткам, находимым в андроновских погребениях, а слова, означавшие «колпак» и «штаны», общеарийские и были известны не только у саков, скифов и бактрийцев, но и у ведических ариев.

В андроновскую эпоху возник и обычай носить те украшения, которые в культуре саков приобрели столь роскошное оформление. Андроновцы пользовались зеркалами, надевали несомкнутые браслеты и серьги, нашивали на свою одежду круглые и прямоугольные бляхи, украшенные солярными символами, андроновская знать носила гривны и ритуальные топоры.

Наконец, именно в андроновскую эпоху оформились религия праязычных народов, погребальные обряды и обычай жертвоприношения животных, космогонические мифы и исторические легенды, которые затем вошли в сакскую культуру и во многом определили ее специфику.

Религия саков оставалась очень близкой натуралистическим верованиям индоиранцев, нашедшим отражение в Ригведе и Авесте. Ей чужды черты более позднего зороастризма, характерного для классового общества с развитым государственным устройством.

Дарий в Бехистунской надписи прямо говорит, что «саки были неверными и не почитали Ахура Мазду» (пер. В. В. Струве).

Саки верили в древнейших индоиранских богов — дэвов и поклонялись явлениям природы. Верховным богом массагетов было солнце, которому приносили в жертву лошадей (Геродот. История, I, 216), саки чтили также «вечный огонь и священную воду» (Полиэн. Военные хитрости, XII, 12). Они клялись солнцем, вечным огнем и священной водой. В честь стихий саки совершали ритуальные жертвоприношения. Почитали они также Фарн — воинскую славу, и один из их царей даже носил имя Сакесфар. Как и все другие индоиранцы, в том числе

причерноморские скифы, саки обожествляли правду — арта и главной добродетелью считали честность. Греки называли саков и скифов самыми честными и справедливыми людьми на свете ⁵.

Мышление саков, как и остальных индоиранцев, было образным и символистическим; им было присуще представление о различных сказочных перевоплощениях богов и животных; у них сохранялись пережитки парциальной магии и вера в магические действия и обряды.

Их религия еще не достигла стадии антропоморфизации богов; пантеон богов еще четко не оформился; им не сооружали храмов, зато был очень развит культ предков-родоначальников. Античные писатели сообщают, что даже свои племена и роды саки называли по имени опсовавших их царей.

Чтобы увековечить знаменитых предков, саки возводили грандиозные курганы. В уже известном нам рассказе Ктесия (Диодор. Библиотека, II, 34, 5) о Зарине говорится, что, когда царица умерла, подданные «в знак признательности за благодеяния ее и в память ее добродетелей» соорудили ей гробницу, далеко превосходящую все прочие — острокопечную трехстороннюю пирамиду со стороны в три стадия и высотой в один стадий ⁶, на вершине которой поставили колоссальную золотую статую царицы.

В музеях Алма-Аты, Фрунзе и других городов Казахстана и Средней Азии можно увидеть такие статуи (правда, не золотые, а каменные). Чтимый предок представлен с мечом на боку и с гривной на шее. Подобные балбалы не так давно стояли на вершинах курганов по всей евразийской степи от Дуная до Алтая.

От зноя травы сухи и мертвы.

Степь — без границ, но даль синее слабо.

Вот остов лошадиной головы.

Вот снова Каменная Баба... ⁷

Самые большие курганы возвышаются по берегам речек и в предгорьях, на зимниках — на богатых травами и укрытых от ветров пастбищах, куда кочевники сгоняли стада на зиму. Как величественны курганы в лучах заходящего солнца! Но стоит подняться на насыпь, и опытный глаз археолога тут же видит в центре огромную воронку: увы, курган ограблен! Если в разведке участвуют студен-

ты и школьники, они впадают в уныние. Чтобы поднять дух отряда, приходится читать шутливые стихи поэта В. Лифшица:

Пустышей пробираясь через силу,
Мы раскопали древнюю могилу,
Увы! Напрасно рыщут наши взоры,—
Здесь в древности орудовали воры,
Но, сохраняя к поискам привычку,
Я бронзовую отыскал отмычку,
И это древнее орудие хищенья
Нас, археологов, приводит в восхищенье⁸.

Приходится рассказывать, что воровство появилось так же давно, как и богатство,— археологи знают это наверняка. Поезжайте в Египет, и гиды сообщат вам, что все пирамиды ограблены в древности; посетите Накхи-и Рус-тем — и вы убедитесь, что скальные гробницы Ахеменидов пусты; пройдите из конца в конец всю евразийскую степь — и на каждом большом кургане вы увидите грабительскую воронку. Тщетно египетские фараоны еще четыре тысячи лет назад огородили высокой стеной Долину царей, где покоились мумии фараонов, и содержали для охраны некрополя огромный штат сторожей, тщетно устраивали они шумные процессы об ограблении гробниц и подвергали воров казни — во всей долине чудом уцелела одна-единственная гробница самого незначительного из египетских правителей — юноши Тутанхамона. Столь же тщетно взывал к своим подданным Дарий Великий, прося не разрушать созданного им — царю не удалось усовестить сограждан, и памятники повреждены. Бесполезны были и проклятия, и кара, которыми грозили индоиранские жрецы за осквернение отеческих могил. Казалось бы, это делает археологические раскопки могильников самым унылым занятием в мире, и ученым остается утешаться только тем, что и ограбленные погребения говорят специалисту о многом. Но, к счастью, археологам иногда случается найти нетронутую могилу, пропущенную современниками умершего. Тот, кому удавалось сделать такое открытие, знает, какая это удача, и знает, что за этим «везеньем» — большие теоретические знания, огромное упорство и множество разочарований. Такое трудное счастье выпало на долю известного советского археолога К. А. Акишева.

В 1969—1970 гг. он исследовал курган Иссык на берегу речки Иссык, притока Или, стекающего с северных склонов Заилийского Алатау в 50 км от Алма-Аты. На 3 км раскинулся огромный могильник. Цепочкой стоят грандиозные курганы диаметром до 90 м и высотой до 15 м (с четырех-пятиэтажный дом).

Экспедиция обследовала один из курганов поменьше: 60 м диаметром и 6 м высотой. Еще до раскопок было ясно, что он ограблен. Напрасно с осторожностью просматривалась вся земля из большой могильной ямы, напрасно разбиралось заполнение грабительского лаза — ничего, даже пресловутой отмычки! Но вот к югу от центра показалась вторая могила. В ней-то и лежал знаменитый иссыкский «золотой человек», о котором молва сразу же разнеслась по всему Казахстану. Когда погребение расчистили, увидели, что скелет почти сплошь усыпан золотом: три тысячи золотых украшений покрывали когда-то одежду умершего, всего же в погребении насчитывалось четыре тысячи золотых изделий! Это обилие золота поражаало воображение зрителей, археологов же поразило высочайшее совершенство и своеобразный набор вещей в иссыкском кургане.

Внутри могильной ямы была камера $3,3 \times 1,9$ м, сложенная из больших — толщиной до 30 см — бревен елей, которые растут на склонах Заилийского Алатау. Умерший лежал в камере на дощатом полу, головой на запад. Это был человек ростом более 165 см. Вдоль южной стены камеры стояла деревянная посуда: четыре больших блюда, черпак и миниатюрные миски. У западной стены тоже в строгом порядке стояли глиняные кувшины и перед ними — глиняные миски с красным красивым лощением. Тут же находились изящная серебряная ложка с изогнутой головой уточки, серебряная чаша с восьмилепестковой розеткой и совсем простая с виду чаша с какими-то знаками в два ряда. Но эта чаша и была самой уникальной среди всех иссыкских находок, потому что значки на ней представляют старинные письмена — древнейшие не только в Казахстане, но и во всей евразийской степи. Чтением иссыкской надписи сейчас успешно занимается выдающийся советский востоковед В. А. Лившиц, уже расшифровавший на своем веку несколько неизвестных ранее письменностей.

За головой умершего в кургане находилась третья

чаша, бронзовая позолоченная, а в ней лежали золотые бляхи в виде когтя и клюва хищной птицы — магические талисманы.

При покойном имелся и богатый набор вооружения: справа, на ремне с тремя золотыми пронизями с головами тигров, в красных деревянных ножнах, висел железный меч с серповидным навершием. На поясе, отделанном золотыми бляхами с фигурами и головами оленей, был укреплен кинжал — тоже железный, но сделанный очень искусным мастером: на его навершии помещено зооморфное изображение, а на железном клинке извиваются две змеи, выполненные в сложной технике золотой инкрустации. Ножны кинжала украшены накладными пластинами с фигурами коня и оленя, а обойма перекрестия — изображениями свернувшегося волка.

У левой руки погребенного — стрела с золотым накопечником и позолоченным древком. Рядом — нагайка, обернутая золотой лентой, а в обшитой золотом сумочке у головы — бронзовое зеркало с кусочком охры.

Иссыкский человек одет в шаровары с нашитыми в виде канта бляхами, на ногах его — кожаные сапожки, голенища которых обшиты треугольными бляшками. На одежде чередуются одинаковые золотые бляхи с мордой хищника, пронизки и треугольные пластинки.

На шее умершего — гривна с головами двух тигров, в ухе — золотая серьга с зернью и бирюзовыми подвесками, на пальцах — два золотых перстня; на щитке одного из них изображена человеческая фигура.

Но как ни богаты в этом погребении инвентарь и облачение иссыкского человека, самое удивительное — это его головной убор: островерхий колпак высотой 65 см, на котором искусно размещено 150 золотых предметов: тут и золотая статуэтка архара, и крылатый конь с козлиными рогами, и бляхи в виде коня и крылатого барса, и золотые имитации стрел и перьев.

Обилие находок в Иссыке таково, что перечисление их превращается в унылый перечень. А между тем эти вещи позволяют по-новому осветить историю сакской культуры.

Как узнать, где были сделаны иссыкские предметы? Для этого археологи и искусствоведы изучают их форму, технологические приемы изготовления, детали. Приглядевшись внимательно к иссыкским находкам, мы видим, что многие из них уже знакомы нам по вещам из Персе-

поля, Пасаргад, а главное — из «Амударьинского клада». Это гривна с головами хищников, ложка с головкой утки, чаши, серьги, бляхи.

Поза в летящем галопе, трактовка ребер и гривы у иссыкской лошадки подобны амударьинским. Используемый в Иссыке как навершие головного убора архар такой же, как архары на ручках сосудов из Ирана и Бактрии. Иссыкские золотые перстни сходны с амударьинскими, а, как мы знаем, перстни — это специфическая продукция бактрийских мастеров. Сопоставим теперь образы хищников на иссыкской бляхе и амударьинском кольце: у них одинаково изображены глаза, крылья, лапы, ребра, уши, вывернутые задние лапы, отделенные точками. На взгляд специалиста, подобное совпадение деталей не может быть случайным, а доказывает, что и те и другие вещи сделаны в одной художественной мастерской.

Производство таких изделий, как деревянные миски, выточенные на токарном станке, глиняные сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения, железное оружие с золотой инкрустацией, чаши с розеткой на дне и с надписью, серьги с зернью и бирюзой и прочее, требует очень большого профессионального мастерства. Лица, создававшие их, являлись высококвалифицированными ремесленниками. Они не могли кочевать со стадами в казахстанских степях и заниматься своим делом лишь на временных стоянках, они должны были работать в специальных, хорошо оборудованных мастерских в больших городах. В Казахстане пока не открыто таких городских ремесленных центров сакского времени.

Вероятно, изделия художественного ремесла попадали к евразийской кочевой знати из городов более южных земледельческих областей Средней Азии. Судя по сходству иссыкских находок с вещами «Амударьинского клада», основным поставщиком могла быть Бактрия.

Художники и мастера в городах Средней Азии специально производили на экспорт предметы роскоши, которые высоко ценила кочевая знать степей. Такое положение сохранялось и в раннем средневековье. Та же картина характерна и для Северного Причерноморья, где по заказу скифской знати работали ремесленники-греки, жившие в греческих городах-колониях. Греческие поселенцы обслуживали и фракийских царьков.

В степях местные менее искусные ремесленники пы-

тались подражать вещам, попадавшим из городов. Их изделия, уступая по технике привозным образцам, отличались большей непосредственностью, динамизмом. Да и образы, вдохновлявшие художников из местной среды, часто были иными, подсказанными мифологией и фольклором степняков. В исыкском кургане выделяется большая группа предметов, скорее всего выполненных сакскими художниками по заказу их правителя.

То, что человек, погребенный в исыкском кургане, занимал высокое положение в обществе, несомненно. Слишком много найдено при нем драгоценностей и слишком большое количество труда затрачено на постройку его гробницы. Мы не можем точно сказать, сколько людей участвовало в подготовке его похорон, но из древних месопотамских источников известно, что в Вавилоне рабочий в день выкапывал 3 м³ земли или перетаскивал 6 м³, примерно таким же был объем земляных работ крестьянина в Средней Азии в XIX в. Значит, на сооружение насыпи исыкского кургана объемом 8600 м³ потребовалось примерно три-четыре тысячи человеко-дней. Прибавьте к этому труд по рытью двух котлованов, рубку деревьев в лесу, доставку бревен и строительство деревянной камеры и паката — и станет очевидным, что в сооружении исыкского кургана принимал участие большой коллектив.

Эти люди собрались для того, чтобы отдать дань уважения умершему, но, может быть, и потому, что надеялись заручиться его помощью в будущем — ведь, по верованиям всех индоиранцев, умершие предки вмешивались в дела живых, то насылая на них беды, то оказывая им поддержку. Чтобы умиловить отцов-питаров, ведические арии приносили им жертвы не только на похоронах и праздниках, но и ежедневно. Брахманисты в Индии и сегодня начинают завтрак, символически отлив на огонь несколько капель для предков.

В авестийском тексте говорится, что богатая жертва вознаграждается: «И кто поклонится им с мясом в руке, с одеждами в руке, с молитвой, достойной награды от Аши, тому говорят они довольные, не обиженные, не враждебные: „В этом доме будет стадо скота и полчища сыновей, будет быстрый конь и крепкая колесница, будет мудрый совета муж, который всегда будет кланяться нам с мясом в руке, с одеждами в руке“»⁹.

Еще в прошлом веке жители Хорезма в ночь под Новый год выносили пищу на улицу — для предков; таджики, если в семье случалось несчастье, устраивали пир, чтобы умиловить умерших; осетины, совершив пышные поминки, обращались к сородичу со словами: «Мы не заставили тебя голодать, споспешествуй же своим живущим в мире родственникам, чтобы жизнь их была долголетней и счастливой»¹⁰.

Своим сородичам человек, захороненный в исыкском кургане, представлялся, вероятно, особенно могущественным, потому что был, возможно, не только вождем, но и шаманом.

Что позволяет сделать столь смелое заключение?

К такому выводу приводит своеобразный набор вещей в исыкском погребении. Часть инвентаря обычна для захоронений знатных воинов во всей евразийской степи: в их могилах, как правило, находят и посуду, и оружие, и богатую утварь. Исыкская золотая стрела и плеть с золотой рукоятью вызывают в памяти уже знакомый нам авестийский рассказ о том, как верховный бог неба Ахура Мазда вручил золотую стрелу и хлыст первому царю иранцев Йиме — сыну солнца, чтобы тот расширил землю, ставшую тесной для скота и людей. С тех пор золотая стрела и хлыст стали эмблемами владык ираноязычных народов.

Но рядом с этими знаками власти и принадлежности к воинскому сословию в исыкском кургане найдены и необычные предметы: бронзовое зеркало с кусочками охры и расшитая символическими изображениями шапка. Эти вещи заставляют мысленно перенестись с евразийских степных просторов в глушь сибирских лесов.

Русскими этнографами XIX в. были многократно описаны камлания шаманов у сибирских народов. Шаман становится в центре круга, произносит заклинание, звенит бубенцами и постепенно впадает в экстаз. Он рассказывает окружающим, будто по «древу жизни» или по небесной лестнице-радуге поднимается на небо, пролетает над разными странами, беседует с умершими предками. Подобные обряды совершали в прошлом веке шаманы и дервиши и у народов Средней Азии.

Во время камлания шаман держал в руках красный бубен с колокольчиками и с рисунками «древа жизни» — арци, дерева шамана — кедра и оленя с ветвистыми рога-

ми. Хотя на бубне был изображен олень, шаман величал его конем: «Внемли, внемли, мой конь маралуха, о, конь мой верховой, маралица!»¹¹ Бубен или палка — кам — символизировали волшебного коня шамана, помогающего ему взлететь на небо. Иногда шаману служили помощники — зооморфные и антропоморфные фигурки — онгоны. Обязательный инструмент шамана при камлании — зеркало. По преданию, оно упало первому верховному шаману с неба, с радуги, и затем помогало ему в небесном странствии.

На голову шаман надевал шапку, на которой изображено «древо жизни» и нашиты птичьи перья, потому что птица — покровитель шамана и свой полет он совершает, перевоплотившись в птицу.

Но тут пора вновь вернуться к иссыкскому «золотому человеку» — ведь и при нем положено магическое зеркало, ведь и на нем шапка, расшитая золотыми перьями и символическими изображениями! Значит, он выступал не только в роли воина-вождя, но и участвовал в совершении каких-то магических обрядов и действий¹².

Если этот вывод верен, то открываются новые возможности не только для интерпретации казахстанского погребения, но и для осмысления истории духовной жизни народов Евразии.

Долгие годы ученые спорили о происхождении шаманизма у сибирских народов. Одно время его считали очень поздним явлением, хотя еще немецкий ученый К. Мейли высказал идею, что шаманизм был распространен у скифов. В последние годы советскими исследователями Г. М. Бонгард-Левиным, Э. А. Граптовским, В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым приведены убедительные доказательства большого влияния мифологии и ритуалов ираноязычных народов на мифологию, фольклор и обряды многих сибирских племен, в первую очередь финно-угорских. Жившие в лесной зоне финно-угры заимствовали у своих южных соседей многие культурные и хозяйственные достижения, в частности навыки скотоводства и коневодства. Вместе с инновациями в леса проникли и иранские названия заимствованных вещей и животных и весь круг связанных с ними мифов и обрядовых действий: обычай жертвоприношения коня, образ солнечного небесного бога-всадника Мир-Сусне-Хума — «мир созерцающего человека» (параллели Митры) и его брата Квореса (парал-

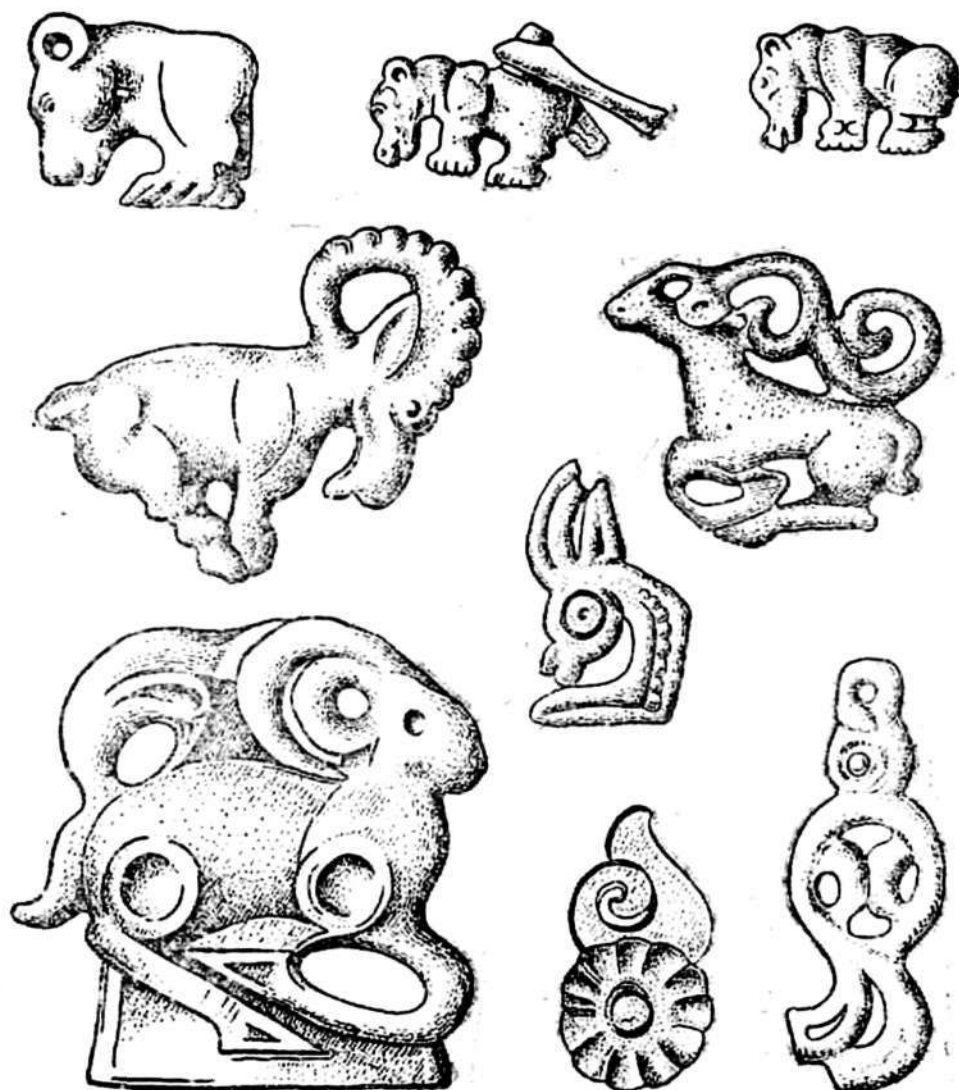
лели авестийского Хваре Хшаэтем — «сияющего солнца»), образ птицы-коня, возносящего шамана на небо. Конечно, шаманизм народов Урала и Сибири XIX в. отличался от древнесакского культа, но существенно, что у саков уже выделились лица, совершавшие религиозные обряды и магические действия с помощью атрибутов, позднее употреблявшихся шаманами, существенно и то, что эти облеченные духовной властью люди занимали привилегированное положение в сакском обществе.

Проблема социальной структуры этого общества долго вызывала научные споры, потому что в письменных источниках почти нет данных для ее решения. Только римский историк Квинт Курций Руф (История Александра, VII, 8, 17—18) пересказывает легенду о том, что у саков есть волшебные небесные дары: для земледельцев — плуг и ярмо быка, для воинов — копье и стрела, для жрецов — чаша. Саки говорят, что эти предметы «служат для нас и наших друзей и против наших врагов — при помощи быков выращиваем продукты, при помощи чаши совершаем жертвенные возлияния вина и поражаем врагов издали — стрелами, вблизи — копьем». Почти такую же легенду рассказывали в Причерноморье скифы Геродоту (История, IV, 5—7). В скифской версии плуг и ярмо, секира и чаша упали с неба в огненном сиянии трем сыновьям родоначальника скифов. Имена их очень выразительны: Арпоксай, что значит «царь (или владыка) вод», Колоксай — «царь-солнце», Липоксай — «владыка горы». В сочинении другого античного автора — Валерия Флакка (Аргонавтика, VI, 48—64) — Колоксай изображен предводителем военного отряда с воинскими знаками золотисто-красного цвета. А второй брат — Липоксай (Авх) — представлен жрецом, в особом головном уборе, облаченным в белые одежды. Но ведь те же цвета и предметы, символизирующие три социальные группы общества, хорошо известны не только у саков и скифов, но и у других индоиранских народов! Само название этих групп, или классов, — по-индийски «варна», а по-ирански «пиштра» — означает «цвет». Сословию жрецов подобает белый цвет, чаша для возлияний, особый головной убор. В иранском искусстве жрецов в сценах жертвоприношений изображают в специальном колпаке с завязками. А скифских жрецов греческий писатель римской эпохи Лукиан (Скиф или гость, I) называет «носящими священную

шапку». Сословию рядовых общинников подобают желтый и синий цвета и орудия труда. Лукнан именуется скифских общинников «восьминогими», т. е. имеющими двух волов для запряжки в ярмо. В Авесте масса рядового населения называется «вайштрия фшуянт» — «доставляющие корм скоту» — пастухи, и термин этот сохранился за основными производителями даже после того, как иранцы ушли из евразийских степей и много веков прожили в Иране, занимаясь исключительно земледелием. Сословию воинов, к которому принадлежит царь, подобают красный цвет и оружие. Древнее индоиранское название этих воинов «ратайштар» — «стоящие на колеснице». Другое их наименование образовано от слова «хшайя» — «царь», к которому восходит название касты воинов-кшатриев в Индии и которое звучит в именах скифских царей Арпок-сая и др. и в названии царских скифов, дословно переведенном греками с иранского, — «басилевсы». Символы этих воинов — лук и стрелы. В древнеиндийском тексте «Чатапатха-брахмана» (V, III, 5) говорится: «Лук — оружие касты кшатриев», по Авесте (Гаты): «Лук — это сила знатных».

Свой лук царь передавал сыну и наследнику. Но прежде надо было выйти победителем на стрелковых играх, устраивавшихся в день весеннего равноденствия: только самый сильный и ловкий мог стать царем. Такие состязания претендентов в стрельбе из лука множество раз описаны в древнеиндийской литературе, в скифских легендах, в «Шах-наме». А в Средней Азии вплоть до XIX в. на новогоднем торжестве по древней традиции устраивались стрелковые игры, и лучший из лучников на один день получал право повелевать согражданами. Как мы знаем, по авестийской легенде, сам Ахура Мазда вручил стрелу Йиме — первому царю, разделившему общество на три класса. Поэтому в искусстве в сценах вручения власти — инвеституры — этот акт представляется как передача божеством лука и стрелы претенденту: такие изображения есть и на ахеменидских печатях, и на скифских сосудах и перстнях, и на более поздних монетах и рельефах Средней Азии и Ирана. Поэтому же лук и стрелы обязательно клали в могилы воинов.

Царь, как уже говорилось, принадлежал к касте воинов. Но он занимал совсем особое положение в обществе. Он был избранником богов, посредником между землей

10. Бронзовые бляшки с изображениями медведя, козла, оленя, головы козла, орнамента и птицы из могильников Памирская I, Тегермансу I, Харгуш II, Аличур II на Памире

и небом, носителем земного процветания, и от его физической мощи и духовной энергии зависело благоденствие всего народа. Поэтому царь воплощал в себе все три класса общества. Такое необыкновенное положение царя отражено в легендах о том, что царь был сыном царевны (это дает ему право на престол) и сыном или воспитанником пастуха (это демонстрирует его связь с народом). В Иране с удивительным постоянством повторялись на

протяжении веков рассказы о рождении основателя ахеменидской династии Кира, первого царя из рода Сасанидов, и т. п.

В царских инсигниях, его отличительных знаках, «троесущность» царя отражалась в том, что он носил красные одеяния с белой каймой и головной убор с цветными лентами, ездил на белых конях¹³ и в день коронации ел похлебку простых пастухов. А в скифских легендах именно царь был хранителем священного золота, символизировавшего все три класса общества.

Итак, если рассмотреть отрывочные данные о социальном строе саков на индоиранском фоне, то можно сделать вывод, что у саков и скифов общество делилось на три группы: рядовых общинников-скотоводов, жрецов и воинов, а верховные цари иногда исполняли не только воинские, но и жреческие обязанности.

Этот вывод хорошо согласуется и с археологическими материалами сакских могильников.

Сотрудницей Хорезмской экспедиции О. А. Вишневской изучен в низовьях Сырдарьи замечательный раннесакский могильник Уйгарак. Применяв тонкий анализ, исследовательница сумела выявить на площади некрополя группы могил, принадлежащие, видимо, представителям различных слоев общества: бедные рядовые захоронения простых скотоводов в западной части, погребения женщин-жриц, при которых положены каменные жертвенники, зеркала и куски охры, — в восточной части, а в центре — большие могилы знатных воинов-всадников, похороненных вместе с оружием (луками, стрелами, топорами-клевцами), парадной сбруей их коней и дорогими украшениями.

Не менее интересный могильник — Тагискен — открыт на Нижней Сырдарье М. А. Итиной.

Многочисленные сакские могильники исследованы сейчас и в степях, и в песках Каракумы и Кызылкум, и в горах Тянь-Шапя, и даже на Памире, название которого значит «крайняя граница» (т. е. граница земель, где обитают ираноязычные народы). В трудных условиях высокогорного Памира один из первых советских археологов, работавших в Средней Азии, А. Н. Бернштам, раскопал раннесакский могильник Памирская, а позднее Б. А. Литвинский изучил там целый ряд памятников. Советскими археологами К. А. Акишевым, М. К. Кадырбаевым,

Г. А. Кушаевым и др. исследуются сакские древности Казахстана.

Конечно, культура различных сакских племен, расселившихся на огромной территории, не была единой и не оставалась неизменной во времени — ведь она развивалась с VIII в. до н. э. на протяжении нескольких веков. Однако в хозяйстве, в социальной структуре, в идеологии сакских народов много общего, что проявляется и в инвентаре (прежде всего в вооружении и конском уборе), и в памятниках изобразительного искусства, и в особенностях погребального обряда.

Сакские курганы дают представление о деталях погребального ритуала, но как объяснить их значение? Для этого есть два источника: сведения о древнейшей религии индоиранцев и этнографический материал о пережитках древних культов у таджиков и осетин в XIX в. Несомненно, религиозные представления и культовые действия этих столь удаленных во времени и пространстве народов были весьма различны. Но то общее, что удастся выявить в их обрядах и верованиях, можно отнести за счет единства их происхождения и с известной долей вероятности предполагать, что подобные церемонии совершались и саками.

Умершего всегда хоронили на его родовом кладбище, рядом с могилами отцов и дедов. У таджиков односельчанина называли «товарищ по кладбищу», потому что, где бы ни пришлось человеку умереть, родственники обязательно привозили его тело, чтобы оно покоилось в родной земле.

У саков тоже соблюдался этот обычай; они погребали своих близких на родовых кладбищах на зимниках. Жену же, принадлежавшую к другому роду, увозили хоронить на ее родовое кладбище. На похоронах жены церемонию возглавлял вовсе не муж — человек чужеродный, а брат или чаще дядя по матери.

...В торжественном молчании идет толпа сородичей. Носилки с телом умершего ставят на землю и начинают копать могилу. Могила придает прямоугольную форму, потому что могила, по представлениям всех индоиранцев, — это «постоянный дом человека», его «вечное жилище».

Внутри могилы воздвигают деревянный столб. Множество сложных космологических представлений связано у древних с этим столбом. Подобный столб, или, лучше

сказать, столп, воздвигали и в жилом доме. Это главная часть конструкции, которая считалась символом «древа жизни», потому что дом был для семьи ее вселенной, ее микрокосмом. Потому же стены дома ориентировали по странам света — ведь каждая сторона имела своего бога-покровителя — Локапала. У индийцев Индра — хранитель Востока, Варуна — Запада, Сома — Севера, а Яма — Юга; сходная символика была и у иранцев.

Поскольку могила — это дом умершего, ее тоже ориентировали по сторонам света, а столп объединял три сферы мироздания и служил гарантией возрождения к вечной жизни.

Умершего клали в могилу головой на запад, в сторону заходящего солнца¹⁴, и сооружали круглую насыпь, круглую потому, что, по представлениям индоиранцев, земля была круглой и в центре ее на возвышающейся горе росло «древо жизни».

Таким образом, курган — это миниатюрная модель вселенной, архитектура которого (как и архитектура храмов, о чем мы уже говорили) обусловлена космологическими представлениями его создателей.

Совершая похоронный обряд, ведические арии пели погребальный гимн (Ригведа, X, 14, 16, 18):

Растворяясь, будь твердой, о, земля,
Ведь тысяча столбов должна быть воздвигнута...
Я укрепляю землю вокруг тебя,
Да не потревожу я тебя, кладя этот ком земли.
Пусть отцы держат тебе этот столб.
Пусть Яма построит тебе здесь этот дом.

Во время церемонии возжигали огонь, расстилали солому, совершали жертвоприношение, ставили сосуды с едой.

Значение последнего обряда не совсем ясно. Принято считать, что пища, которую клали в могилу, предназначалась для самого умершего. И действительно, в старинных осетинских плачах, например, так и говорится об этом.

В гимнах же Ригведы Яму, первого смертного человека, который проложил своим потомкам путь на небо и стал царем небесных пастбищ, приглашают сесть на жертвенную солому и принять приношение (Ригведа, X, 14, 2—4):

Яму-даря почти жертвой.
Яма первым нашел наш путь.
Это пастбище не отобрать,
Где некогда прошли наши отцы,
Там живые найдут свой путь.
Яма, садясь на солому с Ангирасами-отцами.

А бога огня Агни, препровождающего умершего к праотцам, на широкий простор вечных лугов, просят: «Агни, отправь его к отцам... Не опрокинь, Агни, этот кубок... Этот кубок служит для питья богов... Агни, увозящий трупы, привези отцов, чтобы вкушать жертвенную пищу» (Ригведа, X, 16, 4—12).

Конечно, на похоронной церемонии саки не произносили ведических гимнов, но основные представления, обусловившие специфические черты их погребального ритуала, уходили в глубину веков. Ведь недаром слова «кур-ган», «могила», «оплакивание», «пепел» есть во всех индоиранских языках. И недаром таджик в XIX в., давно забывший религию предков, хотя и не ставил в могиле столпа, но все же оставлял на кладбище деревянные носилки, называя их «дерево мазара», под насыпью клал соломенную подстилку, на могиле разводил костер, приносил в жертву животных и устраивал поминки — «еду печали».

Поминальная трапеза повторялась и на седьмой, и на сороковой день, и через год. То же самое совершал в прошлом веке на похоронах осетин, не задумываясь о том, что следует четырехтысячелетней традиции.

С особенной пышностью погребали саки воинов. Вместе с воином хоронили его коня — символ принадлежности к сословию воинов-всадников (или, в соответствии с представлением о том, что часть заменяет целое, только конскую уздечку).

Принесенный в жертву конь должен был помочь человеку найти путь в небесную обитель и преодолеть трудности¹⁵.

В гимне «Ригведы» (X, 56) конь отправляется на высшее небо — в обитель Ямы:

О, скакун, тело твое, везущее тело (человека),
Пусть ниспошлет благословение нам, защиту тебе,

Несгибаемый, готовый нести великих богов,
Да чередуешь ты свой свет, как солнце на небе!
Ты скакун, по силе побеждать на скачках,
Лети... в прекрасном движении мчишь к молитвам,
В прекрасном движении — к небу... в своем полете.

А на погребальной церемонии в Осетии в XIX в. жена причитала ¹⁶:

«Буду опираться на жезл печали и горя! На том свете дорог так много, что трудно найти истинную: оттого многие стважские мертвые вечно скитаются по берегам страшных пропастей».

И тогда вперед выходил старик — бахфалдисаг — почитатель коня — и возглашал:

«Вот он предпринимает дальнейшее путешествие, и нужен для него добрый конь, которого нет в нашем крае. Такого коня надо искать на вершине четырехсторонней гладкой недоступной не только людям, но и птицам горы, где пасутся три черных коня... Оседлав чудного коня золотым седлом, ты быстро сядь на него и пускайся в путь. Мгновенно ты будешь трижды поднят на небо и опущен на землю. Такое чудное движение нужно для перерождения тебя из земного существа в небесное, светлое... Твой конь озарен светом познания всякого пути и повезет тебя в рай. Но предстоит тебе ехать по скользкому пути и ледяному мосту, и ты будь крепок, ибо конь твой понесет тебя к берегу».

После этого бахфалдисаг подводил коня, победившего на поминальных скачках, к умершему со словами: «Пусть это будет твой конь!»

Зашифрованные легенды

Так же символичны, как и детали погребального обряда, предметы, которые клали в могилу, и изображения на них.

В могилах саков, особенно знатных, найдено множество нашивных блях, поясных пряжек, частей конской сбруи. Большинство из них богато украшено фигурами животных, так что почти каждый предмет представляет собою настоящее произведение искусства.

Наиболее ценные экземпляры сакского изобразительного творчества хранятся в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа. Они попали туда из первого в России музея — Кунсткамеры, созданной по личному приказанию Петра I. Царь повелел по всей стране собирать диковинки и раритеты и присылать в Петербург. 12 декабря 1716 г. сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин отправил в столицу 56 золотых вещей с письмом: «Всемилюемый государь. Повеление мне Вашего величества, дабы приискать старых вещей, которые сыскивают в землях древних поклаж, и по тому величества Вашего повелению, колико мог оных сыскать золотых вещей послал понче до величества Вашего при сем письме»¹⁷. Это были самые первые предметы древнего евразийского искусства, ставшие известными в России, да и во всей Европе, и потому 1716 г. можно считать годом начала изучения культуры степей. Среди изделий, доставленных Петру I, — кольца и серьги, гривны и браслеты с головками львов и фантастических грифонов, драгоценный сосуд с ручками в виде двух хищников, фигурки всадников, оленей, кабана, птиц, многочисленные бляхи и пряжки со свернувшейся в кольцо пантерой, со сценами терзания и пр. Они очень похожи частью на вещи «Амударьинского клада», частью на находки в сакских курганах. Поэтому, хотя коллекцию Петра I обычно называют Сибирской, можно думать, что в ее составе есть много предметов, найденных в захоронениях Казахстана и Средней Азии.

С какой целью украшали саки всевозможными изображениями животных даже самые обыденные вещи — будь то ложка или кинжал, конский псалий или поясная пряжка? Какое содержание вкладывали они в эти образы? Почему в их искусстве были популярны сцены терзания, а кони и олени представлялись в стремительном движении? Эти вопросы долго оставались без ответа. Причину сложения сако-скифского «звериного стиля» видели в сохранении у саков распространенной среди первобытных примитивных народов веры в тотемов, т. е. предков-родоначальников в виде животных. Образы хищного зверя или птицы на оружии объясняли желанием древнего мастера наделить предмет магическими свойствами изображаемых существ и сообщить воину силу и ловкость барса, зоркость и хищность орла и т. д. Уточек или коней

считали оберегами, защищающими человека от несчастий и сглаза. Сцену терзания признавали то отражением борьбы фратрий, на которые делилось племя у первобытных народов, то кровожадности и воинственности евразийских кочевников. Однако последние исследования убедительно показывают, что саки и скифы отнюдь не были дики и примитивны и их культуру нельзя изучать, привлекая аналогии из жизни аборигенов Австралии или Полинезии¹⁸.

Евразийские ираноязычные кочевники прошли длительный путь культурного развития; у них существовало организованное, дифференцированное общество, имелись богатый фольклор, развитая мифология, сложные космогонические представления, подобные тем, которые бытовали и у других родственных индоиранских народов. Специфические черты евразийского «звериного стиля» обуславливались не особенностями эстетических вкусов кочевников, а их мировоззрением, всей суммой знаний о природе и обществе, и чтобы понять искусство саков и скифов, необходимо проникнуть в их духовную культуру, отголоски которой этнографы обнаруживают, изучая современные ираноязычные народы, а истоки которой восходят к поре индоиранской общности в бронзовом веке.

Как уже говорилось, древние индоиранцы поклонялись силам природы — солнцу, огню, воде, ветру, грому, воплощавшимся для них в образах богов. Боги наделались способностью к сверхъестественным превращениям в животных, они представляли в облике коня, орла, барана. Были в мифологии индоиранцев и фантастические существа — крылатые кони, трехглавые змеи, волшебная птица саена о трех естествах, олень шарабха, похожий на козла и др.¹⁹ Ираноязычные кочевники унаследовали от своих предков весь круг этих представлений. Видимо, популярность зооморфных образов в их мифологии и фольклоре и вызвала к жизни своеобразный «звериный стиль» в искусстве евразийских степей.

Чтобы изобразить мифологический персонаж, художник создавал образ того животного или фантастического существа, в которое трансформировался бог или герой в легенде. Но поскольку один герой перевоплощался в нескольких животных, мастер, желая представить весь цикл рассказов о нем, совмещал части тела всех животных, в которых обращался герой. Можно полагать, что именно так возникли в искусстве степей синкретические су-

щества с телом коня, рогами оленя, головой орла, лапами хищника и т. д. Подобный фантастический образ — настоящий ребус для современного ученого, древний же кочевник прекрасно его разгадывал, потому что знал миф, который воплотил художник.

Вот перед нами фантастическое существо из иссыкского кургана: крылатый конь с козлиными рогами. Глядя на него, я вспоминаю этнографическую поездку по Памиру.

...Ночь, луна взошла, и на серебристом фоне неба четко вырисовываются силуэты голых скал. Мы сидим у костра со стариком памирцем и вдруг видим, как по высокогорному плато на другом берегу реки мчатся кони. Бег их стремителен, длинные гривы распущены. Старик благоговейно шепчет: «Кони распустили крылья», и мне тоже начинает казаться, что перед нами пронеслись какие-то фантастические крылатые существа. И всплывают строчки моего любимого писателя Чингиза Айтматова: «Помогите мне, духи предков! Помоги мне, пскровитель коней Камбар-ата, не дай споткнуться копы! Дай ему крылья сокола, дай ему сердце железное, дай ему ноги оленьи, дай ему легкие рыбы!»²⁰

Айтматов записал сказку, слышанную им в детстве. Но сам образ дошел до него через множество поколений. Вот как описывал Фирдоуси коня Сухраба.

Он и лев, он и птица...

Он так своенравен, как ветер пустынь,

Он — солнце в движенье, в нем сил преизбыток.

...На выси взлетит он, как ворон проворный,

Как рыба, разыграет с волною упорной.

Он вмиг одолеет пески и дуга,

На нем ты любого настигнешь врага²¹.

А еще раньше древние индийцы во время своих странствий, быть может, вот так же сидели здесь у костра и пели гимн своим милостивым к людям, щедрым богам-близнецам Ашвинам: «Да привезут вас, Ашвины, орлы, запряженные в колесницу, быстрые птицы. Ваши великолепные летающие кони — красноватые птицы, да повезут вас» (Ригведа, I, 118, 4, 5).

Но и не индийцы первыми создали образ крылатого коня, нет, они тоже унаследовали его от своих предков,

живших на далекой общиндоевропейской прародине, — ведь крылатый конь есть в мифологии и других индоевропейских народов. У греков это — Пегас, выбивающий копытом источник Ипокрену, дающий вдохновение поэтам. Это и крылатые кони, влекущие по небу колесницу солнечного бога Аполлона — покровителя искусства. А Сивка-Бурка Вещая Каурка из сказки, которую мы так любили в детстве? И он восходит к тем же истокам...

В мифологии индоиранцев были и другие синкретические существа. В Ригведе (I, 163, 9; II) описано, как ведут коня в густом лесу на жертвенное заклание и он цепляется за ветви деревьев своими золотыми рогами. Иллюстрацией этого рассказа служит захоронение коня, обряженного в оленью маску, в кургане Пазырык на Алтае. Культ коня-олени у евразийских кочевников заимствовали китайцы, и в их литературе появился фантастический персонаж с телом оленя и копытами коня, название которого «чи-лин» восходит к индоевропейскому слову «небесный».

Обращаясь к мифологии и фольклору, можно попытаться истолковать некоторые образы евразийского искусства.

Привлекают внимание изображения хищных птиц — орлов. Они найдены в Уйгараке, Тагискене и на многих других памятниках. Птица очень стилизована: сохранены лишь наиболее выразительные детали — острый клюв и зоркий глаз. Особенно примечательна бляшка из Уйгарака, на которой четыре орлиные головки расположены в форме сегнерова колеса. Скорее всего, это символ бога солнца. Вот как описан солнечный бог Митра в посвященном ему гимне Авесты (Михр-Яшт, X): «Колесница, запряженная четырьмя белыми конями с одним колесом-солнцем». В гимнах Ригведы, в мифах других индоевропейских народов солнце тоже предстает в виде колесницы с одним колесом, которую мчат по небу четыре коня или четыре орла. В творчестве саков и скифов этот поэтический образ воплощен с помощью сегнерова колеса — символа вечного движения и круговращения — и конских или птичьих головок, заменивших по закону парциальной магии четырех влекущих колесницу коней или орлов.

Другой образ солнца индоиранской и индоевропейской поэзии — повторяющаяся формула-словосочетание «быстроходное солнце», видимо, отражен в фигуре коня с по-

11. Костяная пластина с фигурой медведя (в верхнем ряду, в центре) и бронзовые бляшки и пряжки с изображениями кабана, птицы, хищных птиц, солярных знаков, свернувшейся пантеры, голов пантер из могильника Уйгарак

догнутыми ногами в стремительном, «летающем галопе». Современному человеку удалось разглядеть животное в этой позе только тогда, когда появилась замедленная съемка и были сделаны снимки скакунов на скачках. Более изощренный глаз кочевника уловил ее в глубокой древности. Как мы знаем из легенды о Кире и царице Томирис, массагеты почитали солнце своим владыкой и ассоциировали с ним коней, ибо «быстрейшему из богов подобает быстрейшее животное». Видимо, именно поэтому фигурки коней — символы «быстроконого солнца» — были так популярны в их искусстве.

Изображения кабанов на бляшках из Уйгарака и Сибирской коллекции, быть может, связаны с культом бога

грома и победы Веретрагны. Вот как описывается в Авесте перевоплощение Веретрагны (Вархран-Яшт, XIV): «И в пятый раз предстал ему Ахура Маздой данный Веретрагна в прекрасном образе венря, устремляющегося вперед, с острыми зубами, мужественного, с острыми клыками. Венря, одним ударом убивающего, к которому нельзя подойти, когда разъярен он, с пестрой мордой, скорого, ловкого, сбивающего с ног» (пер. Е. Э. Бертельса).

В источниках нет сведений о почитании Веретрагны сако-скифами. Но можно думать, что культ этого древнего божества сохранился, поскольку имя победоносного героя партов Батрадза восходит к имени Веретрагны и, подобно своему эпониму, осетинский Батрадз наделен сверхъестественной способностью перевоплощаться в животных и в ветер.

Два других мифологических персонажа воплощены, вероятно, в паре головок коней из Тагискена. У всех индоевропейских народов был культ богини-матери земли и ее спутников-близнецов. В Греции богиня называлась Деметрой²², а близнецы — Диоскурами. Греки рассказывали трогательную историю о том, как один из братьев получил бессмертие, другой же должен был умереть, но, чтобы не разлучаться, братья часть времени проводили в Аиде, а часть — на Олимпе. В искусстве Диоскуров представляли юношами — одного (смертного) на черном, другого (бессмертного) на белом коне. Иногда же их изображали в виде двух противостоящих коней или двух конских головок. И образы эти были очень популярны в Элладе, потому что в глазах греков Диоскуры являлись воплощением искренней дружбы. В глазах же современных исследователей, Диоскуры — это олицетворение дуалистической концепции индоевропейцев о единстве и противоположности жизни и смерти, утра и вечера.

Близнецов — спутников богини-матери почитали и другие индоевропейцы: галлы называли богиню Епоной и изображали ее стоящей между двумя конями; англичане чтили близнецов с «конскими» именами Хорса и Хенгист и представляли их в виде двух копыток. Культ близнецов был очень популярен и у индоиранцев с глубокой древности: близнецы Насатья (Ашвины) упоминаются и в Авесте, и в Ригведе, и в договоре, который заключили арии, пришедшие в середине II тыс. до н. э. в Переднюю Азию. Ашвины — сыновья солнца и кобылицы Аш-

вини²³ — приносят людям богатство и плодородие. В посвященном им гимне Ригведы близнецы — это то юноши, мчащиеся на колеснице, то кони, и само их имя, как и имя их матери, образовано от слова «ашва» — «конь». Все это и позволяет предположить, что в образе двух тагискенских коньков запечатлена пара героев-близнецов.

А как истолковать фигуры двух борющихся противостоящих коней²⁴ на ажурной поясной пряжке? Для интерпретации этой сцены интересен древнеиранский миф о борьбе Тиштрии с Апаошей (Тиштр-яшт, 14, 3). Герой Тиштрия направился к морю Воурукаша, чтобы взять воды. Но демон засухи Апаоша преградил ему путь. Началось сражение. Апаоша бился в облике черной тощей лошади с облезлыми хвостом, шеей и ушами, а Тиштрия — в виде белого прекрасного коня с золотыми ушами и золотым чепраком. Апаоша стал теснить Тиштрию, и тот причитал: «Ох, горе для меня, гибель для растительности». Но в конце концов Тиштрии удалось одержать победу. Он поднял волны, послал на землю долгожданный дождь и запел гимн: «Благо, воды и растепия! Благо, вы страны! Каналы вод вам да текут без помехи к посевам с крупным зерном, к травам с мелкими семенами» (пер. Е. Э. Бертельса).

Тиштрия — это персонификация звезды Сириус, «звезды дождя», появление которой на иранском небосклоне служит предзнаменованием начала сезона дождей. Культ Тиштрии был очень популярен в Средней Азии и Иране, и еще до недавнего времени, справляя веселый праздник Абпашон, люди, со смехом обливая друг друга водой возле реки или у колодца, и не подозревали, что воспроизводят древний магический обряд вызывания дождя. Праздник Абпашон отмечали в самую засушливую пору — в июле, что совпадает по времени с древнеиранскими торжествами в честь Тиштрии.

О том, что изображения борющихся противостоящих животных некогда использовали при совершении магических обрядов вызывания воды, есть прямое свидетельство: В. А. Лившицем прочтена согдийская рукопись VIII—X в. н. э., в которую включен авестийский гимн богу ветра Вайю и древний текст магического заклинания, читавшегося шаманом во время камлания с целью вызвать дождь. Вот текст этого волхования: «Из бруска белого сандала надо сделать изображения, такие, как на дере-

вянных табличках. И [как] там, на табличках, так нужно вырезать: верблюд борется с верблюдом, конь борется с конем, осел — с ослом, бык — с быком, баран — с бараном, собака — с собакой, птица — с птицей, человек — с человеком. Такую резьбу нужно приказать целиком вырезать на табличках искусному мастеру»²⁵. Таблички из сапидового дерева не дошли до нас, но изображения противоборствующих верблюдов, быков, коней, ослов, людей на бронзовых пряжках сохранились и изучены советской исследовательницей М. А. Дэвлет, показавшей, что известные в евразийских степях экземпляры датируются II в. до н. э. — II в. н. э., но, видимо, восходят к более древним прототипам сакского искусства.

В изобразительном творчестве саков есть и еще один интересный сюжет, долгие годы не поддававшийся истолкованию — сцена терзания львом, орлом или грифоном копытного травоядного животного — чаще всего быка или оленя. Эта композиция многократно встречается на предметах из коллекции Петра I, на бляшке с Памира, на курительнице. Сюжет борьбы пришел в евразийские степи издалека и имеет долгую историю.

Еще в III тыс. до н. э. месопотамские жрецы, составляя календарь, необходимый для организации земледельческих и ирригационных работ, подметили, что взаиморасположение некоторых созвездий носит циклический характер. В момент начала сева на шумерском небосклоне в зените находилось созвездие Льва с яркой Царской звездой (Регул). В ту же ночь на небе в последний раз виднелось уходящее за горизонт созвездие Плеяд, называвшееся по-шумерски звездой Быка, и созвездие Кассиопеи, называвшееся звездой Оленя. Это очень важное для земледельцев Месопотамии астральное явление стали изображать в искусстве как победу льва над быком или оленем, как сцену терзания львом копытного.

Позднее, около середины II тыс. до н. э., образ льва был отождествлен с грифоном и появились композиции, где копытное терзает грифон. Когда на территорию Иранского нагорья пришли иранцы, они заимствовали в Ассирии эту сцену, остававшуюся популярной в течение многих веков. На иранском небосклоне такое взаиморасположение созвездий приходилось на март и совпадало по времени с весенним равноденствием, с которого начинался Новый год солярного календаря, Ноуруз, день победы

божественного света над силами зла и мрака. Поэтому сцена терзания приобрела в искусстве Ирана совершенно особое значение.

Ахемениды, изображавшие себя земными палачами богов, придали этой сцене и социальную окраску: день Ноуруза стал у них не только календарным и религиозным праздником, но и династическим, так как в роли победоносного бога выступал царь, и соответственно сцена терзания в искусстве не только иллюстрировала астрально-космологический миф, но приобретала и политический смысл. Поэтому она множество раз воспроизведена на рельефах Персеполя.

В искусстве же саков сцена терзания, по-видимому, сохранила свою первоначальную символику и знаменовала победу солнца в начале весны на Новый год — Ноуруз²⁶.

Ноуруз отмечался ираноязычными народами в течение нескольких дней. В эти дни они возжигали огонь, совершали возлияния, гадали по проросшим семенам растений о будущем урожае, проводили на поле первую борозду и устраивали скачки и стрелковые соревнования. Из дома выбрасывали всю изношенную одежду, разбивали старую посуду, сметали золу с очага, надевали новые нарядные платья, дарили друг другу подарки, на стене дома рисовали круги — символы солнца, а на опорной балке — символ «древа жизни» — укрепляли веточку цветущего растения. Красили яйца и делали яичницу, потому что считали яйцо началом всех вещей, пекли круглые лепешки.

Праздник Ноуруза был так любим, что воспоминания о нем сохранились в Средней Азии до сих пор. В день весеннего равноденствия в Таджикистане теперь проводятся народные гулянья, города украшаются цветами и флажками, на площадях выступают коллективы самодеятельности, люди ходят друг к другу в гости и готовят угощения. В последнем — отголосок древних обычаев устраивать общенародные пиршества, сопровождавшие некогда торжество.

Свидетели былых пиров — огромные сакские жертвенники и котлы — хранятся ныне в Эрмитаже, музеях Алма-Аты, Ташкента. В дни весеннего и осеннего равноденствия в них варили мясо приносимого в жертву коня, посвященного солнцу, и съедали его, собравшись вместе²⁷. Это должно было гарантировать всеобщее благополучие.

Сам котел тоже наделялся магическими свойствами. У партов была священная чаша, в которой заключалась живительная сила. На Памире существовал культ священного котла. Пережитки совместных жертвоприношений и трапез в день Ноуруза, дарующих роду изобилие, — обряд тайэлга — до XX в. сохранились у некоторых тюркских племен, заимствовавших его у иранцев.

На общенародных торжествах в честь бога солнца использовались и большие бронзовые жертвенники. Вот огромный четырехугольный жертвенник, на каждой стороне которого помещены фигуры семи крылатых львов. Вот замечательная курильница на ажурной ножке: в центре два двугорбых верблюда, а по кругу восемь львов. На другой — 13 львов, на третьей — лев, нападающий на копытное.

Изображения львов, и в особенности сцены терзания, дают ключ для объяснения назначения этих курильниц. Как мы уже знаем, лев в искусстве ираноязычных народов — символ солнца, а сцена терзания львом копытного — изображение апофеоза весны в день весеннего равноденствия в сакском искусстве.

Когда же и где сформировалось это искусство?

Аржан или Баба-Джан?

Долгое время ученым приходилось довольствоваться лишь разнообразными предположениями относительно времени и места формирования сакского «звериного стиля». И лишь в последние годы кое-что начало проясняться благодаря успехам археологических исследований, развернувшихся в двух весьма отдаленных областях: в Западном Иране (в Луристане и на территории древнего Мидийского царства), с одной стороны, и на востоке евразийских степей — с другой.

Еще два десятилетия назад культура Ирана начала I тыс. до н. э. была известна только по погребениям Гияна и Сялка да по коллекциям бронзовых изделий из Луристана — юго-западной области Ирана. В печально памятном для археологов 1928 г. некий пастух удачно обменял на базаре на пару лепешек случайно найденного в могиле бронзового идола. С тех пор началось разграбление луристанских гробниц. Сегодня на базарах Те-

герана можно встретить бронзовые удила и кинжалы, браслеты и антропоморфные фигурки. В пыли у старьевщика рядом валяются и подлинные шедевры древнего искусства, и грубые подделки — богатым невежественным туристам сгодятся и жалкие копии. В последние годы к потоку вещей из Луристана прибавились предметы из Северо-Западного Ирана. Мне лично пришлось видеть в антикварных лавочках архаические скифские удила и несколько евразийских степных стрел. Если бы эти вещи шли в коллекции музеев, если бы предметы были документированы, как много они могли бы рассказать о путях расселения иранцев, о скифских походах в Азию! Сейчас же приходится только сожалеть, что уникальные памятники Ирана подвергаются хищническому разграблению и безвозвратно гибнут для науки.

Много лет Луристан был практически закрыт для ученых, и бесчисленные гипотезы о происхождении замечательных луристанских бронз строились лишь на домыслах. Сейчас положение изменилось. Английская исследовательница К. Гофф изучила на поселении Баба-Джан

12. Бронзовая булавка с фигурой пантеры с поселения Баба-Джан

древнее святилище с крестообразным залом для церемоний площадью более 120 м² с плоским перекрытием, опирающимся на колонны, с идущим по стенам фризом из разноцветных плиток. В крепости был обнаружен клад вещей. Известному датскому исследователю Ванден Берге удалось раскопать несколько разновременных могильников в Луристане, а также святилище Сурх-Дум и построить хронологическую шкалу луристанских бронз, выделив комплексы 1200—800 и 800—600 гг. до н. э.

На поселениях и в могилах Луристана было обнаружено множество предметов, украшенных изображениями животных, некоторыми деталями напоминающих образы искусства степей, например в Баба-Джане — бронзовая булавка с фигурой припавшей к земле пантеры, в могильнике Бард-и-Баль — точильный камень с ручкой в

виде головы барана. Среди луристанских бронз мы встречаем так хорошо знакомые по произведениям сакских художников стилизованные головы орлов с круглым глазом и острым клювом, фигурки хищников с подчеркнутыми мускулами и кольцевидными лапами, животных в «летающем галопе», коней, оленей, двугорбых верблюдов, соединенные лошадиные протомы и т. п.

Однако при всей близости отдельных деталей и образов сако-скифское искусство никак не может быть сведено к луристанскому, это два совершенно самостоятельных художественных стиля. Речь может идти лишь о некоторых чертах заимствования из Луристана в степи или о сложении обоих стилей на сходной основе, что более вероятно.

Одновременно с раскопками в Луристане развернулись раскопки и в Северо-Западном Иране. Персидский археолог Негабан исследовал замечательный могильник Марлик. Здесь, в богатых захоронениях, были найдены оружие, статуэтка богини, булавы, металлические сосуды с изображениями сфинксов, лаптей, оленей, орла и баранов, «древа жизни» и козлов, мифологических сцен. В Марлике в едином комплексе оказались глиняные горшки с росписью, похожие на посуду центральноиранского могильника Сиалк, бронзовые вещи, сходные с луристанскими, драгоценные сосуды, напоминающие по стилю знаменитую чашу из Хасаплу. Это дало возможность связать воедино и надежно синхронизировать иранские памятники разных областей.

Важное значение для изучения культуры Ирана имели раскопки многослойного поселения Хасаплу американским исследователем Р. Дайсоном. К несчастью для жителей Хасаплу, но к счастью для археологов, крепость пала в результате вражеского штурма и пожара, и горящие балки перекрытия дворца, рухнув, погребли и людей, и прекрасные произведения искусства.

В руки археологов попали чаша с изображением мифа о герое, освобождающем женщину от трехглавого дракона, серебряный кубок со сценой охоты, ритон с головой барана, ваза с мифологическими персонажами, цилиндрическая печать из лазурита, резные костяные пластинки, глазурованная плитка с львиной головой, каменные сосуды с клинописными надписями и пр. Эти вещи, так же как и другие находки в Северо-Западном Иране, откры-

ли перед нами новую страницу в истории иранского искусства, позволили выявить самостоятельную художественную школу.

В начале I тыс. до н. э., по свидетельствам ассирийских источников, на территории Ирана находилось несколько независимых владений, самым крупным из них являлось царство Мана на северо-западе. Население этого района было не индоевропейским и очень пестрым по составу. На рубеже II—I тыс. до н. э. сюда, как и в Луристан, стали проникать иранцы, постепенно количество иранского элемента все более увеличивалось.

Именно под влиянием иранцев получили распространение новые типы оружия и конского снаряжения, обычай приносить в жертву коней, незнакомый древним аборигенам Ирана. Ритуальные погребения коней открыты и в Северо-Западном Иране, и в Луристане — в Марлике, Хасаплу, Динка-тепе, Баба-Джане. Во многих могилах Луристана захоронены не кони, а только конские уздечки. Вместе с иранцами появились новые сюжеты в искусстве: фантастические крылатые кони, грифоны, олени, сцены сражения героя с чудовищем.

Познакомившись с древней цивилизацией соседних высокоразвитых государств Ассирии, Элама, Урарту, ираноязычные племена восприняли достижения их культуры. Чтобы выразить идеи своей мифологии, образы своего фольклора, иранцы черпали в переднеазиатском искусстве некоторые стилистические черты, иконографические типы и композиции, тысячелетиями вырабатывавшиеся ближневосточными художниками, производя строгий отбор и подчиняя заимствованные элементы собственным идеологическим требованиям. Так складывался совершенно новый, самобытный иранский стиль, окончательно сформировавшийся в VII — начале VI в. в период существования Мидийского царства и получивший название маго-мидийского.

Именно на основе мидийского развилось искусство ахеменидского Ирана, и не только оно, но, вероятно, и искусство скифов Северного Причерноморья. Доказательство тому — находка клада Зивие.

Зивие — это небольшая манейская крепость VII в. до н. э. За мощной крепостной стеной толщиной 7,5 м находилась резиденция правителя — дворец, украшенный портиком и отделанный глазурованными кирпичами.

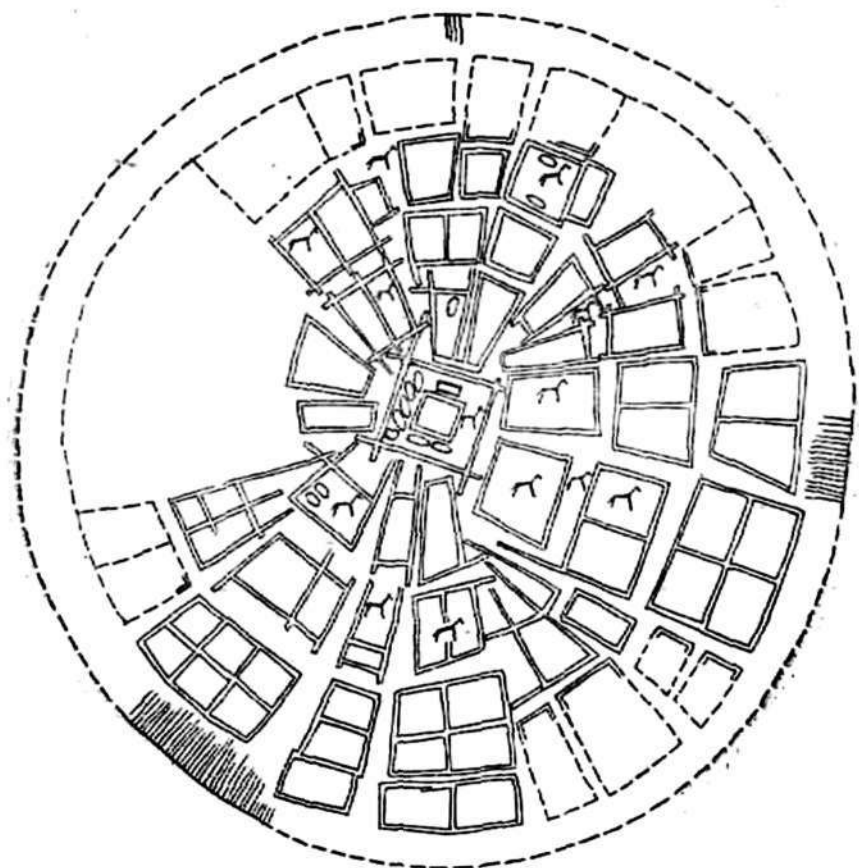
У стен цитадели был найден клад. К сожалению, обстоятельства его обнаружения неизвестны. Не исключено даже, что это не клад, а погребение вождя. В составе комплекса Зивие — парадное оружие (навершие меча, умбои щита — центральная часть) и инсигнии власти (золотая пектораль, диадема и пояс), богатый набор украшений и конское снаряжение.

Часть вещей была явно награблена во время военного набега: вот спешно отломанные от какой-то шкатулки костяные пластинки, поразительно напоминающие резную кость из ассирийского города Нимруда VIII—VII вв. до н. э. Вот украшения с изображением «древа жизни» в урартской трактовке VIII—VII вв. до н. э. Рядом — пластинка со сфинксом, сделанная малоазиатским мастером. Это заставляет вспомнить о скифских походах в Переднюю Азию — ведь именно где-то в районе Зивие обособились военные отряды, приведенные из Скифии царем Ишпакой. Не позволяет ли это предположить, что владельцем вещей Зивие был предводитель скифской дружины? Тогда становится понятным, почему на вещах Зивие рядом со львами, сфинксами, «древом жизни» переднеазиатского типа оказались совершенно чуждые древневосточному искусству олень, свернувшаяся пантера, заяц, баран, головки орла. Скифский вождь заказал их мидийскому мастеру, и тот легко справился с задачей, потому что в мидийском искусстве уже были выработаны каноны передачи персонажей иранской мифологии и фольклора.

Конечно, это только одна из вероятных гипотез. Но можно полагать, что во время походов в Переднюю Азию скифы познакомились с произведениями мапо-мидийской художественной школы, а после разгрома скифского царства Киаксаром унесли с собой в Причерноморье образы мидийского изобразительного творчества. Искусство мидийцев было близко и понятно скифам, поскольку оно выражало общеперсидские идеологические представления.

Тот факт, что вещи Зивие сходны со скифскими и, по мнению некоторых исследователей, древнее самых ранних скифских, привел ученых к оптимистическому выводу: загадка скифского искусства решена — оно сложилось в Передней Азии во время четвертьвекового господства скифов, и центром его формирования была Мидия.

Однако оптимизм был преждевременным. Не успели выйти из печати последние публикации о находках в Зи-

13. План-схема кургана Аржан

вие, как научный мир потрясла новая сенсация. На этот раз замечательные открытия были сделаны на востоке евразийской степи — в далекой Туве.

Советские ученые М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол исследовали курган Аржан. Аржан — это один из самых грандиозных курганов в наших степях, его диаметр — почти 120, а высота — больше 3 м.

Курган представляет собой сложнейшую архитектурную конструкцию. Вокруг насыпи устроена ограда из каменных плиток. В центре сруб из огромных бревен лиственниц толщиной 50—85 см образует камеру площадью 8×8 м², внутри камеры — малый сруб — $4,4 \times 3,7$ м². Вокруг, по радиусу, идут срубы, сложенные из таких же бревен и разбивающие пространство на несколько отсеков. В центре, в деревянной колоде, был захоронен покойной мужчина, как думает М. П. Грязнов, знаменитый

вождь племенного объединения. Вместе с ним лежало еще несколько мужчин — вероятно, родственники и сподвижники, добровольно последовавшие за ним на тот свет. Обычай этот бытовал у кочевых народов вплоть до средневековья: считалось, что умерший таким образом и в мире ином сохранит свое высокое положение, а его потомкам на земле будут оказывать почести.

Вместе с правителем было захоронено около 160 коней в парадном уборе. Они находились в радиальных камерах, рядами, головой к центру. А останки множества других коней, принесенных в жертву на поминках, археологи нашли в каменных выкладках вокруг кургана.

М. П. Грязнов установил, что часть лошадей в Аржане светлой масти, большинство же — золотисто-рыжие, как и в царских скифских курганах. Но ведь у всех индоиранцев красный цвет и золото являлись символом социальной группы (касты) воинов и царя, белый же цвет и серебро — касты жрецов.

Но раз в Аржане обпаружены кони и рыжие и светлые, значит, можно полагать, аржанский правитель сосредоточивал в своих руках и духовную и светскую власть и занимал совсем особое положение в обществе. Вот почему его могила выделяется и размерами, и богатством! Вместе с вождем и его приближенными были захоронены несметные сокровища. Мы доподлинно знаем об этом потому, что, хотя курган разграблен еще в древности, даже оставленное грабителями поражает своим великолепием. Чего здесь только нет! И самая большая в мире бляха в виде свернувшегося барса или пантеры, и навешенная с фигурками горных баранов, и двухцветная ткань, и бирюзовые бусы, и вставки для инкрустации золотых украшений, и бронзовый чекан, и кибжал с фигурой кабана, и золотая гривна, и роговая головка коня, и бляшки, и множество разнообразных стрел, и разные типы удил и псалиев.

По типам стрел и удил этот курган датируется VII или даже VIII в. до н. э. и оказывается древнейшим среди памятников, давших произведения в сако-скифском «зверином стиле», в том числе и Зивие.

Так, может быть, сако-скифский «звериный стиль» возник независимо от Переднего Востока на местной основе именно здесь, в восточных областях евразийских степей?

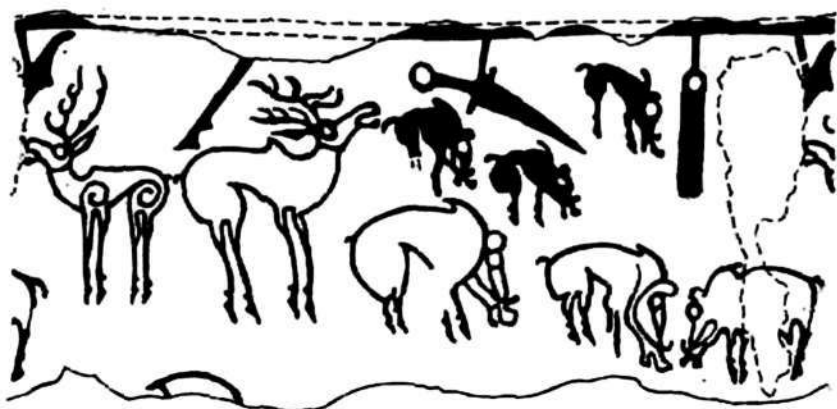
Действительно, в азиатских степях еще в эпоху бронзы мастера-металлурги научились изготавливать фигурки животных и украшали ими свои орудия. Большое количество таких предметов найдено в Сибири²⁸: фигурки кабана «на цыпочках», головки птиц, коней, баранов, оленя. Они трактованы обобщенно, но вполне реалистично и по стилю напоминают вещи Аржана; например, глаз па них изображен в виде круглого отверстия.

Во II тыс. до н. э. в азиатских степях создавались и наскальные рисунки различных животных, главным образом баранов, коней и оленей. В Монголии найдены так называемые оленные камни, на которых выбиты фигурки оленей и изображения предметов вооружения, позволяющие датировать эти памятники еще досакской эпохой (обломок подобного камня был употреблен и при сооружении насыпи аржанского кургана).

Таким образом, в азиатской части евразийских степей в конце II — начале I тыс. до н. э. сформировалось искусство, в котором огромную роль играли изображения животных, соответствовавшие религиозным и мифологическим представлениям местного населения (конь, олень, баран, птица), и были выработаны некоторые стилистические приемы их трактовки. Однако это еще не был собственно «звериный стиль». Он зародился не самостоятельно в степях, а в результате импульса с юга.

В VIII—VII вв. до н. э. усилились и упрочились контакты кочевников с более развитыми земледельческими народами, изобразительное искусство которых имело к тому времени тысячелетние традиции. В Аржане уже есть бесспорные доказательства знакомства местного населения с переднеазиатской культурой. М. П. Грязновым найдены здесь привозные ткани, которые могли быть изготовлены только в Ассирии, Мидии или Бактрии, бирюзовые бусы, производством которых славилась Южная Средняя Азия в течение тысячелетий, вставки для инкрустаций по золоту. Эта сложнейшая техника применялась в Ассирии с VIII в. до н. э. и была известна в Эламе и Бактрии. Только оттуда могли поступить в Туву изделия с инкрустацией.

В самых ранних памятниках сакского искусства, например в Тагискене, есть изображение льва, который не водился ни в Казахстане, ни в Сибири, ни в Средней Азии. Это образ переднеазиатского искусства. Но шло

14. Обломок оленного камня с изображением оленей, кабанов, кнжжала и оселка из кургана Аржан

ли влияние в степь прямо из Ассирии или через посредство южных областей Средней Азии, и прежде всего Бактрии? Вспомним сосуды Фуллола и печати Бактрии и Маргианы II — начала I тыс. до н. э.; на них уже есть все те сюжеты и образы, которые потом веками вдохновляли сакских художников: тут и лев, и фантастический крылатый львиный грифон, и «древо жизни» с птицами на нем, и сцена сражения героя с чудовищем, и терзание копытного хищником, и даже композиция сегнерова колеса, потом воспроизведенная в Уйгараке как символ солнца, и верблюд-бактриан, кабан, тигр, причем существенно, что переднеазиатское искусство почти не знает этих персонажей. Отсюда, из Бактрии и сопредельных областей, они продолжают победное шествие на произведениях искусства сакской эпохи. Излюбленные животные сакского «звериного стиля» — это конь, бактрийский благородный олень, верблюд-бактриан, горный козел, горный баран, кабан, снежный барс, тигр, волк, орел. Большая часть этих животных в начале I тыс. до н. э. водилась в степях и предгорьях Казахстана, Алтая и Тувы, все они обитали в Бактрии. Там же, в Бактрии, были выработаны каноны их изображения в искусстве. Все это позволяет предположить, что первый толчок к развитию пластического искусства в азиатских степях был получен из Средней Азии.

Итак, сако-скифский «звериный стиль» сложился как закономерное выражение мировоззрения сакских племен,

как воплощение в изобразительном искусстве всего строя их мышления, их мифологии и фольклора, как особая знаковая система, очень важная для выражения идеологии бесписьменного народа. Он был подготовлен всем предшествующим культурным развитием скотоводческих племен евразийских степей и сформировался на основе местного искусства, восходящего к эпохе бронзы. Однако определяющим моментом явилось близкое знакомство с достижениями искусства мастеров Древнего Востока. Синтез местных традиций с заимствованными южными элементами и привел к рождению совершенно самобытного явления в культуре древнего мира — сакского «звериного стиля», воспринявшего некоторые образы и черты переднеазиатского искусства, но переосмыслившего их в соответствии с сакской идеологией и мифологией.

Когда произошло формирование этого стиля? В причерноморских степях западный — скифский — вариант его сложился только после походов скифов в Переднюю Азию, когда кочевники-иранцы впервые столкнулись с древневосточным искусством и усвоили его через посредство Мидии, где к моменту прихода скифов иранцы первой волны уже создали самобытное искусство, приспособившее переднеазиатские образы к иранской идеологии.

На востоке — в Средней Азии, Казахстане и Сибири — дело, по-видимому, обстояло иначе. Здесь, в Бактрии и сопредельных областях, переход иранских племен к оседлости и восприятие ими земледельческой древневосточной культуры произошли раньше, чем в Западном Иране, а контакты родственных ираноязычных народов — земледельцев и скотоводов — были гораздо активнее и прочнее. Поэтому здесь «звериный стиль» сложился раньше, чем в западнскифских областях, чему способствовали общность идеологии кочевых и земледельческих ираноязычных народов и существование в азиатских степях древней художественной традиции изображения животных. Этот процесс преобразования искусства происходил, вероятно, в широкой зоне, а активные контакты кочевых племен Евразии способствовали консолидации стиля.

...Шли десятилетия, и ветер истории заметал следы сакской конницы. На просторах евразийских степей сменялись племена, звучала новая речь, и вот уже само название некогда могущественного народа — «саки» — стало достоянием одних лишь историков.

Но культурные достижения саков, их богатый фольклор, своеобразный стиль их изобразительного искусства надолго пережили своих создателей. Они были восприняты народами, пришедшими на их место. В мифологии и фольклоре современного населения Средней Азии и Казахстана, Западной Сибири и Приуралья все еще живут легенды, а в изобразительном творчестве — образы, рожденные когда-то фантазией саков и через цепочку поколений дошедшие до нас. Даже в русской культуре слышится далекий отзвук той эпохи. Любуясь пышным величием владимирских соборов или трогательной непосредственностью деревянной резьбы, вспомните, что все эти коньки и уточки, фантастические птицы и крылатые грифоны, дерево с птицами да и образ самого Георгия Победоносца, поражающего копьём змия, впервые на нашей земле были воплощены два с половиной тысячелетия назад скифами. Говоря словами С. Шевырева,

Великих нет, по подвиги их живы!
Над мраком воспарил их дух,
И славы дальние отзвуки
Потомства поражают слух!²⁹

А потому, тракторист, выезжающий по весне на черноземную ширь, дорожник, прокладывающий магистраль, строитель, ведущий газопровод, прежде чем скрыть землю, присмотритесь внимательно: не курган ли перед вами, не древнее ли жилье? Если так, обойдите их стороной и сообщите в музей: это памятники человеческому труду, человеческому умению и таланту. Сохранить их — наш долг перед детьми. Ведь только постоянное чувство связи поколений, благодарная память о руках наших предков позволяют воспитать и глубокую культуру, и истинный патриотизм.

Многие страницы древней истории народов евразийских степей еще не прочтены. Но каждый год исследуются курганы, раскапываются поселения, расшифровываются новые надписи.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов³⁰.

От автора

¹ *Фирдоуси*. Шах-наме. Пер. В. Левика. Здесь и далее текст цитируется по кн: Антология таджикской поэзии с древнейших времен до наших дней. М., 1951, с. 124.

² *Фирдоуси*. Шах-наме. Пер. М. Петровых, с. 235.

³ *Бунин И. А.* Собр. соч. в 5-ти томах, т. 1. М., 1956, с. 395.

⁴ Сведения древнегреческих писателей и ахеменидских надписей о северных границах Бактрии противоречивы. По одним данным, эта область простиралась вдоль левого берега Амударьи (по-гречески — Окса) и река отделяла ее от Согды. По другим данным, правобережье (юг Средней Азии) тоже входило в Бактрию, а граница с Согдом шла севернее реки. М. М. Дьяконов полагал, что земледельческие оазисы (юг Таджикистана и Узбекистана) входили в границы Бактрии. Материальная культура областей на правом и левом берегах Амударьи уже с глубокой древности была однотипна. Это позволяет говорить об общности исторических судеб населения и принять гипотезу, защищавшуюся М. М. Дьяконовым.

По следам древних колесниц

¹ Эту гипотезу, высказанную еще в XIX в., разделяют многие советские и зарубеж-

ные исследователи (М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов, В. И. Абаев, В. А. Лившиц, Э. А. Грантовский, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Т. Я. Елизаренкова, О. Шрадер, А. Мейе, В. Георгиев, В. Порциг, А. Камменхубер, В. Пизани, В. Брандештейн, Д. Бонфанте, Т. Барроу, Р. Хаушильд и др.).

² От слова «арья» позднее образовались названия: страны — Иран, древней области — Ариана, долины реки Ганг в Индии — Арьяварта и одной из групп осетин — Ирон.

³ Употребление фашистскими историками термина «арии» для обозначения «высшей германской расы» глубоко антинаучно. Ариями называли себя среди всех индоевропейских народов только индийцы и иранцы, а отнюдь не древние германцы. Никакой «чистой» арийской расы никогда не существовало: процессы этнических смешений начались задолго до выделения индоевропейских языковых групп, и люди, говорящие на родственных языках, часто принадлежат к разным антропологическим типам. По материальной и духовной культуре, как и по языку, германцы ближе не к индоиранцам-ариям, а к славянам и балтам.

⁴ Толстой А. К. Избранные сочинения, т. 1. Берлин — Пг., 1921, с. 7.

⁵ Меандр — орнамент в виде линии, ломанной под прямым углом.

⁶ Вещи найдены в разных пунктах, разделенных сотнями километров, — на Средней Волге, на Урале, в Западной Сибири и Восточном Казахстане, но и по форме, и по стилю изображений, и даже по составу металла они сходны между собой, а это дает право считать, что существовал один первоначальный очаг производства подобных изделий. Ученые спорят о том, где он находился. Но наиболее вероятной областью изготовления прототипов описанных орудий представляется Восточный Казахстан. Здесь был мощный центр металлургического производства; здесь водились и кони, и горные бараны, образы которых вдохновляли древних мастеров; главное же — эти территории поддерживали постоянные контакты с населением Средней Азии, где пластическое искусство имело многовековые традиции и фигурки животных изготавливались и в глине, и в камне, и в металле.

⁷ Среди исследователей нет единства в вопросе об этнической принадлежности и пути передвижения населения, оставившего эти могилы. Пакистанский ученый А. Х. Дани, итальянские исследователи Г. Стакул, Э. Кастальди, С. Антонини, советские специалисты Б. А. Литвинский, В. И. Сарпаниди и Е. Е. Кузьмина единодушно считают население на северо-западе Индостана пришлым. Но если С. Антонини, Э. Кастальди и В. А. Сарпаниди утверждают, что оно пришло из западных

областей Средней Азии и Северо-Восточного Ирана и Афганистана, то Б. А. Литвинский и Е. Е. Кузьмина подчеркивают, что оно пришло из южного Таджикистана, но Б. А. Литвинский видит в этих племенах древний народ дардов, а Е. Е. Кузьмина — индоиранцев, основываясь на выводах А. М. Мандельштама о том, что могильники Таджикистана сооружены индоариями.

⁸ Цит. по кн.: Баженов Л. В. Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940. Далее Авеста цитируется в переводах В. И. Абаева, кроме особо оговариваемых случаев.

⁹ Картина осложнилась тем, что южные оазисы были на короткое время завоеваны пришлыми племенами, а на территорию Казахстана из Центральной Азии проникла небольшая группа монголоидного населения, которое быстро смешалось с местными ираноязычными племенами.

Глава I

Тайна священной книги

¹ Пандит — знаток древних традиций.

² На санскрите написана древнеиндийская литература, в том числе Ригведа, на авестийском языке — Авеста; пехлеви — это язык ранне-средневекового Ирана.

³ К чести английского ученого надо сказать, что впоследствии он оценил заслуги Анкетилля и признал ошибки своей молодости.

⁴ Сохранившийся неполный текст Авесты состоит из нескольких разновременных частей: гимнов богам — Яштов, жреческого кодекса — Видев-

дата, литургического богослужебного текста — Ясны, в состав которой входят проповеди — Гаты.

⁵ Веды состоят из четырех сборников (санхит), древнейшим и наиболее важным из них является Ригведа. Ее создание предположительно относят ко II тыс. до н. э.

⁶ Это нашло отражение в древних языках (в противопоставлении слов «свой» и «чужой»): самоназвание народов часто восходит к слову «человек, мужчина» или просто «свой», т. е. человек своего рода, или «родившийся из одного корня, семени», оно противопоставляется слову «враг», которое буквально означает «чужой», т. е. человек другого рода и племени.

⁷ В настоящее время установлено, что названия местностей (топонимы) Рага и Ниса были распространены как в западных, так и в восточных иранских областях.

Глава II

В легендарной стране

¹ Дьяконов И. М. Ассириовавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ, 1951, № 2, с. 355—356.

² Орывки из сочинений Ктесия дошли до нас в переложении более поздних писателей. Рассказ о Семпсамиде приведен греческим писателем Дниодором в его труде «Историческая библиотека» (II, 2, 1; II, 5, 3).

³ О походе в Бактрию сообщают и другие источники. Римский историк Помпей Трог (Филиппинская история, I, 1) пишет: «Последнюю войну Инн вел с Зороастром, царем бактрийским, который первый, как говорят, изобрел магическое искусство и усердно

изучал сущность мира и движение звезд».

⁴ Эта оценка принадлежит французскому археологу А. Фуше, возглавлявшему раскопки в Бактрах (Балхе) в 1947 г. и не сумевшему выявить там древние слоны.

⁵ Пиластр — плоский вертикальный выступ, который расчленяет стену здания.

⁶ Торевтика — искусство художественной обработки изделий из металла.

⁷ Глистика — искусство резьбы на драгоценных или полудрагоценных камнях.

⁸ Об этом свидетельствуют находки импортных изделий. В Таджикистане, в кишлаке Фатмев, был обнаружен глиняный сосуд на ножках, имеющий носик-слив, в кишлаке Рамит — бронзовый кнжаль с инкрустированной рукоятью. Близкие по стилю предметы находят в Северо-Западном Иране.

⁹ Талант — древняя денежная единица. Аттический талант был равен 26,2 кг серебра.

¹⁰ Персеполис — это греческая передача древнего названия иранской столицы: Парсастахра, т. е. «сила (или крепость) персов». Прошло два с половиной тысячелетия, а в народной памяти все еще живут воспоминания о былой славе Персеполя, который теперь иранцы называют Тахти-Джемшид — «трон Джемшида» — по имени легендарного героя «Шах-наме» (авестийского Пимы). Когда иранцы торжественно отмечали 2500-летие своего государства и культуры, здесь, под стенами Персеполя, стояла украшенная древними ахеменидскими эмблемами палатка нынешнего иранского шаха и вокруг нее со-

- бирались тысячи приехавших на торжества людей.
- ¹¹ М. М. Дьяконов датировал памятник VII—VI вв. до н. э., сейчас большинство исследователей определяет его возраст VI—IV вв. до н. э.
 - ¹² Полная публикация и анализ вещей клада были предприняты в 1905 г. хранителем Британского музея О. М. Дальтоном. Его книга и спустя 70 лет остается блестящим образцом такого рода издания.
 - ¹³ Вахш и Пяндж, сливаясь, образуют Амударью, которая в древности также называлась Вахшем.
 - ¹⁴ Массе И. А. (псевдоним — Жуков). Верхнее течение Амударьи. — «Туркестанские ведомости», 1880, 18 марта.
 - ¹⁵ Городище было обследовано экспедицией М. М. Дьяконова (план его опубликован под названием Каменного городища), а затем Т. И. и Е. В. Зеймаль, которые собрали о нем сведения в дореволюционной литературе. Древние слои перекрыты на этом памятнике более поздними. Сейчас поверхность городища сильно разрушена.
 - ¹⁶ В более позднюю, парфянскую, эпоху с барсом в руках и в башлыке на голове изображались цари-жрецы некоторых иранских областей. Так представлены они на парфянских рельефах в Персеполе и Дуккан-и-Дауд в Курдистане.
 - ¹⁷ В Западном Иране на скале Бехистун (или Бисутун) по приказу Дария была выбита надпись о его победах и над ней помещен рельеф с изображением царя и подвластных ему народов.
 - ¹⁸ Фирдоуси. Шах-наме. Пер. К. Липскерова, с. 163.
 - ¹⁹ Шангаев Г. Из осетинских сказаний о нартах. — В кн.: Сборник сведений о Кавказских горах, вып. IX, отдел II. Тифлис, 1876, с. 1—9.
 - ²⁰ Днепр — доп + апис — «глубокая вода». К первому корню восходят названия Дона, Днестра, Дуная и нескольких рек на Северном Кавказе, в Осетии.
 - ²¹ Пехлевийский текст «Менок-е-храт». Цит. по: Тревер К. В. Гопатшах — пастух — царь. ТОВЭ, 1940, т. II, с. 75.
 - ²² Предлагалось и другое чтение: Рахшан, т. е. Роксана, — иранское женское имя, распространенное в Бактрии (его носила бактрийская принцесса — жена Александра Македонского).
 - ²³ Фирдоуси. Шах-наме. Пер. В. Левика, с. 154.
 - ²⁴ Символами Митры (или Ахура Мазды?) в кладах являются также солярные розетки на круглой пластине и на дне чаши.
 - ²⁵ Поэтому изображения орлов позже помещались на монетах правителей Парса парфянской эпохи, на головном уборе царей, на монетах Хорезма, а сасанидские короны делались в виде головы орла.
 - ²⁶ Протома — передняя часть тела животного с головой и лапами.
 - ²⁷ Предлагалась и другая интерпретация — считать утку символом земной сферы, мира людей и соотносить ее с родоначальником и первым царем ираноязычных племен.
 - ²⁸ Пальметта — элемент растительного орнамента, первоначально изображавший крону пальмы.
 - ²⁹ Фирдоуси. Шах-наме. Пер. В. Левика, с. 128.

³⁰ Бертельс Е. Э. Очерк истории персидской литературы. Л., 1928, с. 29.

³¹ Французский исследователь Д. Шлямберже полагал, что значительная часть клада относится к парфянской эпохе; мы постараемся показать, что взгляд этот не обоснован.

³² Только эти предметы и могли быть собственностью легендарного царя Кавата. Конечно, это предположение, основанное лишь на случайном совпадении названия места находки и имени легендарного основателя династии бактрийских царей, более чем сомнительно.

³³ Д. Боардман пришел к выводу, что наряду с малоазийскими центрами существовали самостоятельные художественные центры, работавшие в той же манере, хотя и расположенные далеко на востоке. Один из них находился на северо-западе Индостана, в Таксиле, где мастера создавали шедевры камнерезного искусства, используя местные индийские породы камней, неизвестные в других областях.

³⁴ Для подтверждения этого предположения очень важен золотой перстень клада с изображением четырех крестообразно соединенных ступенчатых пирамид. Этот мотив в искусстве южных областей Средней Азии был очень популярен с III тыс. до н. э. и представлен, как мы уже говорили, в Бактрии в кладах из Фуллола.

³⁵ Важно подчеркнуть, что перстень со львом по форме не отличается от других перстней клада, бактрийское производство которых вероятно.

Глава III

На широком степном просторе

¹ Предлагались и другие объяснения названия «сака»: «олень» (от тотемного животного), «собака» (т. е. «стерегущие, как собаки, свои стада»).

² Воспоминания о Зарине сохранились в среднеазиатской эпической поэме «Гургули», где говорится о богатырской деве Зарине Зарингар («Златописанной») — дочери победителя дэвов царя Сугдына (т. е. Согдийца).

³ Приводится по кн.: Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.

⁴ *Аморс* — от названия саков амюргиев.

⁵ В греческом представлении о саках и скифах как о честнейших и справедливейших людях на свете отражено противопоставление ленивой пресыщенности утонченных эллинов суровой простоте и строгой бедности варваров; отражена тоска по золотому веку, когда якобы не было частной собственности и люди были равны.

⁶ *Стадий* — греческая мера длины.

⁷ Бунин И. А. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 2. М., 1956, с. 334.

⁸ Лифшиц В. А. Назначенный день. М., 1968, с. 91.

⁹ Древний мир в памятниках его письменности, ч. 1. [б. м.], Изд-во «Мир», [б. г.], с. 155—156.

¹⁰ Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах, т. IX, отдел III. Тифлис, 1876, с. 4—7.

¹¹ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских

- племен, т. IX. СПб., 1895, с. 47, 166.
- ¹² К подобному выводу пришел и советский ученый К. А. Акишев.
- ¹³ Подобными были инсигнии царей и королей и у других индоевропейских народов. Царь выезжал на белом коне в пурпурной мантии, отделанной горностаем, держа в руках золотой скипетр, увенчанный двуглавым орлом.
- ¹⁴ У некоторых племен была другая ориентировка.
- ¹⁵ По верованиям зороастрийцев, злые дела человека тянут его в бездну, а добрые — помогают переправиться. Поэтому мост называется Чинват — «избавный путь».
- ¹⁶ Гагиев Б. Указ. соч., с. 7.
- ¹⁷ Цит. по статье: Завитугина М. Золотая статуэтка из Сибирской коллекции Петра I и некоторые вопросы истории коллекции. — *Сообщения Гос. Эрмитажа*, 1974, вып. XXXVIII, с. 41—44.
- ¹⁸ Следует отметить, что против арханизации скифской культуры и гипотезы о тотемическом содержании «звериного стиля» уже давно выступал знаток скифской культуры Б. Н. Граков. Ему принадлежит важное заключение о существовании у скифов развитой мифологии и об отражении в изобразительном искусстве мифологических сюжетов. Идея Б. Н. Гракова получили дальнейшее развитие лишь в последнее время, прежде всего в работах Д. С. Раевского.
- ¹⁹ В Индии у каждого бога был свой вахана — животное, влекущее колесницу небожителя: ваханой бога ветра Вайю был олень, Вишну — птица Гаруда, Брахма — гусь и т. д. В индийском искусстве божество часто изображалось в виде соответствующего ему зооморфного символа.
- ²⁰ Айткитов Ч. Повести и рассказы. М., 1970, с. 560.
- ²¹ *Фирдоуси*. Шах-наме. Пер. К. Липскерова, с. 173.
- ²² Культ Деметры слился с более древним культом богини Меланиппы, которую почитали в образе кобылицы и имя которой означает «черная кобылица».
- ²³ В Авесте тоже есть богиня с «конским» именем — Дрваспа — «обладающая здоровыми конями».
- ²⁴ Предмет датируется II в. до н. э. — II в. н. э., но восходит к более древним среднеазиатско-казахстанским прототипам, почему и рассматривается нами.
- ²⁵ Лиешиц В. А. Согдийские надписи из Семпречья. М., 1977.
- ²⁶ У саков, незнакомых с астрономией, астрономический подтекст композиции был забыт и вместо быка и оленя в сценах терзания стали изображать любое копытное — лошадь, барана. От саков сюжет борьбы перешел в центральноазиатское искусство.
- ²⁷ Скифы Причерноморья употребляли большие кратеры на коллективных трапезах в честь бога Сабасия, отождествляемого с Дионисом и Митрой.
- ²⁸ Хотя большая часть этих изображений найдена пока в Сибири, вряд ли именно Сибирь можно признать родиной этого художественного стиля. Скорее всего, он сложился в областях Средней Азии и Казахстана, где издревле осуществлялся контакт с земледельческими областями.
- ²⁹ Шевырев С. Я есмь. — В кн.: *Русская поэзия XIX в.*, т. 1. М., 1974, с. 480.
- ³⁰ Блок А. А. Собр. соч., в 6-ти томах, т. 1. М., 1971, с. 70.

- Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.
- Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39.
- От автора
- Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956.
- По следам древних колесниц**
- Амев И. История Мидии. Баку, 1960.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
- Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972.
- Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1968.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Санскрит. М., 1960.
- История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
- Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962.
- Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Каратауские колесницы.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ, 1974, № 4.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане — МИА, 1968, № 145.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
- Шрадер О. Индоевропейцы. СПб., 1913.
- Burrow T. The Proto-Indo-Arians.— «The Journal of the Royal Asiatic Society», 1973, N 2.
- Burrow T. The sanskrit language. London, 1955.
- Mayrhofer M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966.

Глава I

Тайна священной книги

Путешествие в глубь тысячелетий

Du Perron Anquetil. Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre. Paris, 1771.

Shwab R. Anquetil du Perron. Paris, 1934.

Древние гимны
и проповедь пророка

Абаев В. И. Культ семи богов у скифов.— В кн.: Древний мир. М., 1962.

Абаев В. И. Дохристианская религия алан. XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.

Абаев В. И. Скифский быт и форма Зороастра.— «Archiv Orientalni», 1956, XXIV, 1.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

Бертельс Е. Э. Новые работы по изучению Авесты.— Учен. зап. ИВАН, 1951, т. III.

Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.

Дадамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V вв. до н. э.— ВДИ, 1974, № 2.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

Нартские сказания. Осетинский народный эпос. М., 1949.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

Ригведа. Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.

Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.

Bailey H. Zoroastrian problems in the ninth-century books. Oxford, 1943.

Benveniste E. Les classes sociales dans la tradition avestique.— «Journal asiatique», 1932, t. 221.

Benveniste E. L'Erān-Vēž et l'origine légendaire des Iraniens.— «Bulletin of the School of Oriental Studies», VII, 1933—1935.

Christensen A. Les Kayanides. Copenhagen, 1931.

Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962.

Duchesne-Guillemin J. Symbols and values in zoroastrianism. New York, 1966.

Dumezil G. Mithra et épopée. Paris, 1968.

Dumezil G. Mithra-Varuna. Paris, 1940.

Dumezil G. Rituels indo-européens à Rome, Paris, 1954.

Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.

Gershevitch I. The Avestian hymns to Mithra. Cambridge, 1959.

Gershevitch I. Iranian literature. Leiden — Köln, 1968.

Gonda J. Les religions de l'Inde, vol. I. Paris, 1962.

Henning W. Zoroaster — politician or witch-doctor? London, 1951.

Herzfeld E. Zoroaster and his world, vol. 1. Princeton, 1947.

Molé M. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. Paris, 1963.

Nyberg H. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938.

Oldenberg H. Die Religionen des Veda. Berlin, 1894.

Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965.

Wikander S. Sur le fonds communs indo-iranien des épopées de la Perse et de l'Inde.— «La Nouvelle Clio», 1950, N 7.

Глава II

В легендарной стране

Поход Семирамиды
и бактрийский мираж

Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.

- Белыева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира.— В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971.
- Дьяконов М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии.— СА, 1954, XIX.
- Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий.— СА, 1971, № 4.
- Кузьмина Е. Е. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа.— В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971.
- Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ, 1972, № 1.
- Массон В. М. Страна тысячи городов. М., 1960.
- Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
- Пушаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972.
- Сарияниди В. И. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане.— КСИА, 1972, вып. 132.
- Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы.— СА, 1974, № 4.
- Сарияниди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.
- Dupree L., Gouin P., Omer N. The Khosh Tara Hoard from North Afghanistan.— «Archaeology», 1971, vol. 24.
- Tosi M., Wardak R. The Fullol Hoard.— «East and West», 1972, vol. 22, N 1—2.
- Украшение всей Арианы
- Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда.— МИА, 1950, № 15.
- Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана.— МИА, 1953, № 37.
- Зеймаль Т. И. и Е. В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада.— ИАН Тадж. ССР, 1962, № 1.
- Кузьмина Е. Е. Греческий курок в Бактрии.— КСИА, 1976, вып. 147.
- Кузьмина Е. Е. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада.— В кн.: Искусство Востока и античность. Сб. памяти В. В. Павлова. М., 1977.
- Ставиский Б. Я. Между Памиром и Каспием. М., 1966.
- Тревер К. В. Гопатшах — пастух-царь.— ТОВЭ, 1940, т. II.
- Ghirshman R. Le trésor de l'Oxus, les bronzes du Luristan et l'art-mède.— «Vorderasiatische archäologie Festschrift. A. Moortgat». Berlin, 1964.
- Barnett R. Median art.— «Iranica Antiqua», 1962, vol. 2.
- Barnet R. The art of Bactria and the treasure of the Oxus.— «Iranica Antiqua», 1968, vol. 8.
- Dalton O. M. The treasure of the Oxus. London, 1905, 1964.
- Безымянные мастера
- Кузьмина Е. Е. Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра. В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1974.
- Akurgal E. Die Kunst Anatoliens vom Homer bis Alexander. Berlin, 1961.
- Boardman J. Greek gems and finger rings. London, 1970.

- Ghirshman R.* Persia from the origins to Alexander the Great. London, 1964.
- Ghirshman R.* Perse. Paris, 1963.
- Schmidt E.* Persepolis. Chicago, 1953, vol. I; 1957, vol. II; 1970, vol. III.
- A Survey of Persian Art. London — New York, 1938.

Глава III

На широком степном просторе

Туры с быстрыми конями

- Акишев К. А.* Курган «Иссык». — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973.
- Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1975.
- Вайнберг Б. И.* Новая культура раннежелезного века в левобережном Хорезме. — АО за 1971 г. М., 1972.
- Виноградов А. В.* Тысячелетия, погребенные пустыней. М., 1966.
- Вишневская О. А.* Культура сакских племен пизовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973.
- Григорьев В. В.* О скифском народе саках. СПб., 1871.
- Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов. М., 1960.
- Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* — «копы». — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
- Иванов В. В.* Заметки о типологическом и сравнительно-исто-

рическом исследовании римской и индоевропейской мифологии. — ТЗС, IV. Тарту, 1969.

Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. — В сб. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Попов С. А. Тайны Пятимаров. Оренбург, 1971.

Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. — САИ, вып. ДЗ—9. М.—Л., 1962.

Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

Савельева Т. В., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале. — ВДИ, 1972, № 3.

Толстов С. П., Итина М. А. Сакпизовьев Сырдарьи. — СА, 1966, № 2.

Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева. — ТЗС, V. Тарту, 1971.

Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965.

Lévi-Strauss C. Le totémisme aujourd'hui. Paris, 1962.

- Meuli K.** Scythica.— «Hermes», 1935.
- Yettmar K.** Art of the Stepps. London, 1967.
- Аржан или Баба-Джан?
- Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.** Курган Аржан — могила царя рапнескифского времени.— «Учен. зап. Тувинского НИИ ЯЛИ», 1973, вып. XVI; 1975, вып. XVII.
- Луконин В. Г.** Искусство древнего Ирана.— В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971.
- Луконин В. Г.** Культура сасанидского Ирана. М., 1972.
- Ростовцев М. И.** Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Animal style.** Art. from East to West. New York, 1970.
- Calmeyer P.** Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschah. Berlin, 1969.
- Dyson R.** Hasanlu and Early Iran.— «Archaeology», 1960, v. 13, pt. 2.
- Dyson R.** Problems on protohistoric Iran as seen from Hasanlu.— «Journal of Near Eastern Studies», 1965, v. XXIV, N 3.
- Gabus J.** Art Amlach.— «Orbis Pictus», 1967, vol. 44.
- Godard A.** L'art de l'Iran. Paris, 1962.
- Godard A.** Les bronzes du Luristan. Paris, 1931.
- Godard A.** Le tresor de Ziwiè. Haarlem, 1950.
- Goff C.** Excavations at Baba-Jan, 1968.— «Iran», 1970, vol. VIII.
- Goff C.** Luristan before the Iron Age.— «Iran», 1971, vol. IX.
- Herzfeld E.** Iran in the Ancient East. New York, 1941.
- Moorey P.** Catalogue of the Ancient Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford, 1971.
- Oud-Iraanse Kunst.** Brussel, 1966.
- Porada E.** Ancient Iran. London, 1965.
- Vanden Berghe L.** Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959.
- Vanden Berghe L.** A la decouverte des civilisation de l'Iran ancien. Bruxelles, 1971.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
ВДИ	Вестник древней истории
ИАН	Известия Академии наук
ИВАН	Институт востоковедения Академии наук
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НИИ ЯЛИ	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
ТЗС	Труды по знаковым системам
ТОВЭ	Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа

ПОДПИСИ К ТАБЛИЦАМ

Таблица I

1. Каменная стела из кургана эпохи бронзы у села Курносовка на Украине
- 2, 3. Глиняные сосуды из могильников андроновской культуры в Приуралье
4. Костяные фигурки коней и уточки из могильника у села Съезжее в Поволжье

Таблица II

Рельефы дворца в Персеполе:

5. Сцена борьбы льва и быка на лестнице Ападаны
6. Делегация саков-тиграхауда
7. Делегация бактрийцев

Таблица III

8. Золотая пластина с изображением жреца из «Амударьинского клада»
9. Печать греко-персидского стиля с изображением воина
10. Рельеф с изображением сака из Персеполя
11. Золотая пластина с изображением воина из «Амударьинского клада»

Таблица IV

Предметы из «Амударьинского клада»:

12. Золотые перстни с изображением женщин, быка-андрокефала, протом двух быков, оленя
13. Золотые пластины с изображениями людей

Таблица V

14. Печать греко-персидского стиля с изображением царя
15. Золотые антропоморфные фигурки из «Амударьинского клада»
16. Печать греко-персидского стиля с изображением коня
17. Золотая фигурка коня из «Амударьинского клада»

18. Золотые пластины с изображением коня и двугорбого верблюда из «Амударьинского клада»

Таблица VI

19. Печать греко-персидского стиля с изображением колесницы
20. Золотая модель колесницы из «Амударьинского клада»

Таблица VII

Предметы из «Амударьинского клада»:

21. Серебряная статуэтка юноши-курова
22. Серебряная антропоморфная фигурка
23. Серебряная позолоченная фигурка козла
24. Золотой браслет с головками козлов
25. Золотой браслет с грифонами

Таблица VIII

Предметы из «Амударьинского клада»:

- 26, 27. Золотая обкладка ножен меча со сценой охоты на львов
28. Золотой кувшин с головой льва на ручке

Таблица IX

Предметы из «Амударьинского клада»:

29. Золотые бляшки с изображением фантастического существа и львиной головы
30. Золотая диадема с изображением уток
31. Золотая бляшка с изображением фантастического существа
32. Золотой браслет с головками уток
33. Золотая бляшка с изображением антропоморфного существа

Таблица X

34. Золотые бляхи с изображениями крылатого барса, коня, морды хищника, оленя из кургана Иссык
35. Золотая обкладка перекрестия меча с изображением головы барана из могильника Тагискен

Таблица XI

36. Бронзовые бляха и пряжка с изображениями оленя и льва из могильника Уйгарак
37. Бронзовые пряжки с изображением свернувшейся пантеры и хищных птиц из могильника Уйгарак
38. Бронзовая пряжка с изображением двух голов баранов из могильника Уйгарак

39. Бронзовая пряжка с изображением двух голов коней из могильника Тагискен
40. Золотая обкладка ножен меча с изображением волков из могильника Тагискен

Таблица XII

Бронзовые жертвенники с изображениями львов, борьбы льва и копытного животного и котел с протомами баранов из Семиречья и Казахстана

Таблица XIII

41. Головка коня из кургана Аржан
42. Бронзовая бляха в виде свернувшейся пантеры из кургана Аржан
43. Бронзовое навершие с фигурой барана из кургана Аржан
44. Бронзовый кинжал с фигурой кабана на рукояти из кургана Аржан
45. Бронзовый клевец из кургана Аржан
46. Бронзовые удила из кургана Аржан
47. Золотая бляха с изображением свернувшейся пантеры из кургана Аржан
48. Золотая бляха с изображением сцены борьбы льва и коня из Сибирской коллекции

Таблица XIV

49. Золотая головка хищной птицы и золотые фигурки оленей и птицы из «Амударьинского клада»
50. Золотые фигурки птицы и оленей из Сибирской коллекции

Таблица XV

Предметы из Луристана:

51. Бронзовый антропоморфный идол с птичьими головами
52. Бронзовые рукояти точильных камней с головой козла и фигурой кабана
53. Бронзовый предмет конской упряжи с изображением головы козла
54. Бронзовые предметы конской упряжи с изображением головы барана и фигур пантер

Таблица XVI

Предметы из Зивие:

55. Каменная булава с головами хищных птиц
56. Золотое украшение меча (бутероль) со свернувшейся пантерой
57. Золотая пластина с головами козлов и бутероль с головами пантер
58. Золотая пластина с изображением фантастических львов и «древа жизни»
59. Детали золотого нагрудного украшения (пекторали) с изображением козлов и фантастических существ у «древа жизни»

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И. 18, 121, 122
 Агни 25, 99
 Ададнерари III 33
 Айтматов Ч. 103, 126
 Акишев А. К. 126
 Акишев К. А. 86, 96
 Александр Македонский 66,
 69, 74—76, 124
 Альбаум Л. И. 34
 Аморг 82, 125
 Анахита, Ардвисура Анахита
 27, 60—64, 67
 Ангирасы 98
 Анкетиль де Брианкур 21
 Анкетиль Дюперрон А. Г. 19—
 23, 122
 Антиох I Коммаген 62
 Антонины С. 122
 Анхра Майнью 15, 28, 29
 Апаоша 107
 Апи 38
 Апо 25
 Аполлдор 32
 Аполлон 60, 62, 65, 67, 77, 83,
 104
 Арамат 29
 Ардвн 25
 Арес 62
 Аристей 77
 Арпоксай 93, 94
 Арриан 66
 Артаксеркс II 32, 61, 70
 Артемида, Артемида Ортня 49,
 62
 Арья 18
 Асархаддон 17
 Аскарлов А. А. 34
 Асклепий 49
 Астибар 79
 Атаев С. 8
 Атар см. Агни
 Аурватаспа 53
 Афина 62
 Афрасиаб 6, 77
 Ахемениды 3, 18, 29, 30, 42,
 68—71, 73, 74, 86, 109
 Ахура Мазда 15, 18, 25, 27—
 29, 51, 58, 60, 62, 64, 67, 84,
 91, 94, 106, 124
 Ашвини 106
 Ашвини 24, 103, 106
 Аши 90
 Ашшур 58
 Ашшурбанипал 54
 Баженев Л. В. 122
 Барроу Т. 121
 Батрадз 56, 106
 Бернштам А. Н. 96
 Бертельс Е. Э. 64, 106, 107,
 124
 Блок А. А. 126
 Боардман Д. 71, 125
 Бонгард-Левин Г. М. 92, 121
 Бонфанте Д. 121
 Борисфен 56
 Брагинский И. С. 25
 Бранденштейн В. 121
 Брахма 126
 Бретаницкий Л. С. 7
 Бунин И. А. 121, 125
 Вайнберг Б. И. 80
 Вайю 24, 25, 53, 107, 126
 Валерий Флакк 93
 Вальмики 61
 Ванден Берге Л. 111
 Варуна 98
 Веретрагна 24—26, 38, 53, 59,
 60, 62, 67, 106
 Вис 6
 Вишневская О. А. 96
 Вишну 126
 Виштаспа 18, 53
 Гагарин М. П. 101
 Гаруда 126
 Гатнев Б. 125, 126
 Гаямард 58
 Гелнос 62
 Георгиев В. 121
 Георгий Победоносец 120
 Геракл 56, 62
 Германик 31
 Гермес 62
 Геродот 9, 17, 31, 33, 49, 51,
 56, 61, 66, 77, 78, 81, 83, 84, 93
 Гильгамеш 39
 Гопатшах 58, 67, 124
 Гофф К. 111

Граков Б. Н. 126
 Грантовский Э. А. 92, 121
 Грязнов М. П. 115—117

Дайсон Р. 112
 Дальтон О. М. 67, 124
 Дани А. Х. 122
 Дарий Великий 18, 42, 43, 50, 55, 58, 66, 68, 74, 82—84, 86, 124
 Деметра 106, 126
 Джемшид 123
 Джонс В. 22
 Диодор 78—80, 83, 85, 123
 Дионис 65, 66, 126
 Дионисий Перизгит 78
 Диоскуры 106
 Дмитрий Фаларейский 80
 Дон-бетур 56
 Дрваспа 126
 Дьяконов И. М. 121, 123
 Дьяконов М. М. 7, 8, 44, 121, 124
 Давлет М. А. 108

Еврипид 42, 66
 Елизаренкова Т. Я. 121
 Епона 106

Завитухина М. 126
 Заратуштра 21, 22, 24, 28—30, 60, 123
 Зарина 79—81, 85, 125
 Зевс 51, 62
 Зеймаль Е. В. 124
 Зеймаль Т. И. 124
 Зороастр см. Заратуштра

Иванов В. В. 92
 Иеремия 17
 Ильин Г. Ф. 121
 Индра, Индра Вртраган 24, 98
 Итина М. А. 96
 Ишпака 17, 114

Ипма 15, 24, 25, 28, 62, 64, 67, 91, 94, 98, 99, 123

Кават 6, 7, 30, 50, 125
 Кави Виштаспа 6, 29, 30
 Кави Хусрава 30
 Кадырбаев М. К. 96
 Кай-Кубад см. Кават
 Камбар-ата 103
 Камбис 57

Камменхубер А. 121
 Каршипта 60
 Кастальди Э. 122
 Каяниды 7, 30, 50
 Кворес 92
 Квинт Курций Руф 66, 93
 Кеннингем А. 46, 47
 Кересаспа 24, 26
 Киаксар 17, 57, 114
 Кидрей 79
 Кир Великий 31, 42, 68, 81, 82, 96, 105
 Кир Младший 57
 Кисан 63
 Клавдий Эллиан 78
 Климент Александрийский 78
 Колоксаи 93
 Крез 49, 72, 81
 Кругликова И. Т. 34
 Ксенофонт 57
 Ксеркс 49, 51, 68, 74
 Ктесий 32, 33, 79—82, 85, 123, 125
 Кузьмина Е. Е. 3—5, 122
 Кушаев Г. А. 97

Левик В. 121, 124
 Лейри де 20
 Леру-Дешотерей 19
 Лившиц В. А. 87, 107, 121, 126
 Липоксаи (Авх) 93
 Липскеров К. 124, 126
 Литвинский Б. А. 96, 122
 Литтон 46
 Лифшиц В. А. 86, 125
 Лукиан 93, 94

Маев Н. А. 47, 124
 Максимова М. И. 71
 Мандельштам А. М. 7, 122
 Маннай-оол М. Х. 115
 Мардук 58
 Массон В. М. 7
 Мах 25
 Мейе А. 121
 Мейли К. 92
 Меланиппа 126
 Мермер 79
 Мир-Сусне-Хум 92
 Митра, Митра Варуна 24—27, 30, 50, 51, 58, 59, 62, 65—67, 92, 104, 124, 126
 Монтень М. 20
 Мончадская Е. А. 7

Насатья см. Ашвины
Негабан 112
Негматов Н. Н. 7
Николай из Дамаска 80
Нин 32, 33, 123

Одиссей 61
Оксиарт 32, 33
Омир см. Томирис
Охшо (Вахшу) 58

Парисатида 32
Партатуа 17
Певзнер С. Б. 7
Пегас 104
Петр I 101, 126
Петровых М. 121
Пизани В. 121
Плиний Старший 70, 77, 79
Полиэн 33, 82, 84
Помпей Трог 123
Порциг В. 121
Псамметих 17
Пугаченкова Г. А. 34
Пьянков И. В. 125

Радлов В. В. 125
Раевский Д. С. 126
Рама 61
Рамзес 31
Рамин 6
Рахшан 76, 124
Роксана см. Рахшан
Рустам 6

Саади 63
Сабасий 126
Сайрима 18
Сакесфар 82, 84
Салье 19
Сарасвати 60
Сардури 68
Сарианиди В. И. 122
Сасаниды 96
Семирамида 31—33, 79, 123
Син 58
Сирак 82
Сита 61
Сиявуш 6
Сома 98
Спарганис 81, 82
Стакул Г. 122

Страбон 79
Стриангей 79, 80
Струве В. В. 83, 84
Сугдын 125
Сурья 14
Сухраб 103
Сфаретра 82

Таргитай 56
Тацит 31
Телефан из Фокеи 70
Теодор с Самоса 70
Тиштрия (Тиштрия) 25, 26, 53, 107

Толстой А. К. 122
Томирис 81, 82, 105
Топоров В. Н. 92
Траэаона (Трита) 18, 24
Тревер К. В. 124
Тура 18
Тутанхамон 31, 86

Фарн 26, 53, 59, 60, 67, 84
Фарнабас 72
Феб см. Аполлон
Фирдоуси 6, 7, 50, 103, 121, 124, 126
Френк У. 46
Фуше А. 123

Хамыц 55, 56
Хаушильд Р. 121
Хафиз 63
Хваре Хшаэтем 93
Хенгист 106
Хлобыстина М. Д. 7
Хорса 106
Хэрил 77

Цицерон 31

Черников С. С. 7

Шаммурамат см. Семирамида
Шамши-Адат V 33
Шанаев Г. 124
Шевырев С. 120, 126
Шлямберже Д. 125
Шрадер О. 121

Эль 38
Эфендиев Р. 7
Эфор 78

Яма см. Йима

Рамит 123
Рангха (Волга) 15
Рипейские горы 15
Роксанака 79
Россия 61, 101
Русь см. Россия

Самарканд 45, 77
Самос 70
Сапаллитепа 34
Сарасвати 60
Сарды 61, 70—72
Сват 14
Сеистан 30
Семиречье 126
Сех-Баба 46
Сналк 110, 112
Сибирь, Западная Сибирь 83,
93, 117, 119, 120, 122, 126
Скифия 114
Согд, Согдиана 16, 18, 42,
74, 77, 83, 121
Средиземноморье, Средиземное
море 3, 65, 73, 81
Средняя Азия 3, 4, 7, 11, 13—
16, 18, 29, 31, 33, 38, 42, 47,
60, 64, 66, 74, 77, 83, 85,
89—91, 94, 96, 101, 107, 109,
117—122, 125, 126
Старый Свет 10, 61
Сузы 42, 57, 61, 69, 70
Сурат 21
Сурх-Дум 111
Сырдарья 77, 78, 81, 96

Тагискен 96, 104, 106, 117
Таджикистан 6, 8, 14, 64, 109,
121—123
Таксила 125
Тахт-и-Кават (Тахты-Куват) 47,
50, 58
Тахт-и-Джемшид 123
Ташкент 109
Тегеран 110

Тегермансу I 95
Термез 45
Термезский оазис 34
Тува 115, 117, 118
Туркмения, Южная Туркмения
41
Тянь-Шань 96

Узбекистан 8, 39
Уйгарак 96, 104, 105, 118
Украина 11
Урал 9, 13, 15, 93, 122
Урарту 17, 68, 113, 123
Урмия 16

Фатмев 123
Фермолилы 83
Фивы 31
Фокея 70
Франция 19, 21
Фригия 66, 71, 75
Фрунзе 85
Фуллол 36, 37, 39, 118, 125

Харгуш II 95
Хасанлу 112, 113
Хива 45
Хорезм 15, 18, 29, 30, 80, 91,
124

Центральная Азия 122

Чавышкой 72
Чандорнагор 20, 21

Шираз 63

Эгейские берега 74
Экбатана 61, 83
Элам, Эламское царство 14, 17,
18, 41, 113, 117
Эллада 72, 75, 106

Яксарт см. Сырдарья

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- англичане 9, 106
арабы 21, 43
аримасы 77
арии, арийцы, арья 9, 10, 18, 51, 84, 90, 98, 106, 121
армяне 9
ассирийцы 32, 55

бактрийцы 31, 32, 42—44, 48, 50, 67, 73, 75, 77, 84
балты 121

галлы 106
германцы 121
гиперборея 77
греки 7, 9, 31, 32, 43, 49, 62, 65, 73, 74, 77, 78, 85, 89, 94, 104, 106

даи 77
дарды 122
дербики 28

европейцы 19, 21, 22
египтяне 31, 69

индийцы 9, 14, 15, 21, 24, 43, 47, 60, 98, 103, 121
индоевропейцы 41
индоиранцы 9—11, 16, 24, 25, 28, 29, 41, 50, 60, 61, 84, 85, 90, 97, 98, 102, 104, 106, 116, 121
иранцы 4, 6, 7, 9, 15—18, 23—27, 33, 38, 53, 58—61, 63, 66, 91, 94, 98, 108, 110, 111, 113, 119, 121, 123
ирон 121
испанцы 9
исседоны 77, 78
итальянцы 9

китайцы 104

латыши 9
литовцы 9
лулубен 16

маннейцы 16
марды 28
массагеты 77, 78, 81, 82, 84, 105
мидийцы 4, 17, 33, 57, 66, 78—80, 114
немцы 9
осетины 9, 55, 91, 97, 99, 121, 125
парфяне 79
персы 18, 21, 33, 42, 49, 50, 61, 66, 77, 81—83

римляне 32
румыны 9

саки, саки амюргии, саки хаум-варга, саки тиграхауда 11, 16, 18, 31, 43, 44, 76—85, 93, 96, 97, 99, 100—102, 104, 106, 108, 109, 119, 120, 125, 126
сарматы 11, 18
сирийцы 32
скандинавы 9
скифы 4, 11, 16, 17, 28, 38, 56, 66, 77, 78, 84, 85, 92—94, 96, 102, 104, 106, 113, 114, 119, 120, 125, 126
славяне 9, 121
согдийцы 28, 30, 43, 44, 48, 125

таджики 9, 91, 97, 99
тоды 48
туры (туранцы) 18, 77

финно-угры 92
филистимляне 17
французы 9

хетты 9, 41, 55, 60
хурриты 16

эламиты 16
элины 61, 78, 125
эфиопы 43

ОГЛАВЛЕНИЕ

	От редактора	3
	От автора	6
	По следам древних колесниц	9
Глава I.	Тайна священной книги	19
	Путешествие в глубь тысячелетий	19
	Древние гимны и проповедь пророка	23
Глава II.	В легендарной стране	31
	Поход Семирамиды и бактрийский мираж	31
	Украшение всей Арианы	42
	Безымянные мастера	67
Глава III.	На широком степном просторе	77
	Туры с быстрыми конями	77
	Зашифрованные легенды	100
	Аржан или Баба-Джан?	110
	Примечания	121
	Литература	127
	Список сокращений	132
	Подписи к таблицам	133
	Указатель имен	137
	Указатель географических названий	140
	Указатель этнических названий	143

Елена Ефимовна Кузьмина

В СТРАНЕ КАВАТА И АФРАСИАБА

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор Н. В. Шевелева

Художественный редактор Ю. П. Трапакон

Технические редакторы Э. Л. Кунина, А. М. Сатарова

Корректоры П. А. Пирязев, Н. С. Шерман

Сдано в набор 10/XI 1976 г. Подписано к печати 22/II 1977 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 8,7. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 55000.

Т-03345. Тип. зак. 1394. Цена 57 коп.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

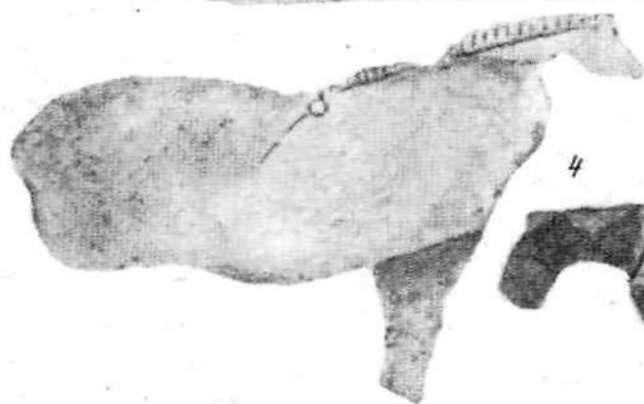
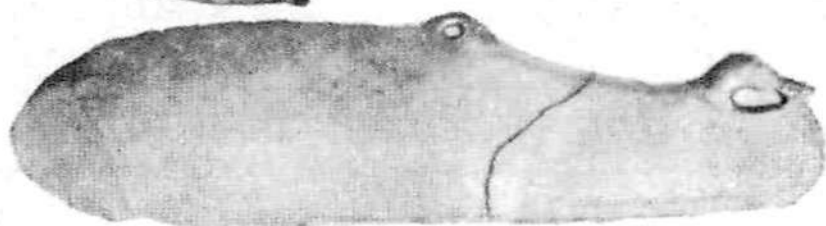
1

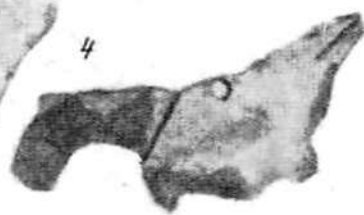
2

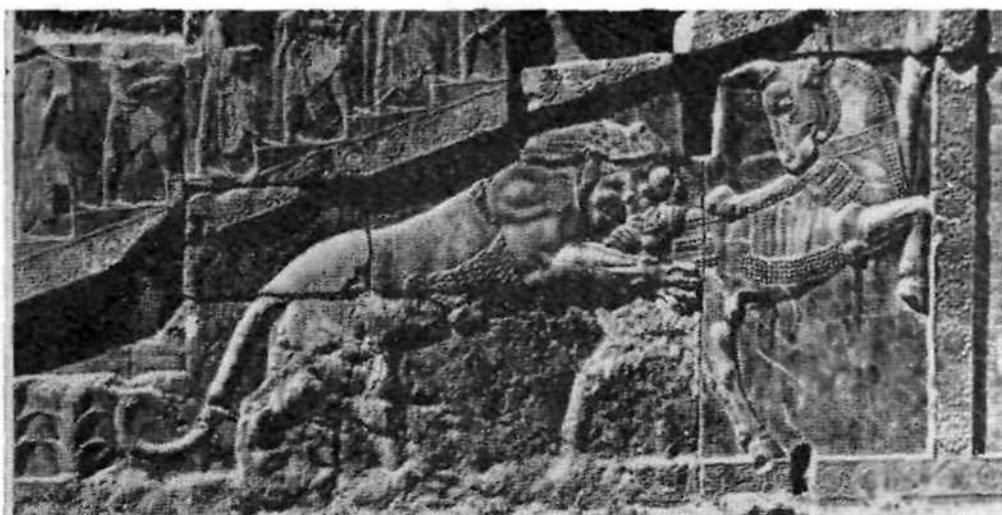

3

4

5

6

7

8

9

10

11

Таблица IV

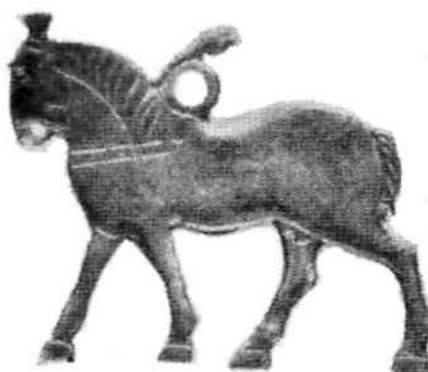
14

15

16

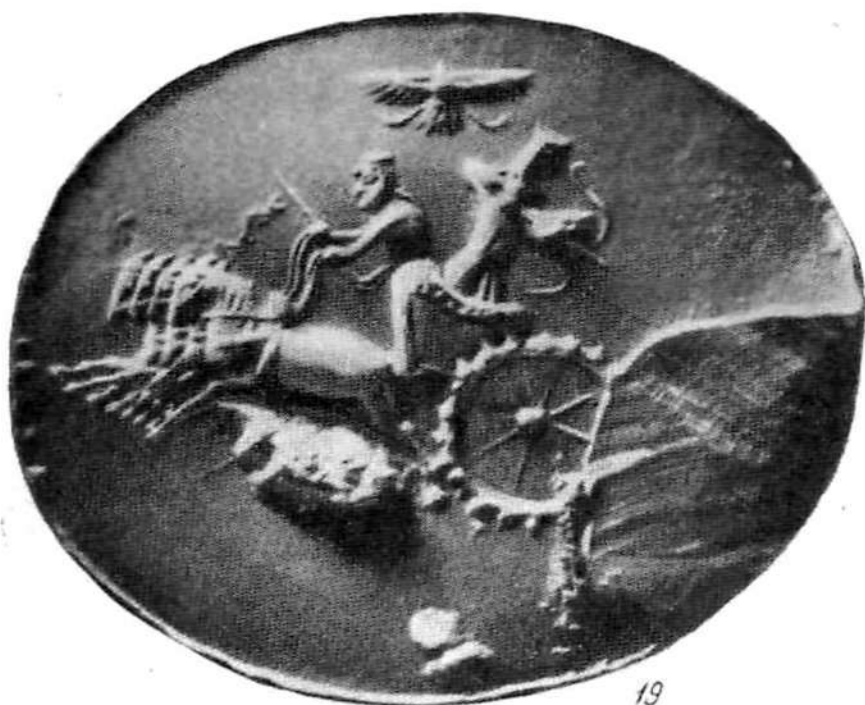

17

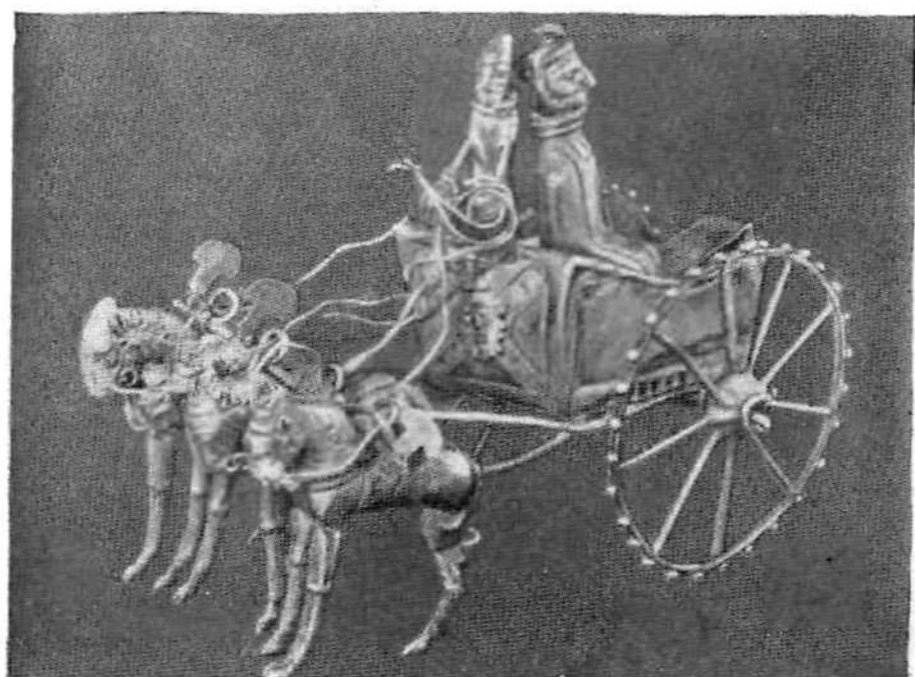

18

19

20

21

22

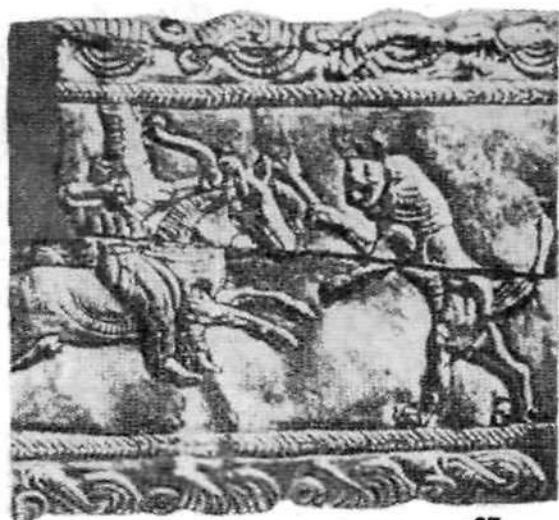
23

24

25

29

30

31

32

33

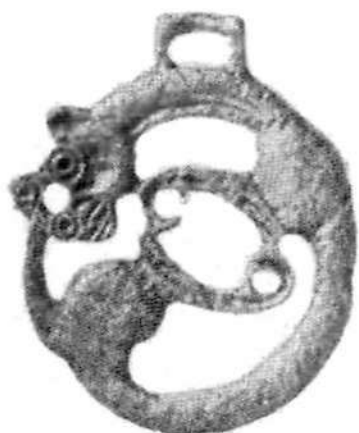
34

35

36

37

38

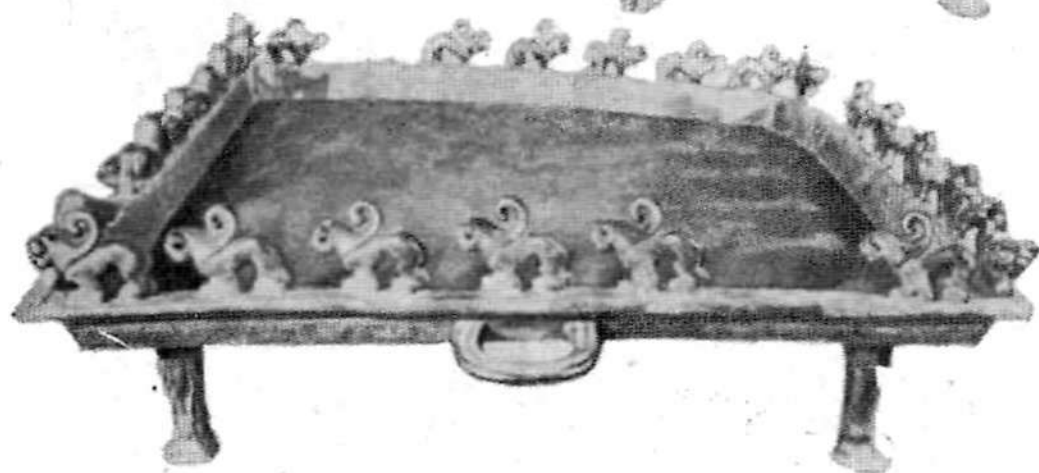
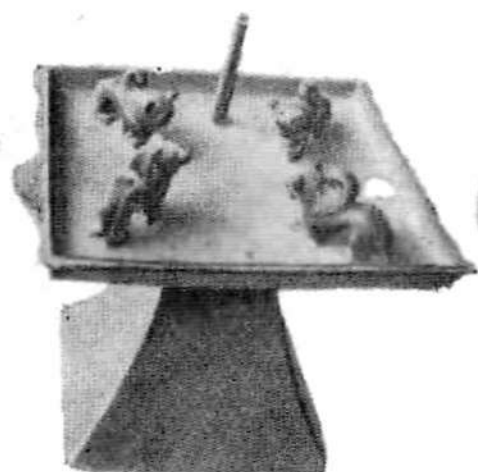

39

40

Таблица XII

41

43

42

44

45

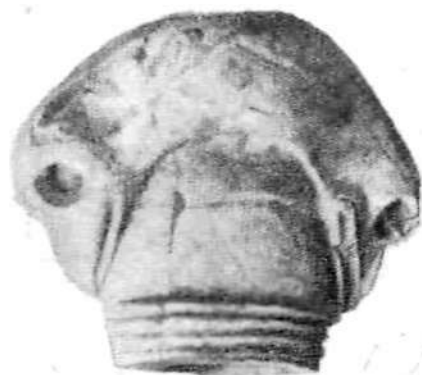
46

47

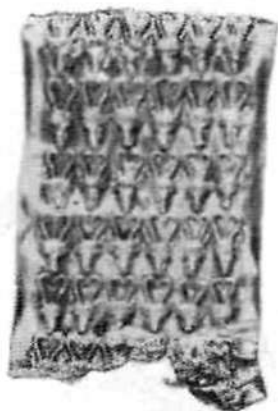
48

55

56

57

58

59

